

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-А

К. Р. ДЗАЛАЕВА

**ОСЕТИНСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ**
(вторая половина XIX – начало XX вв.)

Второе издание, переработанное

Владикавказ 2012

ББК 63.3(2)53

*Печатается
по решению Ученого совета СОИГСИ*

Дзалаева К.Р.

Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.):
Монография. 2-ое издание, переработанное. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т
гум. и соц. исслед. им В.И. Абаева; Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
– 298 с.

ISBN 978-5-91480-143-1

Научный редактор –

доктор исторических наук, профессор *З.В. Канукова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С.А. Айларова*,
доктор исторических наук *И.Т. Марзоев*

Монография посвящена проблемам формирования осетинской интеллигенции в эпоху пореформенной модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Предметному исследованию подвергаются факторы ее возникновения, профессиональная, общественная и благотворительная деятельность. Особое внимание уделяется социально-культурным взглядам наиболее ярких ее представителей, возложивших на себя ответственность за повышение качества жизни родного народа и принявших активное участие в деле распространения мировых достижений в области экономики, культуры и социального взаимодействия на территории Осетии, способствуя ее поступательному развитию и успешной интеграции в социокультурное пространство России.

ISBN 978-5-91480-143-1

ББК 63.3(2)53

© ИПО СОИГСИ, 2012

© Дзалаева К.Р., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОСЕТИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.	18
ГЛАВА II. СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСЕТИН-ИНТЕЛЛИГЕНТОВ	34
§ 1. Религиозная деятельность	34
§ 2. Военная деятельность	56
§ 3. Педагогическая деятельность	91
§ 4. Медицинская деятельность	111
§ 5. Творческая деятельность	117
§ 6. Научная деятельность	151
§ 7. Деятельность государственных чиновников	169
ГЛАВА III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
ПРИМЕЧАНИЯ	225
ПРИЛОЖЕНИЯ	245

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха второй половины XIX – начала XX веков, ознаменовавшаяся сложными модернизационными процессами, стала для России своеобразным прогрессивным импульсом в развитии социально-экономической системы, изменения в которой привели к трансформации целого ряда ценностных установок и образа жизни населяющих ее народов, формированию нового культурного пространства, выходу общественных отношений на более высокий уровень.

В Осетии указанные процессы отразились, прежде всего, на традиционном характере функционирования осетинского общества, мировоззрении и социально-культурных приоритетах осетин, которые фактически в одночасье оказались в новых социальных, экономических и культурных условиях жизнедеятельности.

Успешность адаптации к ним во многом была обусловлена демократичностью, открытостью и адаптивностью осетинского народа, интегрирующегося в общероссийское социокультурное пространство. В период модернизационных изменений исключительно важную роль сыграла зарождающаяся осетинская интеллигенция, ставшая не только посредником между «старым» и «новым», «знакомым» и «неизвестным», но и важнейшей движущей силой осетинского социума.

Национальная интеллигенция Осетии второй половины XIX – начала XX вв. выступила как социальная общность, представители которой, профессионально занимаясь умственным творческим трудом, были активно вовлечены в общественную деятельность. Именно они возложили на себя миссию просветительства, генерации, воспроизводства и распространения культурных ценностей, занимаясь различными видами профессиональной, общественной,

культурно-просветительской и благотворительной деятельности, способствуя, тем самым, поступательному развитию осетинского общества.

Следует заметить, что в научный оборот введено множество определений термина «интеллигенция» (лат. *intelligentia* – понимание, познавательная сила, знание, от *intelligens, intellegens* – умный, понимающий, знающий, мыслящий). В предлагаемом исследовании интеллигенция Осетии второй половины XIX – начала XX вв. рассматривается как социальная группа, профессиональная деятельность которой выразилась в реализации функций интеллектуального труда, направленного на созидание ценностно-ориентированных основ общественной деятельности, обогащение и развитие социокультурной среды не только Осетии, но и всего Северного Кавказа в целом. К этой группе нами были отнесены как лица высокообразованные, так и лица, не имевшие высшего образования, но активно и продуктивно занимавшиеся интеллектуальным трудом. Как известно, эта категория была самой массовой в России и «нет оснований отделять ее от интеллигенции»¹.

В работе была предпринята попытка воссоздания целостной картины общественно-культурной ситуации в Осетии периода пореформенной модернизации, в которой стало возможным появление в среде традиционной осетинской общественности новой социальной группы – интеллигентов.

Предметному исследованию подверглись факторы формирования национальной интеллигенции Осетии в эпоху пореформенной модернизации, сферы ее профессиональной (религиозной, военной, педагогической, медицинской, творческой, научной, управленческой) и общественной деятельности, ее роль в социально-культурном развитии родного народа.

До настоящего времени опубликованные самостоятельные научно-исследовательские работы, посвященные комплексному изучению вопроса формирования и социальной значимости национальной интеллигенции Осетии, не имели места. Имеющийся же материал раскрывает довольно узкую тематику интересующей нас проблемы. Как правило, эти исследования касаются деятельности небольшого круга представителей осетинской интеллигенции. Более того, они носят преимущественно описательный характер и не содержат в себе многоаспектной аналитической основы. В то же время, изучение обозначенной проблемы, как нам представляется, требует их систематизации в контексте общих проблем истории и культуры Осетии, определения не только значимости сугубо профессиональных достижений осетинской интеллигенции, но и осмысление самого факта ее появления как важнейшего социокультурного феномена в период сложных трансформационных процессов, существенно изменивших традиционное осетинское общество во второй половине XIX – начале XX вв.

Большое значение в изучении вопроса также имеет междисциплинарный подход, позволяющий раскрыть причинно-следственные основания и особенности исследуемого процесса формирования осетинской интеллигенции, роль и степень его влияния на изменения хозяйственно-бытового и мировоззренческого уровней осетинского общества в рассматриваемый период.

В работе над поставленной проблемой мы опирались на ряд научных трудов, в той или иной степени затрагивающих обозначенную проблематику. Так, вопросам присоединения Осетии к России, установления и развития русско-осетинских отношений, развертывания российских миссионерских православных организаций, стоящих у ос-

нов конфессионального образования в Осетии, посвящен труд М. М. Блиева «Присоединение Северной Осетии к России»² и составленный им сборник документов в 2-х томах «Русско-осетинские отношения в XVIII веке», работа «Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом» М. С. Тотоева³ и др. История духовенства Осетии отражена в историческом очерке А. Гатуева «Христианство в Осетии», где рассматриваются начальные шаги распространения христианства в Осетии, религиозные воззрения, народные обычаи, система летоисчисления осетин, состояние христианства в Осетии под русским владычеством в XVI–XVIII веках, противостояние христианских миссионеров распространению ислама, самоотверженный труд осетинских православных священников⁴. Представляет большой научный интерес и работа Л. А. Чибирова «Выдающийся просветитель. Жизнь и деятельность А. Б. Колиева»⁵, в которую вошли очерки, статьи, зарисовки о выдающемся представителе христианского просвещения в Осетии Аксо Колиеве, а также его стихи. Деятельность православных храмов и их служителей в городе Владикавказе рассматривается З. В. Кануковой и С. А. Хубуловой в их совместной работе «Религия в истории и культуре полиэтничного города»⁶. Формированию творческой индивидуальности просветителя Х. Д. Цомаева посвящено монографическое исследование Е. Б. Дзапаровой⁷. Проблема истории формирования осетинского христианского духовенства, его вклада в распространение среди осетин православия подробно освещаются в работах Л. К. Гостиевой, на протяжении многих лет изучающей деятельность первых священнослужителей Северной Осетии⁸. В работе Высокопреосвященного Гедеоны, митрополита Ставропольского и Бакинского «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к Рос-

сии» на основе многочисленных источников рассматриваются древнехристианские археологические памятники, история Кавказской и Владикавказской епархии и миссионерская деятельность среди горцев Северного Кавказа⁹. Солидным вкладом в изучение истории православия в Осетии стала монография И. А. Сланова «Ардонская духовная семинария», в которой автором уделяется внимание возникновению этого учебного заведения, его значению для религиозно-нравственного просвещения осетинского народа¹⁰. Военной интеллигенции осетин, ее выдающимся героям посвящаются работы Г. Т. Дзагуровой «Под российскими знаменами», «Сыны Отечества», а также ее многочисленные публикации в местной периодической печати, опирающиеся на архивные сведения о прославленных осетинских военнослужащих – послужные списки¹¹. Изыски наиболее современных исследований о военной службе осетин в составе различных частей российской армии в дореволюционные годы содержит замечательный труд Ф. С. Киреева «Герои и подвиги»¹². Существенный интерес представляют аналитические этно-культурологические исследования «Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-х – 90-х гг. XIX века» и «Общественная мысль народов Северного Кавказа: культурно-исторические проблемы модернизации (XIX век)» С. А. Айларовой, в которых рассматриваются проблемы развития общественно-политической мысли, генезиса и становления горской, в том числе осетинской, интеллигенции, предлагается авторская периодизация основных этапов ее развития, формирования общегражданского российского менталитета, ставится проблема гармонизации традиционных культур, народной ментальности и российских модернизационных реформ¹³.

Особое место в проблеме изучения процесса зарож-

дения осетинской интеллигенции занимает монографический труд В.Д. Таказова «Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX вв.)», в котором показано влияние православных миссионеров на процесс развития журналистики, издательского дела, национальной литературы¹⁴.

Наибольшее количество исследований по проблеме формирования осетинской интеллигенции наработано в области педагогической мысли ее передовых представителей¹⁵. Так Е.Е. Хатаевым рассматривается состояние школьного дела в Осетии, деятельность горских просветителей и первых учителей; Е.Н. Чеджемовой исследуются педагогические воззрения Ахмета Цаликова; Н.О. Блейх изучается научно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды Г.И. Дзасохова, а в монографии Р. А. Хатаевой «Харитон Уруймагов (1864–1919 гг.)», объектом исследования выступает профессиональная и общественная деятельность известного педагога Х. Уруймагова, его вклад в развитие просветительства кавказских народов¹⁶. Исследования в области деятельности видных осетинских педагогов содержат и другие работы.

Тем не менее, до сих пор остается не достаточно разработанным круг вопросов, затрагивающих проблему развития в Осетии пореформенного периода медицинской деятельности, выделения из среды профессионально образованных осетин группы медицинской интеллигенции, сыгравшей значимую роль не только в развитии собственно осетинской медицинской культуры, но и в развитии повседневной жизни осетинского народа, неотъемлемой частью которой являлось знахарство. Лишь некоторые аспекты обозначенной проблемы рассматриваются в работах советского периода по истории появления и развития медицинской службы и здравоохранения. Деятельности

бесплатных лечебниц, вкладу осетинских специалистов в организацию медицинской службы уделено внимание в работах Д.Р. Тхостова, Э.Д. Грибанова¹⁷. История системы здравоохранения в Осетии отражена в совместном исследовании З.Р. Аликовой, О.Н. Гурчиева, К.Д. Салбиева «Очерки истории здравоохранения»¹⁸. Существенным подспорьем в изучении процесса становления осетинской медицинской интеллигенции является монографическое исследование Н.А. Гиоева «На страже здоровья», в которой содержатся небольшие биографические очерки-зарисовки о наиболее известных деятелях медицины Северной Осетии, внесших существенный вклад в развитие народного здравоохранения СО АССР¹⁹.

Современный подход к изучению медицины в Осетии содержится в диссертационном исследовании А.С. Уадати «Владикавказская городская дума (1875–1917)», где развитие здравоохранения выступает одним из важнейших направлений деятельности городской думы Владикавказа в указанный период, а также выявляется роль городского самоуправления и отдельных врачей в становлении городской медицинской службы²⁰.

Более исследованной является деятельность творческой интеллигенции. Общим вопросам развития культуры, общественной мысли и русско-осетинских связей посвящены монографические исследования М.С. Тотоева²¹, деятельности некоторых выдающихся представителей осетинской интеллигенции – А. Хачирова²², развитию местной периодической печати – Ю.В. Хоруева²³, истории осетинской драмы – А.А. Хадарцевой²⁴. История художественной культуры осетин изучена в работе Р.Я. Фидаровой, рассматривающей процесс ее формирования в тесной взаимосвязи с историей народа, общественным бытием и сознанием²⁵. Целый ряд интересных трудов посвящен ху-

дожественному творчеству осетинских писателей, поэтов и художников²⁶. Наиболее исследованным является творчество великого осетинского поэта, драматурга, художника, публициста, общественного деятеля, основоположника осетинского литературного языка К.Л. Хетагурова, интерес к которому не угасает у исследователей и по сей день²⁷. Городская общественно-культурная среда, вклад осетинской интеллигенции в развитие просветительских и образовательных учреждений, театрального искусства и музыкальной культуры рассматривается в историко-этнологическом исследовании З.В. Кануковой «Старый Владикавказ»²⁸. В монографии Б.В. Туаевой «Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв.» содержится обзор деятельности культурно-просветительских и благотворительных городских обществ Северного Кавказа, определено место и значение провинциальной интеллигенции в процессе распространения, функционирования и приобщения народов Северного Кавказа к мировым и российским ценностям культуры²⁹. Профессиональной и благотворительной деятельности формирующейся осетинской интеллигенции, ее тесным взаимосвязям, посвящены краеведческие исследования Г.И. Кусова³⁰.

Особую ценность представляют немногочисленные работы о научной деятельности национальной интеллигенции осетин³¹. В частности, особый интерес представляет собрание избранных произведений известного осетинского философа, публициста, общественного деятеля А.А. Гассиева, позволяющее составить представление не только о глубине и широте научных интересов и знаний одного из первых осетинских ученых, но и о самобытности убеждений и богатстве его мировоззрения³². Ценность имеет и работа М.К. Гатиева «Осетины – Бауманцы», где

приводится материал о первых студентах и выпускниках этого учебного заведения, таких как Д.Г. Гиоев, Д.В. Дзахов, И.Т. Собиев, Р.Н. Гаглоев и др.³³

Ценным вкладом в изучение вынесенных нами на рассмотрение вопросов стало современное переиздание трудов выдающихся осетинских интеллигентов, стоящих у истоков осетинского научного знания – «Этнографические сведения об осетинах» М. Мисикова (где помимо собственно научных изысканий этого известного осетинского ученого-медика, антрополога, этнографа, организатора науки и видного общественного деятеля приводится аналитическая статья Р.С. Бзарова о их научной значимости)³⁴ и «Практические указания для удешевления эксплуатации и построек железных дорог» инженера путей сообщения Бей-Булата Датиева, вошедшего в книгу К.Д. Медоева «Наследие действительного статского советника. Датиев Б. Д» (в которой кроме самого труда Б. Датиева содержится информация биографического характера о его яркой жизни и продуктивной профессиональной деятельности)³⁵.

Следует отметить, что исследования советского периода, к сожалению, лишены объективности в оценивании вклада первых представителей осетинской интеллигенции в общее дело культурного развития всего северокавказского региона. Как правило, имеющаяся в этих работах предвзятость обусловлена идеологическими причинами. Очень ярко такой подход иллюстрируется в труде С.Ш. Габараева «Георгий Цаголов»: «Характерно, что господствующие классы в Осетии не дали ни одного более или менее видного общественного или культурного деятеля, на котором можно было бы специально остановиться. Это и понятно: общественный класс, подвергающийся вырождению, каким было тогда осетинское дворянство, не только не может создать ничего значительного в области духовной

культуры, а, наоборот, лишь препятствует ее развитию»³⁶. Однако не требует доказательств тот факт, что основным маркером интеллигентности является, в первую очередь, образованность индивида. Как известно, российская администрация, прежде всего, проявляла заинтересованность в налаживании контактов именно с привилегированными сословиями Северного Кавказа, в которых видела посредников между собою и остальным населением. В связи с этим, более свободный доступ к получению образования в большей степени имели представители социальной элиты (или, как указал приведенный выше автор, «осетинского дворянства»), и в значительной степени зарождающаяся осетинская интеллигенция состояла именно из них – проникнувшихся идеей всеобщего распространения грамотности и образованности, постоянно работавших над собой и расширявших свой кругозор, выезжавших за пределы Осетии и с легкостью включавшихся в процессы межкультурного взаимодействия. Их имена, вошедшие в историю осетинского народа, говорят сами за себя – Гацыр, Гуцыр, Джантемир, Индрис, Ибрагим и Элкан Шанаевы, Алмахсид и Инал Кануковы, Магомет Мисиков, Асланбек, Хамби, Махарбек и Эльбыздыко Тугановы, Эльмурза Мистулов, Иналук, Сафар и Ибрагим Абисаловы, Иналук Тхостов, Ахполат Аликов, Александр, Анна и Ахмед Цаликовы, Мусса Кундухов, Казбулат и Асламурза Есиевы, Георгий Кантемиров, Гагудз Гуриев, Елбыздыко Бритаев, Темирбулат Мамсуров, Коста и Андукапар Хетагуровы, Хусина, Захар, Павел, Лев, Александр, Ольга, Михаил, Дзандар, Константин, Андрей, Петр, Измаил, Гаппо и Чермен Баевы, Даниил, Александр, Петр, Бабпи, Ефим, Лаврентий, Надежда и Серафима Газдановы и многие другие.

Таким образом, проведя краткий историографический обзор, можно заключить, что, несмотря на целый ряд на-

учных трудов, содержащих в себе определенные аспекты рассматриваемой нами проблемы, остаются востребованными исследования, дающие целостное представление о факторах, предпосылках и этапах выделения из осетинского социума второй половины XIX – начала XX вв. национальной интеллигенции как новой социальной группы, дальнейшее формирование и развитие которой стало прямым результатом и двигателем модернизационных процессов в Осетии в указанный период.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы, опубликованные источники, периодическая печать.

Основная часть материала по деятельности осетинской интеллигенции хранится в фондах Центрального государственного архива РСО – А (ЦГА РСО – А) и Научного Архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Основную группу источников составляет делопроизводственная документация: уставы, отчеты, протоколы заседаний различных культурно-просветительских, научных, благотворительных и других обществ, где содержится информация о профессиональной, общественной и культурно-просветительской деятельности осетинской интеллигенции, ее роли в создании театральных, драматических, издательских, благотворительных, музыкальных и других обществ. К этой же группе отнесены многочисленные постановления и протоколы заседаний Владикавказской городской Думы.

В фондах ЦГА РСО – А «Владикавказская духовная консистория», «Дирекция народных училищ Терской области», «Владикавказское духовное училище», «Ардонская Александровская духовная семинария» содержится обширный материал о состоянии епархии, ее приходов, церквей, мо-

настырей и школ, о деятельности представителей осетинской церковной интеллигенции – священнослужителей, учителей церковно-приходских школ. В отчетах Благочинных церквей 10, 11 и 12 округов, представленных во Владикавказскую духовную консисторию, весьма подробно отражена деятельность православных миссий. Фонд «Владикавказское духовное училище» содержит информативные сведения о педагогической деятельности осетинской церковной интеллигенции. В фонде «Владикавказское окружное отделение епархиального училищного совета за 1876–1919 гг.» хранятся отчеты, содержащие подробную информацию о церковно-приходских школах. Интересными представляются заявления и прошения осетинских священников и учителей, содержащиеся в большом количестве в этих фондах, которые открывают нам их повседневные заботы и чаяния.

Существенным подспорьем в изучении проблемы формирования осетинской интеллигенции стали фонды НА СОИГСИ, содержащие биографические сведения о ее первых представителях. Особенно востребованы в данной работе фонды «Литература», «Искусство», «История», а также фонды Г. К. Гуриева, Г. А. Дзагурова, Х. С. Черджиева, сохранившие, в числе прочего, воспоминания современников о деятельности и судьбах первых осетинских интеллигентов.

Из опубликованных источников особую значимость имеют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года по Терской области, содержащие данные о распределении населения по группам занятий, по родному языку, сословиям и состояниям, о видах деятельности и отдельных группах лиц, причисляемых к интеллигенции, а также об их численности³⁷.

Обширная информация представлена в отчетах Общества восстановления православного христианства на

Кавказе за 1888–1913 гг., позволяющих составить ясное представление о деятельности православных церквей, определить численность, места работы и мобильность церковных служителей.

Также были широко использованы сведения, опубликованные в сборнике «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах», составленном Л. А. Чибировым. В него вошли как публикации самих представителей осетинской духовной интеллигенции на страницах прессы, так и корреспонденция по истории народного образования, письменности и издательского дела, осетинской художественной литературы и культурной жизни дореволюционного периода Осетии и другие материалы, извлеченные из дореволюционных газет³⁸.

В большем объеме в исследовании были привлечены материалы дореволюционных периодических изданий, среди которых высокий источниковедческий потенциал имеют газеты «Терские ведомости», «Кавказ», сборник статей «Известия Северо-Осетинского Научно-Исследовательского Института».

Глава I. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОСЕТИН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Территория Осетии, расположенная между Северным Кавказом и Закавказьем, всегда была привлекательна в виду своего исключительного военно-стратегического положения. Особый интерес в этом отношении испытывала Российская империя, которая стремилась к ускорению политического освоения данного региона. В свою очередь, сама Осетия, как известно, в виду целого ряда объективных причин, довольно емко отраженных в научной литературе прошлых лет³⁹, стремилась наладить торговые и политические отношения с Россией.

Результатом этого обоюдного стремления стало воссоединение Осетии и России в 1774 году. В целях распространения своего влияния среди осетинского народа российское правительство прибегало к разным средствам, наиболее эффективным из которых оказалось укрепление самодержавных позиций при помощи деятельности христианских миссий, приобщавших осетин к православной вере. Ведущую роль в этом процессе сыграли «Моздокская комиссия для восстановления в Осетии древнего храма христианства», сформированная в 1793 году, «Осетинская духовная комиссия», учрежденная в Тифлисе в 1816 году, и «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», начавшее свою миссионерскую работу в 1860 году, основная задача которых состояла в религиозном просвещении Осетии преимущественно посредством церковных школ.

Так, усилиями Моздокской комиссии была отпечатана первая церковная книга на осетинском языке, подготовле-

но несколько церковнослужителей «из природных же осетин», что признавалось современниками довольно значительным, «судя по времени и обстоятельствам тогдашней боевой жизни края»⁴⁰.

Не менее ревностно дело насаждения в Осетии христианства и просвещения, начатое осетинскими духовными комиссиями, продолжало и «Общество восстановления христианства на Кавказе». Совет Общества, который видел в осетинах древних христиан, «забывших православную религию и частью перешедших на сторону магометанства», ставил своей первоочередной задачей «восстановить среди них заметно угасавшую религию, а потому он, в помощь духовенству как вспомогательное средство в распространении христианских истин, стал открывать в горских селениях школы. Эти школы, как рассадницы просвещения среди темной массы народа, несмотря на то, что с самого начала своего основания, в 1863 году встречали на пути своего развития много преград и часто подвергались закрытию, оказали большую услугу горцам»⁴¹. Как писал современник, «...в настоящее время вся Осетия покрыта мужскими и женскими школами – около десяти тысяч детей обоего пола получают зачатки просвещения, знание русского языка и грамоты, столь необходимых орудий в деле существования и общего развития народа. Благодаря русским школам могучий русский язык стал для осетин родным и в этом отношении осетины заняли давно уже первое место среди народов Кавказа. Эта долголетняя работа народной школы пробудила среди осетин стремление к дальнейшему образованию. В то время как в Чечне и Дагестане заканчивалась полувековая война, сыны Осетии выходили уже из военных, гражданских и духовных высших учебных заведений деятелями новомирной культуры и русской граждан-

ственности и уже тогда становились в ряды работников на народной ниве»⁴².

Как признавала сама Екатерина II «нет лучшего способа по обстоятельствам осетинцев и ингушовцев учинить их прямыми христианами, к здешней стороне приверженными, как просвещением из них молодых людей»⁴³.

Согласно указу от 27 сентября 1764 года первая миссионерская школа была открыта в приграничной крепости Моздок. В качестве основной цели ею указывалось «сколько возможно стараться, чтобы из обращенных принимать в учрежденную в Моздоке школу учеников с тем, чтобы они никогда своего родного языка не забывали, и чтоб таких со временем, по обучении российской грамоте, и по способности мест, можно было бы посвящать к церквям обращенных во священники и посылать для проповеди»⁴⁴.

Вскоре в среде осетинского народа стала наблюдаться тенденция массового стремления к образованию, которая к 60-м годам XIX века вылилась в настоящий бум. Вся Осетия стала наполняться школами, а в прессе тех лет об осетинах говорилось: «Они больше других горцев прониклись идеей необходимости широкого развития среди себя школьного образования, справедливо видя в нем залог будущего развития населения как в духовном, так и в материальном отношении»⁴⁵; «в последнее время замечается у осетин особое стремление к образованию, вместе с развитием благосостояния, особенно у осетин, живущих на равнине... осетины восприимчивы, любознательны, сообразительны, легко усваивают русский язык. Они наполняют школы народные, проникают в средние учебные заведения, где пишущий эти строки всегда находит среди них внимательных и трудолюбивых учеников»⁴⁶.

В рапорте начальника Владикавказского округа начальнику Терской области от 26-го июня 1869 года также

сообщалось: «Осетины давно уже сами осознали пользу знания языка русского и грамотности, – окружены русским населением единоверным с ним, так как большая часть осетин исповедуют христианскую религию, они, когда еще не были устраиваемы школы для осетин, большая часть из жителей отдавали своих сыновей в станицы – казакам для обучения русской грамоте; хотя подобное обучение и не приносило такой пользы, какую принесли бы школы, но, во всяком случае, оно имело важное значение, так как оно развило в народе грамотность и знание русского языка. Ныне не редкость встретить осетина, умеющего хотя и плохо, но написать что-либо, а говорящий по-русски уже не удивляет никого»⁴⁷.

В течение второй половины XIX – начала XX вв. почти во всех селениях Осетии появились церковно-приходские школы, но поскольку их количество было недостаточным, они не могли вместить в себя всех желающих учиться. Неоднократные беспристрастные ревизии этих школ (инспектором Совета «Общества восстановления христианства на Кавказе», архимандритом Иоанном, членами Ардонского отделения «Общества») свидетельствовали о хорошей постановке учебно-воспитательной части в них и добросовестном отношении учащихся к своим обязанностям. Само население «вполне осознало пользу образования и всячески старалось поддержать существование своих школ»⁴⁸.

Во второй половине XIX века Осетия стала покрываться сетью сельских школ «Общества распространения христианства на Кавказе», которая «...сделала среди осетин Владикавказского округа русский язык и грамоту родными. Вслед за христианскими открыли и в мусульманских осетинских селениях такие же школы»⁴⁹.

Согласно общим «Правилам о приходских школах ве-

домства Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе» церковно-приходские школы этого ведомства имели целью воспитание детей горских семейств в духе православной веры, распространение необходимых сведений по образу их жизни, нуждам и занятиям и учреждались во всех горских христианских приходах при посильном содействии Общества.

В виду разбросанности горских поселений, трудности их сообщений и суровости климата, с целью предоставления возможности большему числу детей обучаться, «не оставляя родительских домов, или, по крайней мере, оставаясь в близком соседстве с оными», приходские школы должны были быть подвижно-очередными. Они оставались в одном ауле на «два или три года сряду», чтобы как можно больше горских детей могли получить достаточно полное первоначальное образование. По истечении этого срока школа должна была переводиться на два-три года в другой аул. Материальная и учебная поддержка приходских школ осуществлялась за счет Общества. Закрывание или перемещение церковно-приходских школ могло осуществляться только с разрешения Совета Общества. Их благосостоянию содействовали местные военно-гражданские власти. Помещения для приходских школ, дрова и отопление помещений предоставляли по общественным решениям сельские общества. Согласно Правилам о приходских школах ведомства Общества Восстановления Православного Христианства на Кавказе приходские школы были двух типов – одноклассные и двухклассные. Одноклассные школы учреждались во всех приходах и делились на два разряда: в школах первого разряда обучалось не менее двадцати учащихся, а в школах второго разряда – от десяти до пятнадцати. Двуклассные школы учреждались только по особому назначению Совета Общества и их

здания устраивались за его счет. Длительность обучения составляла два года в одноклассных школах и четыре (на каждый класс по два года) в двухклассных.

В одноклассных школах велось обучение по таким предметам, как чтение и письмо местного письменного языка, закон Божий (символ веры, заповеди Господни, молитвы и главнейшие сказания из священной истории), четыре первые действия арифметики, церковное пение, ознакомление посредством чтения и разговоров с предметами внешней природы, возбуждающими любознательность детей, чтение русских книг гражданской и церковной печати, письмо и практическое изучение разговорного русского языка.

В двухклассных школах, помимо указанных предметов, преподавались краткий катехизис и краткая священная история, краткая русская грамматика, некоторые вопросы арифметики (именованные числа и простые дроби), география (общие понятия об этой науке и география Российской империи), чтение книг нравственно-исторического содержания.

В приходские школы принимались дети не младше восьми лет из горских семейств, не зависимо от социального положения. От поступивших в школы детей не требовалось никакой платы за обучение. Более того, учащиеся в приходских школах, как пансионеры, так и вольноприходящие, пользовались безвозмездно и всеми учебными пособиями. Причем пансионерам ежегодно бесплатно выдавалась одежда и обувь из «туземных материй».

Учителями школ назначались лица преимущественно из священно и церковнослужителей местного причта. Могли быть учителями также и лица «всякого звания и состояния, соединяющие в себе условия, для занятия сих должностей необходимые».

По воскресным и праздничным дням приходский священник-законучитель с учителем приглашали в школу всех прихожан для обучения молитвам на родном языке.

Основная задача, возлагаемая на учителей приходских школ, состояла в прививании в сердцах детей благоговения к Богу, любви к ближнему, уважения к закону и властям.

В конце учебного курса, в присутствии местных жителей, благочинный производил испытание учеников по всем предметам и сообщал о результатах испытания Совету Общества, представляя именной список учеников, в котором были указаны сведения о поведении, способностях и успехах учеников. Учащиеся, пробывшие два года в одном классе, но не оказавшие удовлетворительных успехов, лишались содержания от Общества и могли продолжить обучение в школе за свой счет⁵⁰.

Церковно-приходские школы стали появляться фактически по всей территории Осетии. В фондах хранения ЦГА РСО-А встречаются документы, содержащие Общественные приговоры жителей различных осетинских селений об открытии школ. В качестве иллюстрации приведем Общественный приговор об открытии Садонской церковно-приходской школы и прошения о назначении и смещении учителей на должность (1894–1906), в котором говорится: «1894 года 27 мая, мы, нижеподписавшиеся жители селений Садонского прихода 3 участка Владикавказского округа Терской области из числа 214 домохозяйств в числе 150 человек имеющих право подавать голоса на сходе, быть сего числа на оном, в присутствии старшины нашего прихода, Алексея Бесолова, по разным общественным делам, где между прочими учинили настоящий приговор, в нижеследующем:

Желая построить, мы, в нашем приходе, одноклассную церковно-приходскую школу и имея нужду в земле под по-

стройку оной школы, мы вынуждены просить настоящим нашим приговором подлежащее начальство об отводе нам с восточной стороны нашей приходской церкви потребное количество земли, принадлежащей нашей церкви, для устройства на ней вышеозначенной школы, по плану – меньшему, из трех, высланных нам инспектором школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе»⁵¹.

Церковно-приходскими школами обогатились селения: Ардон⁵², Ход⁵³, Галиат⁵⁴, Дарг-Кох⁵⁵, Вольно-Христианское⁵⁶, Хумалаг⁵⁷, Даллакау⁵⁸, Беслан⁵⁹, Кадгарон⁶⁰, Ногкау⁶¹, Махческ⁶², Нар⁶³, Ольгинское⁶⁴, Стыр-Дигора⁶⁵, Карджин⁶⁶, Мизур⁶⁷, Тиб⁶⁸, Джимара⁶⁹, Новая Саниба⁷⁰, Архон⁷¹, Гулар⁷², Кобань⁷³, Зруг⁷⁴, Бад⁷⁵, Каккадур⁷⁶, Гизель⁷⁷, Ахсау⁷⁸, Камунта⁷⁹, Садон⁸⁰, Лац⁸¹, Бирагзанг⁸², Ечна⁸³, Зарамаг⁸⁴, Хидикус⁸⁵, Дунта⁸⁶, Унал⁸⁷, Урух⁸⁸, Закк⁸⁹, Цамада⁹⁰, Цей⁹¹ и многие другие.

Стремление населения к образованию проявлялось и в Южной Осетии, корреспонденция которой содержала в себе сообщения о медленном, но неуклонном продвижении в деле народного образования. В частности, в № 2047 газеты «Новое обозрение» за 1889 год указывалось, что «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе» принимаются меры к упорядочению учебно-воспитательной части в подведомственных ему церковно-приходских школах: «В Южной Осетии, где число жителей превышает 20 тысяч, „Общество“ содержит три школы: джавскую, корнисскую и ванатскую. В первых числах сего месяца школы эти осмотрел инспектор школ, кандидат богословия отец иеромонах Леонид, который, хотя и нашел некоторые недостатки в школах, но надеется, что в скором времени все школы будут поставлены вполне хорошо... Джавская школа – двухклассная, и в ней особенного вни-

мания заслуживает ученический хор. В этом году один из лучших учеников школы принят казенным стипендиатом в Ардонское духовное училище. Так как здание, занимаемое ванатской церковноприходской школой, не соответствовало своему назначению, то отец Леонид, совместно с наблюдателем школы Чочишвили убедил жителей выстроить на свои средства новое здание. В настоящее время на краю школьной земли красуется просторный и красивый зал, и дело, следовательно, остается теперь за учащимися»⁹².

Церковно-приходские и мечетские школы Осетии на начальном этапе распространения грамотности сыграли огромную по своей значимости роль, поскольку именно они давали населению элементарные знания. Однако в скором времени потребность осетин в образовании стала выходить за рамки лишь только духовного просвещения и Осетия сделала решительный шаг в сторону развития системы светского образования. В целях успешного интегрирования в формируемое модернизационными изменениями экономическое пространство с новыми социально-культурными реалиями, осетины были вынуждены «облачиться во всеоружии образования и направить все свои силы к тому, чтобы подрастающее поколение было развито всесторонне и мобилизовано к борьбе за существование», строя свое будущее «на прочном фундаменте знания»⁹³. Таким образом, стремление осетин к образованию в большей мере было обусловлено экономическими мотивами, поскольку там, «где население почти все сплошь неграмотно, там трудно думать о каком-либо экономическом благосостоянии, даже о мало-мальски порядочной жизни»⁹⁴.

Во второй половине XIX – начале XX вв. осетины, как, впрочем, и другие северокавказские народы, вступив в новый период развития, все в большем объеме стали во-

влекаться в торгово-промышленные отношения, отдаляясь от прежних устоев жизни, от старого хозяйственного быта, становясь все более зависимыми от рынка. Формирующиеся экономические отношения, участниками которых становились горцы, так или иначе, как более развитые и могущественные, подвергли их хозяйственный быт и культуру «серьезному испытанию, увлекая за собою и подчиняя своему влиянию»⁹⁵.

Для полноценного внедрения в новую систему социально-экономических отношений было необходимо в короткие сроки становиться их равноправным участником, обладающим жизненно необходимыми навыками и знаниями – как профессиональными, так и социально-культурными. В этих условиях образование стало наиболее закономерным и эффективным способом получения возможности удовлетворения все возрастающих экономических и материально-бытовых потребностей осетин. Определяющая роль в обогащении их интеллектуального потенциала принадлежала теперь учебным заведениям, которые были призваны стать своеобразным «мостом», ведущим горцев в новую жизнь.

Бесспорным лидером в развитии системы светского образования в Осетии был город Владикавказ – административный, культурный и образовательный центр всей Терской области. Во Владикавказе стали появляться различные учебные заведения с существенно расширенным кругом предметов обучения, направленных не только на приобщение осетин к православной вере и русскому языку – важнейшей педагогической задачей «нового времени» стала подготовка профессиональных специалистов, оперирующих знаниями из разных областей науки. Следует заметить, что российское правительство было заинтересованно в увеличении общего количества образован-

ных горцев, так как нуждалось в создании кадров местного управленческого аппарата, готового к лояльному взаимодействию с гражданской и военной администрацией.

Прежде всего, Россия старалась устанавливать дружественные контакты с социальной элитой Осетии, способной оказывать влияние на народ. Именно поэтому в первую очередь, она была озабочена вопросом образования детей горцев, представляющих привилегированные сословия. Для большей эффективности процесса приобщения учащихся-осетин к русской культуре Министерством народного просвещения была выработана программа совместного обучения русских детей с «иностранцами». В этих целях 1 мая 1848 года во Владикавказе при Навагинском пехотном полку была открыта школа, в которой вместе обучались дети дворян и почетных сословий Владикавказского военного округа. По окончании школы они поступали на военную или гражданскую службу. Учебная программа Навагинской школы включала русскую грамматику, немецкий и французский языки, арифметику, историю и географию. В 1861 году эта школа была преобразована в Горское окружное училище⁹⁶. В корреспонденции газеты «Кавказ» за 1863 год, № 27, в сообщении об этом учебном заведении упоминалось: «Особенно важно в этом случае следующее обстоятельство: здешнее окружное училище воспитывает на счет правительства 50 мальчиков туземцев. Их родители, принадлежащие, без сомнения, к знатнейшим горским фамилиям, не могли не вынести из его стен самого отрадного впечатления: вот самое непобедимое и существенное оружие против такого честного и умного народа, каковы осетины! Здесь без огня и крови совершается прочная победа над... мы не хотим сказать „варварством“, потому что осетины далеко уже не варвары. Мало того: природа дала им слишком много драгоценных душевных

качеств, каких мы иногда напрасно ищем у иного русского простолюдина, которого никогда не осмелимся назвать варваром»⁹⁷.

В 1840 г. для курирования вопросами народного образования был сформирован Кавказский комитет, а в октябре 1853 г., в целях приведения народного образования на Кавказе в соответствии с общегосударственной системой образования, вышло «Положение о Кавказском учебном округе». Согласно этому Положению выпускники различных учебных заведений могли претендовать на государственную службу, на учительскую деятельность в начальных и частных школах⁹⁸.

В октябре 1859 года был утвержден «Устав о горских школах», создаваемых для распространения гражданственности и образования среди горцев и детей семейных офицеров и чиновников, служащих на Кавказе⁹⁹. В рамках этого Устава во Владикавказе была открыта Горская школа для детей русских военно-гражданских чиновников и представителей знатных осетинских фамилий. Образовательная деятельность школы была направлена на изучение закона Божиего, языков – русского, немецкого, французского, «татарского», осетинского, а также математики, географии, истории, чистописания, черчения, пения и музыки. На базе школы был образован Горский пансион, при котором действовали ремесленные мастерские, где воспитанники подготовительного класса по вечерам несколько раз в неделю могли заниматься башмачным, портняжным, переплетным, столярным, токарным, резным или слесарным ремеслами по выбору. Претерпев в дальнейшем ряд изменений, в 1870 г. Горская школа была преобразована в реальную прогимназию, которая пользовалась среди населения большой популярностью. В 1872 г. вышел Устав, по которому все реальные гимназии должны были быть

преобразованы в реальные училища, содержащиеся на средства, выделяемые государственным казначейством, пособия городских обществ, деньги, собиравшиеся от платы за учение.

С каждым годом во Владикавказе росло количество светских учебных заведений: в 1868 году было открыто Лорис-Меликовское ремесленное училище, подготавливающее профессиональные кадры для развития городской экономики; в 1875 году открылось Ремесленное училище для детей ремесленников; в мае 1871 года в память о проезде через Владикавказ Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича в июле 1870 года было основано бесплатное Константиновское училище для обучения детей неимущих горожан грамоте и письму¹⁰⁰; в 1869 году в целях «распространения между жителями края новых для них оснований сельского хозяйства, а также знакомства с усовершенствованными приемами культуры и обращения с улучшенными орудиями земледелия» свои двери распахнула агрономическая школа¹⁰¹; в 1875 г. из Тифлиса во Владикавказ была переведена военная прогимназия; в 1880 г. вступила в действие Владикавказская мужская прогимназия, а одна из начальных приходских одноклассных школ была преобразована в Пушкинское начальное училище. Таким образом, к 1889 году во Владикавказе существовало уже 21 учебное заведение (на все остальные города Терской области приходилось 19) и их число только возрастало.

Светские учебные заведения стали появляться и в селах Осетии. В 1896 году сельские сходы Зильги, Заманкула, Карджина, Беслана, Шанаевского «постановили приговоры об открытии школ министерства народного просвещения и сразу же приступили к их осуществлению»¹⁰². Так, например, в своем стремлении к прогрессу жители Заманкула

добились строительства здания для сельской министерской школы, которая тут же была переполнена учащимися – на два школьных учителя приходилось 200 учеников; около 200 детям было отказано в просьбе о принятии за неимением мест. Школа завоевала большую популярность, оказала значительное влияние на распространение среди подрастающего поколения знания русского языка и грамоты и на расширение кругозора всего населения села¹⁰³. В дальнейшем их примеру последовали и другие населенные пункты Осетии. К примеру, жители довольно большого и многолюдного селения Вольно-Христианское основали несколько мужских и одну женскую школу. Двухклассное училище, имеющееся в селении, не располагавшее до 1902 года своим зданием, в виду большого числа учеников ютилось в нескольких наемных помещениях. «Теперь жители разделили селение на три участка, и каждый участок сам строит для себя отдельное двухклассное училище. Одно отделение уже выстроено и обошлось жителям в 7000 рублей»¹⁰⁴.

Стремление осетин к образованию нарастало с каждым годом, учебных же заведений, несмотря на их постоянный рост, было все еще недостаточно для того, чтобы вместить всех «жаждущих света знания» – потребность в них была «живуча, как сама жизнь», «сильна, как свет», стремительна, «как могучий горный поток», «переходя в отдельных случаях прямо-таки в страсть»¹⁰⁵.

Страсть эта среди народа была настолько велика, что захватила и женское население. Так осетины первыми среди соседних северокавказских народов приступили к организации и развитию женского образования, что стало возможным благодаря демократической по характеру традиционной культуре осетин, в рамках которой женщине отводилась важная общественная роль¹⁰⁶.

Осознание необходимости организации женского образования приобрело в Осетии второй половины XIX – начала XX вв. необратимый характер. Возникнув однажды, женская школа ни на миг не прекратила своего существования, со временем превратившись в насущную потребность осетинского народа, видевшего в ней залог своего прогрессивного развития.

Распространение светского образования в Осетии способствовало повышению уровня образованности и культуры среди ее населения, что, в свою очередь, закономерно привело к формированию национальной осетинской интеллигенции, которая, являясь своеобразным подвижником европейской и российской культуры, принимала активное участие в общественно-культурной жизни и внесла огромный вклад в развитие не только осетинской, но и российской литературы, искусства, медицины, военного дела, осуществляя важнейшую миссию – просветительскую.

Особую роль в этом процессе сыграл город Владикавказ, ставший очагом распространения образования, российской и западноевропейской культуры, создавший благоприятные условия для появления в осетинском обществе новой социальной группы – интеллигенции. Именно во Владикавказе, с его богатой общественно-культурной жизнью, представители молодой осетинской интеллигенции получили возможность проявлять свои творческие способности, самосовершенствоваться, объединяться в различные клубы и общества по интересам и призванию, заниматься активной благотворительной и просветительской деятельностью, направленной на улучшение жизни родного народа, сохранение и приумножение его нравственно-культурного потенциала. Как отмечали современники, «...на почве этой работы предшествующих

поколений, естественным, так сказать следствием ее, является среди осетин интеллигенция ума – врачи, юристы, агрономы, лесничие, инженеры, техники, моряки, публицисты и т. п. Влияние этой интеллигенции с каждым днем все возрастает благодаря ее демократизму в благороднейшем смысле этого слова....Имена молодых осетинских поэтов и писателей уже известны в родном краю»¹⁰⁷. Именно этим выдающимся сынам осетинского народа посвящена следующая глава.

Глава II. СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСЕТИН-ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

§ 1. Религиозная деятельность

Первые шаги к распространению грамотности, зарождению осетинской интеллигенции, как известно, были сделаны в рамках религиозной деятельности, активно разворачиваемой в Осетии по двум направлениям – христианском и мусульманском. Просветительская миссия духовенства заключалась в намерении обратить осетин к христианской или мусульманской вере посредством привития им элементарных навыков письма и чтения.

Первоочередной задачей христианских проповедников, возлагаемых на них Российской империей, было сделать все возможное, чтобы возродить в душах горцев «... новый мир с христианскими понятиями о коренных обязанностях и отношении к богу, к людям, к себе самим, ко всему обществу и государю»¹⁰⁸.

В целях наибольшей эффективности на этом поприще православное духовенство стало формироваться из среды осетин: «... Духовная комиссия убедилась из дел, поступавших к ней, что истинное обращение осетин в христианство может быть достигнуто лишь приготовлением из детей осетин же священников, а равно и причетников»¹⁰⁹.

Первыми осетинами, окончившими в 1840-х годах Тифлисскую духовную семинарию и получившими богословское образование стали Алексей Колиев и Василий Цоравев. Позже из стен этого же заведения выпустились Георгий Кантемиров, Михаил Сухиев, Соломон Жускаев, Алексей Аладжиков и др.

Одной из наиболее крупных фигур христианских ре-

лигиозных осетинских деятелей был протоиерей Аксо (Алексей) Бесоевич (Виссарионович) Колиев, родившийся в 1822 году в с. Нар в семье церковного старосты. Начальное образование Аксо получил во Владикавказском осетинском духовном училище с «назначением учителем высшего отделения», после чего с отличием окончил и Тифлисскую духовную семинарию в 1845 году. В том же году он приступил к обязанностям инспектора и учителя осетинского языка высшего отделения (для 4-х классов) во Владикавказском духовном училище.

22 июня 1847 г. Аксо Бесоевич был рукоположен в сан священника во Владикавказской осетинской Рождества Богородицы церкви; через три месяца после этого он был назначен благочинным над священно-церковнослужителями Осетинской духовной комиссии. Далее, в 1849 году Колиев назначен и. д. смотрителя Владикавказского духовного училища, а в 1860 г. он был возведен в сан протоиерея.

В течение ряда лет, начиная с 1857 года, Аксо Колиев при активном содействии генерала барона Александра Ипполитовича Вревского, развернул среди населения Осетии и кавказской духовной общественности большую разъяснительную работу в пользу основательной реконструкции Осетинской церкви (замены ее ветхого деревянного здания, построенного в 1814 году, каменным, в значительно расширенном варианте). Был организован сбор добровольных денежных пожертвований. Первый взнос был сделан комендантом Владикавказа генералом Вревским – в 400 руб., а второй взнос – Аксо Колиевым – в 200 руб. В 1862 г. строительство каменной церкви было закончено¹¹⁰.

А. Колиев стремился оказывать содействие в улучшении условий учебного процесса, подыскивая помещения, обеспечивая школы переработанными учебными про-

граммами, приспособленными к местным условиям, вовлекая в обучение детей простых сословий, ставил вопрос о том, чтобы последние, особенно из малоимущих семей, учились за казенный счет. Он заботился и о дальнейшей судьбе выпускников, устраивая их на работу, содействуя продолжению обучения наиболее одаренных из них. Известно, что по его ходатайству, семь выпускников церковно-приходских школ продолжили свое образование в высших духовных академиях и семинариях Москвы, Тифлиса, Екатеринославля, Воронежа¹¹¹.

Аксо Колиев прикладывал все усилия для развития общественного самосознания народа, для его повсеместного просвещения. Известный осетинский писатель Сека Гадиев в 1913 году писал, что Аксо хорошо понимал свой народ, не зная покоя ни днем, ни ночью, вдоль и поперек облетая Осетию как птица-великая труженица, чтобы объединить ее народ во имя добра, справедливости и лучшего светлого будущего. Большое значение придавал Колиев преподаванию на осетинском языке, из всех сил стараясь прививать учащимся любовь к родному языку, к национальным традициям и обычаям, в пределах разумности развивая в них национальное самосознание.

А. Колиев очень хотел связать навечно судьбу своего народа с судьбой России. Он страстно клеймил тех, кто противостоял на этом пути. Особенно вдохновенно выступал он против агитаторов среди осетин и самой местной администрации в пользу переселения горцев в Турцию. Противился Колиев и бытованию «вредных пережитков в среде осетинского народа», против всего того, что мешало ему идти по пути разума, просвещения и культуры¹¹².

Круг интересов этого удивительного человека не ограничивался исполнением лишь обязанностей священника – протоиерея Колиева также привлекала и культурно-про-

светительская, общественно-педагогическая и литературная деятельность. В историю же осетинского народа имя Аксо Колиева вошло, прежде всего, как имя организатора женского образования в Осетии, о чем будет сказано ниже.

Достоинством представителем передовой национальной осетинской духовной интеллигенции являлся протоиерей Косьма Гаврилович Токаев (1844–1906), получивший образование во Владикавказском духовном училище и Тифлисской духовной семинарии.

После успешного окончания Тифлисской духовной семинарии в 1865 году К. Токаев располагал возможностью дальнейшего обучения в Духовной академии, однако не воспользовался ею, поскольку стремился как можно скорее стать полезным своему народу. Он поступил сельским учителем в с. Гизель, а позднее принял сан священства и явился примерным проповедником слова Божия и другом Гизельского прихода и всего осетинского населения. Отцу Токаеву удалось обратить многих ренегатов в православие. Искреннюю радость испытывал он, направляя своих соотечественников на путь религиозно-нравственного просвещения. Еще при жизни священника современники называли его двигателем нравственной жизни и духовности в Северной Осетии.

В 70-е и в середине 80-х гг. XIX века К. Токаев принимал участие в переводе на осетинский язык богослужебной литературы. Особое значение он придавал подготовке в духовных семинариях осетинских священников, способных проводить богослужения, беседы и церковные требы на родном языке. В своей многосторонней деятельности Косьма Токаев успешно сочетал пасторство, преподавание и переводческую работу с публицистикой и научными изысканиями. В качестве знатока традиционной культуры осетин он был привлечен к исследовательской работе об

осетинах выдающимися русскими учеными В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским. Эта совместная деятельность выразилась в работе над составлением осетинско-русско-немецкого словаря, разработкой научной грамматики осетинского языка, сбором этнографического и фольклорного материала для «Осетинских этюдов»¹¹³.

В 1876 году Токаев, «привыкший не дремать, а действовать в пользу народа», был переведен из Гизели в Ардон, где незамедлительно приступил к поиску средств для обновления пришедшей в упадок «простенькой продолговатой церкви», построенной в 1857 году Духовной комиссией. Несмотря на все трудности и безденежье, Токаев в короткое время успел сделать для этой цели «больше, чем можно было ожидать». При активном содействии церковь была обогащена утварью, среди которой было много ценных вещей, пожертвованных жителями Москвы. В результате не только была переделана сама церковь, но и построена великолепная колокольня и каменная ограда. Священнику Токаеву и «добрым ардонцам» стоило больших трудов такое предприятие: «сам лично о. Токаев ездил за известью, сам насыпал ее на подводы и день и ночь, как говорится, был на ногах. Да и прихожане его, ардонцы, своею энергиею и усердием удивляли всякого: они бросали полевые работы свои даже в то время, когда рабочий день стоил по 1 р. 50 коп. в день, и партиями уходили то за известью, то за кирпичом для церкви; кроме того, они пожертвовали деньгами более 3000 рублей... Благодаря такому высокому примеру пастыря и пасомых в пользу церкви, ардонцы осетины построили высокий памятник любви и христианского единодушия и доказали, что Ардонское население опередило другие селения Осетии»¹¹⁴. Многотысячный Ардонский благочиннический округ о. К. Токаев возглавлял более двадцати двух лет; преподавал осетин-

ский язык в Александровском осетинском духовном училище и в Александровской миссионерской духовной семинарии с. Ардон.

Стараниями отца Токаева в 1878 году была построена и каменная церковь в селении Нар, которую он также привел в «полное благолепие».

Одним из ревностных проповедников слова Божия, выдающимся осетинским просветителем, был Моисей (Дахцко) Захарович Коцоев, родившийся 26 июня 1869 года в селении Гизель в семье Захара (Дзигура) Адгоевича Коцоева. Окончив Гизельскую церковно-приходскую школу, в 1887 году Моисей поступил в Ардонское Духовное училище, которое окончил в 1893 году, показав отличные результаты. В январе 1896 г. он был рукоприложен в сан священника Галиатской церкви.

На протяжении всей своей жизни священник Коцоев всеми силами способствовал делу просвещения родного народа, стремился облегчить его непростую жизнь, принося ему неоспоримую пользу. Так он содействовал строительству церкви-школы в с. Ногкау, летом 1903 года учредил в Кадгароне благотворительное церковно-приходское братство во имя святого Ахистратига Михаила, имеющего целью религиозно-нравственное просвещение прихожан, искоренение пороков в обществе, попечение о народном образовании и обучении детей разным полезным ремеслам. Вот как сами кадгаронцы говорили о Коцоеве: «... священник о. Моисей Коцоев среди нас трудится уже восемь лет и за все это время принес немало пользы. Входя во все нужды населения и, помимо своих пастырских обязанностей, по его инициативе и энергии у нас открыта ссуда – сберегательная касса, которая принесла нам в сельскохозяйственном отношении великую пользу, открыто церковно-приходское братство, увеличено число

учащихся в местных школах от 100 до 320 человек обо-
его пола, выстроено новое школьное здание, расширена
церковная ограда, обновлена церковь. Открыта ткацкая
женская школа. И вообще за все это время о. Моисей Ко-
цоев, не покладая рук, стремился лишь к тому, чтобы наше
благосостояние не приходило в упадок, а напротив, про-
цветало»¹¹⁵.

Являясь полковым священником действующей армии
во время Первой мировой войны Коцоев в письме к сво-
ему товарищу Гаппо Баеву обратился с просьбой «устро-
ить по своему усмотрению какую-нибудь организацию по
снабжению всадников полка Пасхальными подарками от
их родных» и «не отказать по данному делу в своем просве-
щенном содействии». В течение 1917–1918 годов М. Коцо-
ев регулярно присылал письма-заметки с фронта («Хасты-
быдырай») в редакцию «Ирон газет» с описанием участия
воинов осетинского конного полка в боевых действиях, о
их высоком боевом духе и подвигах¹¹⁶.

Моисей Коцоев был сторонником приобщения осетин
к христианству посредством их родного языка. В связи с
этим он вел службы и общался с прихожанами-осетинами
на осетинском языке. Воплощение этой идеи связывалось
им с наличием печатного органа. В письме к Его Высоко-
превосходительству господину Владимиру Карловичу Са-
блеру в 1906 году он писал, что «...в виду того, что на осе-
тинском языке, к сожалению, по сие время не существует
своего печатного органа, посредством которого могли бы
мы доставлять умственную и нравственную пищу для ума,
сердца и желания молодого грамотного поколения, жаж-
дущего разделить свои познания, приобретенные в школе
со своими сверстниками, а равно и с пожилыми старика-
ми посредством чтения в их присутствии на своем родном
языке каких-либо полезных и интересных статей, чему не

удовлетворяют ныне существующие на осетинском языке (в весьма ограниченном количестве) богослужебные книги и букварь... В следствие вышеизложенного...я дерзаю всепочтительнейше просить сделать распоряжение об издании чего-либо на подобие журнала исключительно на родном осетинском языке, которое бы выходило хоть один раз в месяц... для чтения всех грамотных людей Осетии и душевно-нравственной пользой говорящего на нем народа...»¹¹⁷. Далее в письме указывается программа предполагаемого журнала, состоящая из пяти отделов: религиозно-нравственного (проповеди, переводы из жития святых, изречения из священного писания, краткие нравоучения), противомусульманского (пропаганда превосходства православной религии над мусульманской), литературного (осетинский эпос, загадки, пословицы, поговорки, повести, рассказы, стихотворения оригинальные и переводные), хозяйственного (сельское хозяйство и домоводство), медицинского (домашняя медицина, гигиена).

В 1909 году православные осетинские священники Х. Цомаев, И. Рамонов и М. Коцоев подали прошение о разрешении им за свой счет издания религиозно-нравственного журнала «Хуры тын» («Луч света»). Работая над этим изданием, Моисей Коцоев был убежден в том, что оно «... уместно и полезно для нашего духовенства и народа, особенно школе»¹¹⁸.

Всего в течение 1911 года иереем Моисеем Коцоевым было подготовлено к изданию 8 выпусков журнала, состоящих из поучений, нравоучительных слов и Слов Мудрости, обязательного раздела «Гигиена школьника» и литературного отдела. Напряженная работа над журналом и его изданием перекликалась с работой в цензурном комитете по изданию Богослужебных книг на осетинском языке¹¹⁹.

А годом раньше, 21 февраля 1908 года, те же священ-

ники (Харламбий Цомаев, Иоан Рамонов и Моисей Коцоев) представили вниманию Осетинской государственной комиссии под председательством протоиерея А. Гатуева подготовленные ими исправления текста богослужебных книг – кропотливый труд, содержащий массу исправлений в устаревшем издании.

Присутствующие на общем собрании Комиссии выразили им «благодарность за принятый на себя труд, исторически памятный не для одного поколения осетинского народа, для его религиозно-нравственного воспитания в духе христианской православной церкви; и вместе с тем, общее собрание просило поименованных трех членов священников Цомаева, Коцоева и Рамонова продолжить и закончить так отзывчиво-охотно принятый на себя труд: общее собрание, само не имеющее возможности войти в детальное рассмотрение всего текста (на что потребовалось бы просидеть ценные недели), доверяет им троим собраться несколько раз, когда позволит время, по их взаимному соглашению, и совместно-подробно рассмотреть и оценить правильность и достоинство работы каждого; когда будет окончен просмотр служебника, тотчас прислать его во Владикавказ для печатания; корректуру держит тот, кто занимается первоначально исправлением текста; когда один кончит корректуру, печатание и издание служебника, другой тогда начинает корректировать и печатать требник и т. д., при наборе и издании служебника делается окончательный точный расчет всего издания и заключается договор с Григорьевым»¹²⁰. Однако дело было прекращено из-за перенесения его в Тифлис в специальную Осетинскую издательскую комиссию при Экзархе, на специальные Синодальные суммы.

В качестве законоучителя священник М. Коцоев занимался и преподавательской деятельностью.

Одним из ярчайших представителей духовной интеллигенции осетинского народа был священник Харлампий (Хазрет) Цомаев (1875-1937) – гуманист, просветитель, деятель культуры, способствовавший приобщению осетинского народа к великому наследию российской и зарубежной литературы. В 1887 году он был принят в Алагиро-Салугарданскую миссионерскую школу Общества восстановления православного христианства на Кавказе, где проявил себя как способный и старательный ученик. После окончания этой школы, по ходатайству учителей, он был направлен в Александровское Осетинское Духовное училище, в котором он успешно сдал вступительные экзамены. Проводя много времени в семинарской библиотеке, он с большим интересом изучал богословие и общеобразовательные предметы. В рамках семинарии занимался он и общественной деятельностью, являясь постоянным членом редколлегии семинарской стенгазеты, в которой возглавлял рубрику «За высокую нравственность». Поскольку все годы обучения в семинарии Х. Цомаев был стипендиатом Общества восстановления православного христианства на Кавказе, согласно существовавшему порядку, он был обязан нести миссионерскую службу, к которой и приступил после окончания семинарии в 1897 году в родном селении Архон. Там Харлампий открыл первую школу, попечителем которой был 12 лет. 26 сентября 1897 года он был рукоположен в сан диакона, а 1 октября – во священники. За Х. Цомаевым было зачислено праздное священническое место в Успенской церкви в селении Зруг. Несколько лет в тяжелых условиях он нес службу в селениях Зруг и Галиат, где был вынужден столкнуться со всеми трудностями работы священника в горных селениях. Редко кто из грамотных священников соглашался работать в этих сложных условиях гор. В связи с этим единственный выход из такой

неблагоприятной ситуации он видел в увеличении содержания горского духовенства, обеспечении его удобными квартирами, сокращении срока службы в горах до 2–5 лет. С 1900 по 1910 год Харлампис Цомаев работал в селении Тулатово, где им были построены два больших каменных здания под мужскую и женскую школы и открыта первая библиотека с читальным залом. Являлся он и благочинным церковью десятого благочинного округа. В июле 1908 года Епархиальным начальством Х. Цомаев был командирован на IV миссионерский съезд в Киеве, где он выступил с речью о тяжелом положении православия на Кавказе, об отсутствии противомагометанской миссии, о необходимости выработки мер, гарантирующих целостность и успех православия. С 1910 по 1925 год Харлампис Цомаев работал священником церкви Рождества Пресвятой Богородицы во Владикавказе. 11 сентября 1914 года он был награжден Святейшим Синодом наперсным крестом, а в 1919 году – возведен в сан протоиерея. Тогда же Х. Цомаев занял должность заведующего и законоучителя одноклассной церковно-приходской школы при церкви. Он расширил и обустроил школу. Лично подготовил более 300 учеников и определил их в разные учебные заведения. Многие ученики этой школы смогли поступить и продолжить учебу в учебных заведениях Владикавказа и крупнейших городов России. Также Х. Цомаев являлся законоучителем и в Ольгинской второклассной школе. С 1902 года он приступил к переводу Библии на осетинский язык, а в 1915 году стал редактором журнала «Чырыстон цард» («Православная жизнь»). Незадолго до революции отец Харлампис Цомаев поступил в Казанскую Духовную академию, однако был вынужден возвратиться в виду тяжелого материального положения многочисленной семьи (имел пятерых детей). Позже Харлампис Дмитриевич Цомаев преподавал в шко-

лах осетинский язык, состоял членом Переводческой Комиссии при Осетинском Отделе Народного Образования, в терминологической комиссии при научно-исследовательском институте Краеведения, работал над переводами книг и брошюр на осетинский язык как научного, так и популярного содержания (в частности, перевел роман Лермонтова «Герой нашего времени»), участвовал в сборе фольклорного материала. Харлампий Дмитриевич Цомаев был человеком, который, как ярко горящий факел, осветил путь к свету просвещения многим своим современникам¹²¹.

Высокой просветительской миссии была посвящена и деятельность одного из первых осетинских священников Георгия Сикоева.

Георгий Константинович Сикоев родился 1 января 1845 года в селении Верхний Зарамаг. Обучение начал в сельской церковно-приходской школе, продолжил в Тифлисской духовной семинарии, которую окончил успешно в 1869 году. После окончания семинарии Георгий Сикоев был расположен в сан диакона, а в 1870 году назначен на штатное место одного из священников селения Кадгарон, где он занялся активной миссионерской деятельностью, сталкиваясь, подчас, с открытым неприятием православия сельчанами. При его активном содействии местные жители, исповедующие христианство, добились переселения во вновь образованное село в 1878 году, где в 1882 году была возведена красивая каменная церковь.

Г. Сикоев особое внимание уделял делу распространения образования среди прихожан. При его содействии в 1886 году в Кадгароне появилась мужская церковно-приходская школа, которая благодаря его же стараниям стала одной из лучших школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе во Владикавказском округе. В 1894 году была построена и женская школа.

В 1884 году отец Г. Сикоев становится благочинным церковью Дигорского округа, где он также самоотверженно занимается миссионерской деятельностью, являясь убежденным сторонником совершения богослужений на родном для осетин языке в целях наиболее эффективного воздействия на них проповеди.

В конце жизни, в 1897 году, за свой нелегкий труд священника, Святейшим Синодом о. Г. Сикоев был награжден наперсным крестом. Его современники отзывались о нем как о «пастыре с отзывчивым сердцем», всего себя отдавшего миссионерству, «изучившим дух прихожан в совершенстве» и ставшим одним из сподвижников епископа Владикавказского Иосифа¹²².

К видным представителям осетинского духовенства конца XIX – начала XX вв. относится известный своей активной миссионерской, просветительской и исследовательской деятельностью протоиерей Алексей Гатуев.

Алексий (Каку) Георгиевич (Гатуевич) Гатуев родился в 1847 году в Дигории. В 1868 году он с отличием окончил Тифлисскую духовную семинарию и стал работать учителем в церковно-приходской школе селения Салугардан.

В 1869 году экзархом Грузии и архиепископом Евсевием А. Гатуев был расположен в священнический сан. Более двадцати лет (1869–1890) отец Алексей служил в Салугарданской церкви св. пророка Илии. Этот приход считался лучшим в Осетии, его приводили как пример высокого духовного развития: «...Священником там благочинный Гатуев; богослужение совершается на родном осетинском языке; в церкви часто говорятся проповеди, наставления, и любовь к церкви крепнет более и более. Нет того праздника, чтобы салугарданская церковь не была полна молящимися, иной раз не находишь в церкви место»¹²³.

В 1874 году о. А. Гатуев был назначен и. о. Дигорского

благочинного, а с 1879 года съездом духовенства избран Дигорским благочинным. При его содействии были построены церкви в Махчесском, Стур-Дигорском, Дагомо-Архонском, Ново-Урухском приходах и часовне в селении Бирагзанг.

В 1883 году за обращение в православие 163 мусульман о. Алексей был награжден орденом Св. Анны III степени. Успехи его миссионерской деятельности неоднократно отмечались в отчетах Общества восстановления православного христианства на Кавказе.

Став ардонским благочинным в 1885 году, о. А. Гатуев стремится улучшить благосостояние бедствующих церковнослужителей.

В 1890 году о. Алексея перевели во Владикавказ и назначили настоятелем Свято-Троицкой церкви с сохранением обязанностей благочинного осетинских церквей. В июле 1891 года о. Алексея перевели в Константино-Еленинскую церковь, где он приложил большие усилия для привлечения в храм прихожан.

В 1891 году за протесты против закрытия Владикавказского Ольгинского Осетинского женского училища о. Алексей был переведен в станицу Слепцовскую Сунженского округа. В октябре 1892 года епископом Владикавказским Феодосием (Рождественским) о. Гатуев был назначен настоятелем Покровской церкви станицы Слепцовской. После возвращения из станицы Слепцовской, в августе 1894 года о. Алексей стал настоятелем Владикавказской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, где он прослужил вплоть до своей кончины. Пастырская деятельность о. Гатуева была отмечена наградами ¹²⁴.

Добросовестно служил церкви, вкладывая все свои душевные силы в проповедование христианской веры, и уроженец Южной Осетии, человек высоких душевных ка-

честв, священник по призванию, протоиерей Бидзина Габараев (1883–1907 гг.), получивший образование в Тифлисской духовной семинарии.

С 1884 г. о. Габараев жил и работал в течение 22 лет в г. Баку, где он являлся законоучителем в 1-ой женской гимназии, в реальном училище и в разных городских школах. Его отличали добросердечность, простота, скромность, отзывчивость в общении с прихожанами и учащимися. В апреле 1906 года в честь 20-летнего юбилея пастырского служения протоиерея Габараева в Александровско-Невском соборе г. Баку прихожане поднесли ему адрес и золотой наперсный крест. Светлый образ достойного и скромного деятеля остался в памяти всех, кто был с ним знаком.

Деятельность о. Бидзины Габараева началась в Осетии, в селении Христианском и станице Чернойарской Моздокского отдела.

«Нелегко было служить молодому пастырю... но благодаря своей простоте, добросердечности и отзывчивости он в короткое время завоевал общую симпатию населения и сделался среди них своим человеком, деля их горести и радости. До чего он сжился со своими прихожанами, то видно из того, что до самого последнего времени он со многими из них находился в переписке, вследствие чего память о нем среди христианцев никогда не забывалась... После Христианского селения Бидзина был переведен в станицу Чернойарскую, где также... оставил о себе добрую память»¹²⁵.

Оценивая значение осетинского православного духовенства, следует отметить его самоотверженный труд, бескорыстность и нескрываемую заинтересованность в улучшении положения родного народа. Первоначальной целью, преследуемой христианскими миссионерами в

Осетии, было приобщение местного населения к православной вере как к средству распространения российского влияния, позволяющего завладеть не только умами, но и сердцами осетин. Впоследствии задачи, ставившиеся перед миссионерами, существенно усложнились. Осетинские проповедники (А. Колиев, А. Гатуев, К. Токаев, С. Жускаев, С. Мамитов, М. Коцоев, М. Сухиев, М. Накусов, Д. Джануев, Б. Габараев, Г. Сикоев, Х. Цомаев, И. Рамонов и др.), вышедшие из народной среды, искренне проникнувшиеся истинами христианской веры, стремились распространить грамотность среди осетин, приобщить их к открывшейся российской, а вместе с ней и европейской, культуре, тем самым, проливая в их души неугасимый свет знаний.

Таким образом, идея российской администрации о формировании духовной интеллигенции из среды самих осетин имела безусловный успех – именно осетинским священникам удалось намного больше, чем русским и грузинским, продвинуться в миссионерской деятельности. Руководствуясь убеждением в том, что «единая вера избавляет народ от внутреннего противостояния на религиозной почве»¹²⁶, осетинские священники стремились приобщить к христианству как можно больше земляков. Большим вкладом в реализацию этой сложной миссии стало их подвижничество в процессе развития в Осетии школьного дела, которое из года в год, несмотря на огромные трудности и препоны, выходило на более высокий уровень, получало все новые и новые обороты, разжигая среди осетин желание учиться. Ценой собственного здоровья, частых лишений ездили они по осетинской земле, неся слово Божие в народ, видя его будущее светлым и радостным.

Иначе обстояли дела в отношении формирования осетинского мусульманского духовенства.

Как известно, процесс проникновения ислама на Северный Кавказ начался еще в 7 веке. Первоначальными его распространителями в регионе являлись арабы. Исламизация местного населения в этот период была обусловлена не только их военными успехами, но и причинами политического, экономического характера¹²⁷.

Распространению ислама непосредственно на территории Осетии во многом способствовало влияние соседних Кабарды, Чечни, Дагестана. Мусульманскую веру стали исповедовать жители таких населенных пунктов, как Эльхотово, Чикола, Карджин, Лескен, Хазнидон, Зильги, Заманкул, Беслан, Брут, Ногкау, Раздзог и др. На 1 января 1889 года официальными властями во Владикавказском округе было зафиксировано наличие четырнадцати мечетей, деятельность десяти мулл и одного эфенди. (Примечательно, что на тот же период времени в Грозненском округе насчитывалось 357 мечетей, Нальчикском – 133, Хасав-Юртовском – 116, Сунженском – 62, Кизлярском – 6, Пятигорском – 1). Так, в селении Эльхотово действовали 2 мечети, с населением работали 1 эфенди и 1 мулла, в селениях Зильги и Карджинском – 2 мечети и 1 мулла, а в селениях Заманкул, Шанаевское, Тулатовское, Ногкау, Магометанское, Донифарс и Урсдон было по одной мечети и одному мулле¹²⁸.

Однако рост числа мечетей опережал рост числа мусульманских священников, что привлекло в Осетию малограмотных кабардинских и дагестанских мулл, проводивших богослужение в осетинских мечетях, не владея осетинским языком. «Не умея говорить по-осетински, мулла-кумык или татарин объясняются с народом с помощью переводчика. Извращенные понятия, какие проповедуют эти безграмотные агенты исламизма, являются главной причиной вражды между магометанским и христианским

населением Кавказа»¹²⁹. Эти «духовные пастыри» стали серьезнейшим тормозом на пути культурного развития туземного населения. Они не только не могли быть союзниками в борьбе с невежеством и суевериями, но сами явились той темной силой, которая всеми средствами старалась не допустить в среду горцев света истинного знания. Не понимая истинного духа религии, они насаждали в населении религиозный фанатизм, так как только слепой фанатизм обеспечивает им существование¹³⁰. Подготовка грамотных священников из числа коренных народов стала необходимой задачей для мусульманской части Осетии. В конце XIX – начале XX вв. уже появились священники из числа осетин, получившие образование в мусульманских учебных заведениях (медресе) Дагестана и Кабарды. Исламские миссионеры столкнулись с трудностями преодоления не только традиционных воззрений осетин, но и препятствиями, чинимыми российским правительством в ограничении мусульманского влияния. Это, в первую очередь, было следствием затянувшейся войны между горцами Северного Кавказа и российским самодержавием. Поле сражения переместилось и в область религиозного противостояния. Идеологическую задачу борьбы с экспансией самодержавия на Кавказе стала выполнять исламская религия, в основном потому, что она была чужда русским и усиливала противостояние. Поэтому мусульманство быстро начало распространяться и укреплять свои позиции именно в продолжение Кавказской войны. Русское правительство понимало это и старалось всеми средствами не допустить распространения ислама. Кабардинские и чеченские эмиссары, заинтересованные в вовлечении Осетии в войну с Россией, активизировали свою деятельность в различных районах Осетии, играя на недовольстве многих политикой царской России¹³¹.

В силу объективных обстоятельств источники не сохранили ярких имен представителей осетинского мусульманского духовенства, стоящих у истоков распространения ислама в Осетии. Более того, следует заметить, что дело приобщения к исламу не было поставлено здесь в том же объеме и с тем же размахом, как приобщение к христианству.

Для расширения знаний по арабской и исламской грамоте при мечетях работали духовные школы (медресе), в которых детей обучали основам мусульманской религии. Срок обучения зависел от способностей ученика и длился от трех месяцев до двух лет. Обучение было платным, и весь курс стоил родителям около пяти рублей серебром. В школах обучалось по 30–40 человек. Такое обучение позволяло лишь понять несложные устные проповеди и, заучив основные молитвы, навыки религиозного поведения, вести будущую жизнь по нормам исламской морали¹³².

Низкий уровень преподавания в мечетских школах часто вызывал нарекания у современников: «Способ преподавания Корана везде и всюду одинаков: он везде представляется мулле, человеку, большей частью, необразованному, невежественному, который при обучении считает необходимым применять телесные наказания, давно уступившие место иным способам „вразумения“. Каждый мусульманин, прежде чем отдать своего мальчика изучать русский язык, отдает его мулле изучать Коран, написанный на арабском языке. Мулла...начинает учить его тексты Корана наизусть (азбуку они проходят после). Ребенку через 2–3 дня надоедает такое заучивание наизусть текстов, так как он не понимает смысла заучиваемого, которое написано исключительно на арабском языке с которого редко какой мулла переводит на свой родной язык... Нередки случаи, когда при таком обучении человек кончает Коран, не зная арабской азбуки...»¹³³.

Очевидно, что плохо поставленное школьное дело не способствовало формированию плеяды образованного осетинского мусульманского духовенства. Лишь небольшие сведения черпаем мы на страницах архивных документов, хранящих имена некоторых его представителей.

Согласно Приговору № 4 от 11 января 1915 года выборные представители Урсдонского прихода на своем сельском сходе единогласно постановили «избрать жителя селения Карагач Сафар Али Хадохчиевича Карабугаева в должности общественного муллы по селению Карагач с возложением на него обязанности вероучителя в Карагачевской школе»¹³⁴. В Журнале присутствия областного правления Терской области от 29 августа 1915 года зафиксирован доклад начальника Владикавказского округа об избрании жителя селения Карагач Сафар Али Хадохчиевича Карабугаева на должность сельского муллы этого селения с ходатайством об утверждении Карабугаева в должности муллы, как «достойного лица и хорошо выдержавшего испытание в знании учения магометанской веры и законов Корана и шариата.... Названный Карабугаев поведения и нравственных качеств хороших, политически благонадежен, принадлежит к русскому подданству, образование получил в России и ни в чем предосудительном замечен не был...»¹³⁵. Общим присутствием Терского областного правления Сафар Али Карабугаев был утвержден в должности сельского муллы селения Карагач.

Сохранилась также и переписка об утверждении в должности сельского муллы жителя селения Магометанского Кубади Дзабиевича Будтуева, согласно которой, несмотря на признание Областным правлением того факта, что «избранное лицо знает правила и учения магометанской веры и законов Корана и шариата, прикосновения к мусульманскому движению не имеет, принадлежит к рус-

скому подданству, духовное образование получил в России, отличается надежностью, верностью и добрым поведением»¹³⁶, Кубади Будтуев не был назначен сельским муллой. Обязательным условием для утверждения в должности сельского муллы по существовавшему тогда закону являлось знание русской разговорной речи и умение читать по-русски. В виду того, что Кубади Будтуев не владел в должной мере русским языком Общее присутствие Терского областного правления определило: «...ходатайство об утверждении Кубади Дзабиевича Будтуева в должности муллы селения Донифарс отклонить, о чем дать указ начальнику Владикавказского округа для сведения и соответствующего распоряжения»¹³⁷.

Также известны имена и некоторых других представителей местного мусульманского духовенства. Так в селении Чикола работал Ельмурза-молло Хаев, в молодости несколько лет обучавшийся арабскому языку и исламским догматам в Адыгее. В с. Карджин знатоком мусульманских норм считался Дафа-молло Моргоев. В с. Эльхотово было три муллы из фамилии Салбиевых, братья Гацаловы – Татаркан-молло и Хаджумар-молло. В Беслане последним официальным муллой в 20-е годы был Мухтар-молло Мамсуров¹³⁸. Как и в любом мусульманском сообществе, в Осетии мулла был участником всех семейных и общинных торжеств, так как без чтения молитв из Корана действо считалось небогоугодным.

Для успешной проповеди в незнающей арабского языка среде необходимо было приспособить эту графику к нормам осетинского языка. Такую многосложную работу выполнил Сосланбек Тайсаев – осетинский мулла из селения Лескен. В 1912 году в г. Темирхан-Шура, в типографии дагестанского предпринимателя Мавраева была напечатана небольшая, в 32 страницы, книжка: «Книга азбуки. Для

кабардинцев и осетин, составил муалим Сосланбек Тайсаюф аль-Анзори». Эта книга представляет интерес как исторический факт, свидетельствующий о попытке адаптировать арабскую графику для осетинского языка. Начинание не было доведено до конца: автора расстреляли в годы гражданской войны¹³⁹.

До нас также дошло и имя муллы Касполата Дзамболатовича Цаликова, выпускника Казанского духовного училища, репрессированного в 1927 году за религиозную деятельность и сосланного со своей семьей в Среднюю Азию.

Предпринимая попытку выявления религиозных деятелей из числа осетинских мусульман, мы пришли к ряду причинно-следственных связей, объясняющих трудности, с этим связанные.

Во-первых, в то время как в вовлечении осетин в христианство была заинтересована непосредственно Российская империя, в обращении их в мусульманскую религию явно прослеживались интересы далекой Турции и дружественных ей соседних стран.

Во-вторых, преподавание в мечетских школах на арабском языке, незнакомом посещающим их детям, неосмысленное заучивание ими Корана наизусть, явно не способствовало разжиганию среди мусульманской молодежи искреннего интереса к обучению.

В-третьих, отсутствие на территории Осетии мусульманских духовных семинарий явилось существенной поддержкой в формировании учительских кадров из числа мусульман. В связи с этим мусульманское просветительство в Осетии было представлено преимущественно неосетинским духовенством, так как ярких религиозных лидеров из среды осетинского мусульманства, способных увлечь народ своей идеей, не сформировалось.

§ 2. Военная деятельность

Одной из старейших сфер взаимодействия России и Осетии является военная деятельность, имеющая глубокие корни. На протяжении всей своей истории Осетия славилась искусными воинами. Эту традицию достойно продолжили ее отважные сыны, жившие во времена установления и упрочнения российско-осетинских отношений и проникновения европейской (в том числе и военной) культуры в Осетию.

Возможность получения образования в военно-учебных заведениях, открывшаяся осетинам еще в XIX веке, способствовала формированию в их среде национальной военной интеллигенции. Это была большая социальная группа, сыгравшая огромную роль в создании не только военного, но и нравственного потенциала осетинского народа.

Неся службу в рядах российской армии, осетины воевали в составе разных частей: Терском казачьем войске, Кавказско-Горском иррегулярном конном полку, Кавказском корпусе, Конвое Его Императорского Величества и др. А в 1876 году был сформирован особый Осетинский конный дивизион¹⁴⁰.

Взаимодействие осетин с Терским казачеством представляет особый интерес. В начале XIX в. осетинские селения Чернойорское и Ново-Осетинское были включены в Кавказское казачье линейное войско. В составе казачьих формирований их уроженцы преданно служили России: 12 из них – Казьма Занкисов, Бейбулат Тургиев, Заурбек Тургиев, Эльмурза Мистулов, Владимир Агоев, Константин Агоев, Иван Хамилонов, Яков Хабаев, Александр Сабеев, Василий Бегиев, Георгий Татонов и Лазарь Бичерахов – стали генералами, сотни – офицерами, десятки – Георгиевскими кавалерами.

Служба осетин-казаков проходила не только в Осетии, но и далеко за ее пределами: в Кубанском казачьем войске (есаулы Иван Гулуев, Архип Белаев, Александр Сосиев; подъесаулы Георгий Хутиев и Петр Галаев), в Забайкальском казачьем войске (есаулы Иван Хамилонов и Александр Сабеев), в Дагестанском полку (подполковник Яков Хабаев, ротмистр Даниил Хабаев и штаб-ротмистр Георгий Кибиров), в Осетинском конном дивизионе (штабс-ротмистр Николай Гуржибеков, прапорщик Николай Цаллагов), в Кавказском запасном кавалерийском дивизионе (штабс-ротмистр Иван Хабаев), в 17-ом драгунском Нижегородском полку (поручик Константин Тускаев, корнет Михаил Хабаев), в Санкт-Петербургском кавалерийском училище (офицер-воспитатель, подъесаул Абубекир Тургиев), в Управлении Государственного коннозаводства (полковник Петр Тускаев, поручик Андрей Вазагов) и в др.¹⁴¹

Заслуженное уважение и гордость вызывают осетины, в разное время входившие в Конвой Его Императорского Величества, в который горцы стали призываться с 1828 года по инициативе Николая I в разгар Кавказской войны в целях привлечения их на свою сторону. Набирая в Кавказский горский Конвой представителей самых влиятельных и знатных горских фамилий, император, таким образом, демонстрировал, что доверяет им свою жизнь. Расчет также делался на то, что увидев Россию, Санкт-Петербург, жизнь страны, которой они противостоят, представители кавказских народов смогут убедиться, что Россия имеет по отношению к ним дружественные намерения. Поставленная цель была успешно достигнута – горцы, побывавшие в Конвое, становились верными сторонниками России, это же передавалось их детям и внукам¹⁴².

Воинская доблесть осетин, их преданность данным клятвам, приверженность высоким моральным принци-

пам не оставались незамеченными: мундиры этих смельчаков часто украшали различные награды, в том числе и Георгиевские.

Как известно, орденом Святого Георгия награждали лишь тех героев, кто согласно его статуту «не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием». Среди осетин этой высокой награды были удостоены войсковой Николай Гокинаев, Инус Дударов, Петр Гайтов, Мусса Кундухов, Инал Кусов, Леонтий Кантемиров, Эльмурза Мистулов, Константин Агоев, Александр Гутиев, Александр Бетанов, Федор Такоев, Заурбек Елое, Владимир Дзантиев-Гучмазов, Казбулат Есиев, Николай Алдатов, Владимир Кониев, Александр Кониев, Дмитрий Абациев, Сафрон Урумов, Илья Джанаев, Кургок Дударов, Павел Кибиров, Ахмет Тхостов, Константин Абациев, Гавриил Цугулиев, Георгий Дзугаев, Харитон Абаев, Николай Датиев, Созырко Хоранов, Хаджимурза Шанаев, Нестор Сикоев, Владимир Короев, Константин Сокаев.

Согласно данным послужных списков осетинских военнослужащих царской армии за свою доблесть помимо Георгиевских наград они нередко удостаивались орденами Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира и др.

Военная традиция осетин была достойно продолжена и прославлена ратными подвигами многих выдающихся представителей национальной военной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Знакомство с биографиями этих героев открывает многоцветные картины их жизней, насыщенных яркими событиями, преисполненных мужеством, отвагой, беспримерным героизмом.

Первым генералом-осетином стал Асламбек (Игнатий) Михайлович Туганов. Еще в детстве Асламбек Туганов был

взят в аманаты. В военную службу он вступил рядовым в Кабардинском пехотном полку в апреле 1823 года. С июля этого же года он являлся унтер-офицером, а в июне 1827 года Высочайшим приказом был произведен в прапорщики. С переводом лейб-гвардии в Кавказско-Горский полуэскадрон в 1829 г. Асламбек был переименован в корнеты. За военные заслуги 26 августа 1831 года Туганов награжден своим первым орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. В этом же году он был отмечен Знаком отличия польского ордена за военное достоинство 4-й степени, получил серебряную медаль за взятие Варшавских укреплений; в 1836 году – орден Св. Станислава 3-й степени, в 1841 году – орден Св. Владимира 4-й степени, и в этом же, 1841 году, Асламбек Туганов был произведен в полковники.

Профессиональная военная карьера А. Туганова и впредь развивалась стремительными темпами. Так, через два года, в апреле 1843-го, он был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени. Летом 1849 года, Высочайшим приказом, Асламбек назначается командиром 7-ой бригады Кавказского линейного казачьего и горского полка, и уже в мае 1851 года он становится обладателем ордена Св. Анны 2-й степени. И вот, 6 декабря 1851 года, Высочайшим приказом, Асламбек Туганов производится в генерал-майоры с зачислением по кавалерии и назначением при Кавказском корпусе, после чего, спустя 5 лет, он награждается орденом Св. Станислава 1-й степени, а спустя еще 27 лет, в октябре 1883 года, за бытность депутатом от осетинского народа для поднесения адреса государю императору с объявлением чувств верноподданнической преданности – орденом Св. Анны 1-й степени с мечами. Следует также отметить, что в течение всей своей военной деятельности Асламбек (Игнатий) Туганов десятки раз был удостоен

«монаршими благоволениями» и не раз денежными премиями¹⁴³.

Не менее выдающейся была деятельность на военном поприще и сына Асламбека Туганова – Хамби.

Хамби Асламбекович Туганов родился 17 ноября 1838 года. Образование получил в Павловском кадетском корпусе, курс которого окончил по 1-му разряду. В службу Хамби вступил корнетом с зачислением по армейской кавалерии и с прикомандированием к 13-му Гусарскому Нарвскому Его Императорского Высочества Великого князя Константина Николаевича полку 6 июня 1957 года. 17 июля 1860 года его произвели в поручики, 7-го октября 1863 года – в штабс-ротмистры. Командующим 3-м эскадронам он стал в октябре 1868 года; а 28 февраля 1870 года за отличие по службе произведен в майоры. В марте 1872 Хамби Туганов удостоивается ордена Св. Анны 3-й степени, для нехристиан установленно. С 26 сентября 1873 года по 3 октября 1874 года он был назначен председателем полкового суда. В декабре 1878 года за отличия в делах против турок Хамби Туганов был произведен в подполковники. На основании отзыва главного штаба 13-й кавалерийской дивизии от 14-го ноября за № 3471 Туганову отдано старшинство в чине подполковника со дня отличия в делах с турками. За усердную службу и труды, понесенные в бывшей действующей армии, Туганова Хамби Асламбековича в ноябре 1880 года наградили орденом Св. Станислава 2-й степени для нехристиан установленным. В полковники он был произведен 28 февраля 1883 года. Орденом Св. Владимира IV степени с бантом, для нехристиан установленным, Хамби Туганова наградили за выслугу 25 лет в офицерских чинах; орденом Св. Анны 2-й степени, для нехристиан установленным – в феврале 1887 года, орденом Св. Владимира 3-й степени, для нехристиан установленным – в декабре

1893 года. 26 февраля 1896 года ему была пожалована серебряная медаль для ношения на груди, на Александровской ленте, в память царствования императора Александра III, а позже – и бронзовая медаль, для ношения на груди, на двойной Владимирской и Александровской ленте, как бывшему воспитаннику военно-учебных заведений в царствование императора Николая I, и темно-бронзовая медаль, для ношения на груди, на ленте Государственных цветов, за труды по Первой всеобщей переписи в январе 1897 года. В августе 1900 года он награждается знаком отличия за 40-летнюю беспорочную службу. А 4 декабря 1900 года Высочайшим приказом Хамби Асламбекович Туганов был уволен от службы, с награждением чином полного высшего оклада¹⁴⁴.

Отмечена достойными наградами была и военная доблесть представителя тагаурского алдарства Осетии Крым-Султана Дударова (1825–1872), ставшего кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени с бантом и надписью «25 лет», Св. Станислава 2-й степени с Императорскою короною и мечами над орденом и без оной, Св. Анны 3-й степени с бантом, удостоенного бронзовой медали в память войны 1853–1856 гг. и серебряной – за покорение Чечни и Дагестана и в память освобождения крестьян 17 апреля 1863 года, а также крест за службу на Кавказе.

Крым-Султан Дударов воспитывался во 2-ом Кадетском корпусе. В феврале 1841 года из кадет этого корпуса он был произведен в корнеты и прикомандирован к Волгскому линейному казачьему полку, в феврале 1843 года – к Владикавказскому линейному казачьему полку, а в октябре 1850 года, в статусе поручика, – к Гусарскому Его Величеству Короля Вюртембергского полку.

Высочайшим приказом 22 октября 1851 года Дударов произведен в штабс-ротмистры, а 29 декабря 1851 года «за

отличие в делах против горцев» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. По распоряжению начальства от 6 мая 1853 года он заведовал военными постами на Военно-грузинской дороге. За отличие в делах против горцев в июле 1860 года его произвели в майоры, а в декабре того же года за «такое же отличие» Крым-Султан Дударов был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. По распоряжению начальства летом 1863 года он заведовал и военными кордонами на Грузинской дороге. За отличную усердную службу в апреле 1864 года он удостоился орденом Св. Станислава 2-й степени с императорской короною и мечами над орденом, а в январе 1868 года его назначили депутатом в Окружной народный суд Осетинского округа, после чего в марте 1867 года – депутатом в Мировой суд по освобождению зависимых сословий в Осетинском округе. За выслугу 25 лет в офицерских чинах 22 сентября 1870 года Крым-Султан Дударов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом для нехристиан установленный¹⁴⁵.

Немало интересных фактов, иллюстрирующих жизнь осетинского воина второй половины XIX – начала XX вв. содержит послужной список полковника царской армии Иосифа Георгиевича Тебиева (1855 г. р.), получившего пятиклассное общее образование во Владикавказском реальном училище и военное в Тифлисском пехотном юнкерском училище I разряда. В ходе службы он был удостоен следующих наград: ордена Св. Владимира 3-й степени, ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет, ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, ордена Св. Станислава 2-й степени, ордена Св. Анны 3-й степени, ордена Св. Станислава 3-й степени и знак отличия Военного ордена 4-й степени за № 72360, а также медалями: светло-бронзовой в память царствования императора Александра III, тем-

но-бронзовой в память войны с Японией в 1904–1905 гг. и светло-бронзовой в память 300-летия царствования дома Романовых.

Иосиф Георгиевич Тебиев службу начал канцелярским служителем Терско-Кубанской сословной комиссии 2 января 1877 года. Затем, 1 июня 1913 года, он был зачислен вольноопределяющимся в 150-й пехотный Таманский полк; за «отличие против турок» в октябре 1877 года произведен в унтер-офицеры, а в апреле 1878 года за эти же заслуги был произведен в прапорщики; за такое же отличие, оказанное им в звании унтер-офицера, Иосиф Тебиев был награжден знаком отличия военного ордена 4-й степени. С августа по октябрь 1879 года он находился в должности командующего 16-ой ротой, после чего был командирован в Тифлисское пехотное училище «для держания экзамена из специально-военных предметов», который выдержал успешно. В январе 1882 года его перевели в 62-й пехотный Ахалцихский полк. В конце августа 1882 года он был награжден «обыкновенным офицерским призом за стрельбу», а в мае 1883 года ему было присвоено звание подпоручика. В 1885 году И. Г. Тебиева перевели в 150-й пехотный Таманский полк. Далее, в разные периоды времени, ему доводилось быть временным командующим нестроевой ротой, временным заведующим оружием, временным заведующим полковым лазаретом, и.д. заведующего и собственно заведующим полковым оружием, временным командующим нестроевой ротой. В июле 1887 года он был утвержден в звании поручика, а 6 августа 1891 года награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Через три года, в январе 1894 года, на один месяц его командировали в офицерскую стрелковую школу для изучения вооружения. В июне этого года он сдал должность заведующего оружием и принял 2-ю роту, в январе 1895 года

стал членом Полкового суда, в марте – штабс-капитаном со старшинством, в августе – командиром 2-ой роты. В феврале 1896 года Тебиева признали «могущим быть помощником руководителя тактических занятий с офицерами в полку». За оказанное по 4 п. ст. 495 Св. зак. учр. орд. изд. 1892 года отличие он был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени в 1897 году. Позднее, в 1900 году, он являлся членом Полкового суда, капитаном со старшинством, был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

С 1902 года И.Г. Тебиев занимал должности временно и. д. заведующего хозяйством, временно командующим батальоном, членом Полкового суда, временно командующим батальоном. В июле 1904 года он был командирован в 312-й пехотный Березенский полк, в сентябре – награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за выслугу 25 лет, в октябре – переведен в 150-й пехотный Таманский полк. В мае 1905 года Иосиф Тебиев утверждается в звании подполковника, в октябре – Приказом 3-й Манчжурской армии за № 404 награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В январе 1906 года ему пожаловали нагрудную темно-бронзовую медаль на Александрo-Георгиевской ленте в память войны с Японией в 1904–1905 гг., а в июле 1907 года – орден Св. Анны 2-й степени. В 1910 году И. Тебиев уже старший штаб-офицер (он же помощник командира полка), а также временно и. д. начальника гарнизона г. Кобрин. В 1910 году на «отлично» выдерживает он и испытание «в знании обязанностей Уездного воинского начальника». Далее, летом 1911 года, Иосиф Георгиевич был командирован в 151-й пехотный Пятигорский полк «впредь до перевода»; зимой 1913 года пожалован светло-бронзовой медалью в память царствования 300-летия Дома Романовых; Высочайшим приказом от 3 ноября 1914 года определен на службу в резерв чинов штаба Кавказского военного

округа и несколькими неделями позже назначен для несения службы при 261-ом пехотном Ахульгинском полку в Игдыре.

Приказами главнокомандующего Кавказской армии за № 947 и за № 269 за отличия, «оказанные в делах против турок», в декабре 1915 года И.Г. Тебиев был награжден мечами к имеющемуся ордену Св. Владимира 4-й степени и мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 2-й степени 31 декабря 1915 года.

В январе 1916 года он лично возглавил 2-й Кавказский конный пограничный полк, а в декабре «за отличие в делах против неприятеля» был пожалован мечами к уже имеющемуся ордену Св. Анны 2-й степени.

Иосиф Георгиевич Тебиев принимал участие в перестрелке у Игдыря 8 августа 1877 года, в делах полковника Самойлова у Игдыря и перестрелке Абасгельского отряда, в отражении полковником Самойловым турецкой атаки у с. Хальфалю и Черухчи, в отражении генерал-лейтенантом Тер-Гукасовым на позиции впереди Игдыря атаки турецких войск Измаила-паши, в выступлениях Эриванского отряда на Мусун для преследования турок, при поражении турецкой армии соединенными отрядами генерал-лейтенанта Геймана и Тер-Гукасова на позиции Деве-Бойну, в ночном движении тех же отрядов на Эрзеруме, в передвижении полка на присоединение к Ардаганскому отряду, в походах в русско-японскую войну 1904–1905 гг., в действиях 150-го пехотного Таманского полка в составе 19-го армейского корпуса в Манчжурской армии, в выступлении с полком с Манчжурии в Варшавский военный округ и др.

Сверх прямых обязанностей И.Г. Тебиев был командирован: для сопровождения партии нижних чинов на полевую поездку строевых офицеров в окрестностях города Ахалциха, в Михайловский штаб временным членом

временного военного суда, в город Ковель для участия в аттестационном совещании при штабе 38-й пехотной дивизии, в город Брест-Литовск членом во временный военно-окружной суд, в походах против турок в войну 1914–1917 гг.¹⁴⁶

Легендой стали подвиги и уроженца Хумалага капитана Андрея Бидзикоевича Алдатова, который в возрасте 21 года в чине прапорщика принял участие в русско-японской войне в качестве командира батальона. В течение нескольких месяцев он успел проявить себя как незаурядный командир, искусно владеющий мастерством ведения боя. Его непоколебимая храбрость, находчивость, мужество были справедливо отмечены разными наградами: орденом Св. Анны 4-й степени, орденом Св. Станислава 3-й степени и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами. В ходе первой мировой войны молодой Алдатов был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами, чином капитана и офицерским орденом Георгия 4-й степени. Последние две награды он получил за выдающееся отличие, когда участвуя в бою 24 июля 1915 года под Люблином у д. Лончица, управляя действиями своего батальона под сильным огнем, после упорного огневого и штыкового боя выбил противника из Люнега и прилегающих к нему оврагов, после чего, став во главе одной из рот за убитого ротного командира, прорвался с нею сквозь новую линию проводочных заграждений, обеспечив успех общей атаки. В этом бою батальоном было захвачено два пулемета и 130 пленных при 19-ти офицерах. Андрей Алдатов погиб в бою 24 августа 1915 года.

В письме к родителям героя командование полка отмечало, что Андрей Бидзикоевич «и как офицер, и как товарищ был выше всяких похвал. Смерть его была тяжелой

утратой для всего полка и, в особенности, для немногих оставшихся в живых его товарищей». Тело погибшего хумалагца сначала было предано земле в деревне Пляттяниче Слонимского уезда Гродненской губернии, а потом, в связи с военной обстановкой, командование приняло решение переправить его на Родину, где выдающийся сын осетинского народа был похоронен с особыми воинскими почестями во дворе сельской церкви. На памятнике А.Б. Алдатову сохранилась надпись: «Погиб героической смертью 24 августа 1915 года в боях за Барановичи, оставив свое светлое имя среди товарищей третьего Сибирского пехотного полка»¹⁴⁷.

Достоинейшим образом защищал честь российского государства кавалер ордена святого Станислава с мечами и бантом, полный кавалер Георгиевских крестов, герой русско-японской войны, гордость Манчжурской армии, уроженец с. Вольно-Магометановского Давкуй Дударикович Медоев (1874 г. р.), заступивший на воинскую службу рядовым 15-й сотни в охранной страже Китайской Восточной железной дороги в возрасте 24 лет.

Первую награду – Георгиевский крест 4-й степени – Д. Медоев получил за проявленный героизм в боях у селения Тенчань-дзи в 1900 году, вторую (через два месяца) – Георгиевский крест 3-й степени – за дело у деревни Вейденю, третью – серебряную медаль 4-й степени на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость».

С началом русско-японской войны Д. Медоев прибывает добровольцем на Восток и 24 февраля 1904 года зачисляется в списки 1-го Восточносибирского стрелкового Его Величества полка, а 8 апреля прикомандировывается к штабу восточносибирской стрелковой дивизии в качестве старшего команды конных разведчиков при начальнике первой Восточносибирской стрелковой дивизии. Вскоре,

за боевые отличия, проявленные в боях против японцев у Вафингоу, он награждается Георгиевским крестом II степени и производится в младшие унтер-офицеры. В конце сентября переведен в старшие унтер-офицеры, после чего, «за хорошее поведение, знание службы и воинского устава», – в зауряд-прапорщики.

3 ноября 1904 года «За отличие в делах против японцев» Медоеву вручают «Георгия» 1-й степени, а 29 июня 1906 года Высочайшим приказом производят в подпоручика.

26 августа Высочайшим приказом по собственному желанию он переводится в 251-й Георгиевский резервный батальон, а 17 октября девятый раз, также «За боевые отличия», награждается орденом Св. Станислава 3-й степени.

Высокой ценой полученных Давкуем Медоевым наград стало его подорванное здоровье. 14 июля 1908 года Высочайшим приказом он был уволен в отставку с назначением пенсии из государственного казначейства. Однако новая война не оставила прославленного героя равнодушным, и, откликнувшись на призыв о мобилизации среди различных возрастов, в феврале 1915 года он отправился на фронт в составе 591-й пешей Ставропольской дружины¹⁴⁸.

Талантливым воином высоких нравственных качеств запомнился современникам и такой представитель зарождающейся национальной военной интеллигенции, как генерал-майор Александр Борукаев (1859–1918 гг.), получивший образование в Ставропольской гимназии, во 2-ом Константиновском училище по I разряду и окончивший офицерскую артиллерийскую школу. А. Борукаев запомнился как честный, справедливый, трезво мыслящий, знакомый с техническими усовершенствованиями по артиллерийской части беспристрастный и требовательный, способный в исключительных обстоятельствах не поте-

ряться и принять решительные разумные меры, не боясь ответственности за них, физически здоровый человек, отличный семьянин, живший по средствам и не имеющий долгов.

К своим обязанностям А. Борукаев приступил в двадцатилетнем возрасте в период разгоревшейся тогда ярким пламенем русско-турецкой войны. Уже тогда ему было доверено командование батареей в августе 1877 года. В первом же бою Александр показал себя талантливым организатором, смелым и в высшей степени дисциплинированным офицером. С рассветом, после артподготовки, группа генерал-майора князя Имеретинского пошла в наступление. Турецкая артиллерия открыла огонь по «клину», шедшему впереди в центре группы войск. Заметив это, Александр направил свои орудия на вражескую батарею, расположенную на холме. Артиллерийская дуэль длилась минут десять, после чего высоко в небо взметнулся огненный вулкан, раздался оглушительный взрыв – снаряд попал в склад зарядных ящиков турецкой батареи. Наступающие кавалеристы, а за ними пехотинцы – почти без сопротивления, стремительно приближались к Ловчее. И в этот момент турки предприняли контратаку. Сражение переместилось с высот в долину. Теперь уже, когда войска сошлись с врагом «в лобовую», стрелять из орудий было нельзя. Борукаев, оставив незначительную часть артиллеристов у батареи, поспешил на помощь пехоте¹⁴⁹.

Дальнейшая служба А. Борукаева также была насыщена различными ратными подвигами, отмеченными достойными наградами. Привлекался Александр и к решению административных задач: входил в комиссию по опытной мобилизации Первой гренадерской артиллерийской бригады, командировался в город Ростов-Ярославский для выполнения секретных поручений. В эти мирные годы

ярко проявилась деятельность Борукаева, направленная на совершенствование структуры российской артиллерии и ее боевой готовности. Согласно сохранившимся документам, он вникал во все детали жизни солдат, их учебы, быта, уверенный, что в военном деле нет мелочей, придавая должное значение обучению солдат, их быту и боевому настрою. В июне 1903 года Александр Борукаев был произведен в полковники, а в начале русско-японской войны назначен командиром артиллерийской бригады. 30-го мая 1907 года, за очередное отличие по службе, А. Борукаев был произведен в генерал-майоры¹⁵⁰.

Вошла в историю военная деятельность выдающегося представителя осетинского народа командира 2-ой сотни 1-го Волгского конного полка Терского казачьего войска Эльмурзы Мистулова.

Эльмурза Асланбекович Мистулов родился 16 сентября 1869 года в станице Черноярской Северной Осетии в семье обер-офицера Терского казачьего войска.

В службу вступил в 1-й Сунженско-Владикавказский конный полк Терского казачьего войска казаком по образованию 3-го разряда и зачислен в полковую учебную команду 3 ноября 1885 года. В июне 1886 года успешно окончил курс в полковой учебной команде и был произведен в приказные, а затем в урядники. В августе того же года Э. Мистулова командировали в Ставропольское юнкерское казачье училище для прохождения курса, однако, не смотря на успешное происхождение, он не был принят по причине исповедования им ислама. Через год он был вновь командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище и на этот раз был зачислен в младший класс училища. 24 июля 1889 года Мистулов был награжден серебряными призовыми часами за отличную езду верхом. По итогам курса по 1-му разряду был произведен в подхо-

рунжие и отчислен от училища с последующим зачислением в 1-й Волгский конный полк и прикомандирован к 1-му Сунженско-Владикавказскому полку для несения службы. 16 сентября 1894 года Мистулов вступил в командование 2-й сотней 1-ого Волгского конного полка; через год был назначен кандидатом члена суда общества офицеров, а в сентябре 1895 года выбыл из членов этого суда. По распоряжению войскового начальства Терского казачьего войска от 13 сентября 1895 года уволен на льготу, а февралю 1899 года, «по воле начальства», командирован в 1-й конный Волгский полк. 18 января 1890 года Эльмурзу назначили и. д. зав. учебной команды, а 20 июня зачислили на службу в охранную стражу Китайско-Восточной железной дороги, 29 октября Эльмурза отошел от заведывания учебной командой. В феврале 1901 года Э. Мистулов был утвержден в должности комроты. Тогда же, Высочайшим приказом, охранная стража была переименована в Заамурский округ отдельного корпуса пограничной стражи. Эльмурзу вновь назначают запасным членом Суда общества офицеров. 1 января 1902 года он был Пожалован серебряной медалью за поход в Китай в 1900–1901 гг. В ноябре того же 1902 года Приказом по Терскому казачьему войску за № 366 он был прикомандирован ко 2-му Горско-Моздокскому полку. 1 июня 1908 года он был произведен в подъесаулы, 6 мая 1914 года – в полковники. В ходе своей службы Мистулов Эльмурза Асламбекович был отмечен следующими наградами: орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантами, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Георгия 4-й степени, мечами и бантами к ордену Св. Станислава 3-й степени, Св. Владимира 3-й степени с мечами, серебряной медалью в память Александра III. Так-

же Мистулов был удостоен золотого оружия с надписью «За храбрость», трижды ему объявлялось и высшее благоволение.

Официальный стиль послужного списка не выражает, к сожалению, всей палитры человеческих переживаний, скрытых за всеми этими датами переводов и награждений. Составить более полное представление о людях, стоящих за ними, позволяет личная переписка, воспоминания современников. Не просто обнаружить среди сохранившегося архивного материала подобную информацию, однако те редкие находки, которые вознаграждают исследователя в его кропотливом труде, безусловно, помогают лучше увидеть лица и почувствовать силу духа тех, кто был участником давно минувших событий, тех, кто вошел в историческую память народа.

Вот каким видели и как относились к Эльмурзе Мистулову его современники, знавшие этого прославленного героя не понаслышке. В письме от 11 февраля 1917 г. к командиру 1-го Кавказского кавалерийского корпуса, командир 1-ой Кубанской Дивизии полковник И. Труфанов, находящийся на тот момент в Тифлисе, выражает искреннее восхищение этим отважным осетином: «Дорогой Африкан Петрович!...Прости меня, что вынужден беспокоить тебя настоящим письмом с просьбами относительно одного нашего сверхдобрлестного терца, полковника Мистулова.

Первая просьба заключается в его пламенном желании, после двухмесячной боевой работы на Западном фронте, который как во 2-ом Сунженско-Владикавказском полку, которым он командовал также и по станицам и в войске, рассказывают прямо чудеса и по общему убеждению только Господь мог чудом его сохранить живым во время его разведок верхом по боевым цепям или когда впереди пол-

ка он летел в атаку – получить бригаду в одной из дивизий у меня в Корпусе.

Он столько раз ходил во фланг и тыл противнику, забирая столько пленных, орудия и прочее на Западном фронте, что теперь ему, только что получившему бригаду, хочется поработать во всю на Персидском фронте.

Мне лично не избалованному или вернее лишенному до сих пор таких истинно кавалерийских начальников с божественной искрой таланта, хочется во что бы то ни стало получить к себе на фронт Мистулова бригадиром, чтобы использовать его талант и доблесть и постоянную пламенную жажду подвигов и работы на фронте и в тылу у противника.

Ты ведь согласен со мной, что мой фронт представляет по сравнению с Западным несравненные преимущества для проявления... всей мощи сверхдействий.

Мистулов только что назначен командующим бригадой в 1-ю Кубанскую Дивизию, а между тем вследствие формирования 4-ой Кубанской Дивизии открылась возможность назначения его бригадиром в эту дивизию, идущую ко мне.

Кроме того, во исполнение приказа походного атамана – пересмотреть боевые аттестации всех наших казачьих командиров и генералов, я признал командира бригады 3-ей Кубанской казачьей дивизии генерал-майора Золоторева несоответствующим современным кавалерийским требованиям, а потому и значит, откроется вакансия еще одного бригадира.

Усердно прошу тебя, дорогой Африкан Петрович, не отказать мне, а значит, корпусу (теперь чисто казачьему без драгун) и конно-казачьему делу и лично достойнейшему боевому работнику и вождю полковнику Мистулову – в твоём могучем содействии и желанном назначении Мистулова.

Только в виду того, что имею начальника 3-й Кубанской дивизии пунктатора по характеру своему, мне бы очень хотелось бы подпереть его таким пламенным и порывистым всегда вперед бригадиром, как Мистулов.

Потому я бы желал предпочтительно Мистулова вместо генерала Золоторева...

Вторая просьба – рассмотреть справиться по прилагаемым представлениям Мистулова.

Он, как ты можешь усмотреть из приложенного наградного листа, уже трижды получил, высочайшее благоволение, так как ему кроме генерал-майорского чина нечего больше давать.

Представление за дело столь блестящее, как 25 августа 1915 года к генеральскому чину осталось без награждения, а возобновить представление за смертью генерала Арютинова некому. И с начала еще в 1914 году. Мистулов с полком своим в конце сентября взяв с бою вместе с остальными полками район Морморян Сегета, отчаянно прошел в самую Трансильванию, сделав две разведки.

Словом, по всем законам божеским и человеческим уже заслужил производства в генеральский чин, соответствующий ныне занимаемой им должности...

А Мистулов принадлежит к числу тех людей, которые для пользы службы его величества и родины преподавать ход вперед и выше независимо от старшинства и прочих соображений. Служба только выиграет.

Очень и очень прошу тебя, лично познакомиться с этим сверхдоблестным и в то же время замечательно скромным человеком...

Прошу не только тебя и о могучем участии в его судьбе через тебя Великого князя – Атамана.

Хочу верить, что Его Величество и его славный штабначальник не оставите мой голос за выдвижение достой-

ного человека ... по заслугам и боевой „Гласом вопиющего в пустыне“»¹⁵¹!

Об исключительном военном подвиге Э. А. Мистулова в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. сообщал в своем докладе «Психологическая сила удара казачьей шашки (сабли)» командир сотни юнкеров Оренбургского казачьего училища, есаул Бочаров, его бывший и младший однополчанин по 1-му Волгскому полку, в день праздника Георгиевских кавалеров 26-го ноября 1910 г. в августейшего инспектора всех военно-учебных заведений, Великого князя Константина Константиновича, инспектирующего училище. Приведем содержание этого сообщения: «Разъезд горцев, высланный Мистуловым, напоролся на японцев и на месте схватки – оставил только тело своего офицера, корнета князя Эльдарова. Узнав об этом, Мистулов, с несколькими всадниками, бросился на выручку. Скакавшие за ним всадники отстали и настигли его уже в рукопашной схватке с японцами и покрытого кровью. Увертливые японские солдаты, приседая и защищаясь ружьями против смертоносных шашечных ударов Мистулова, старались достать его штыками снизу. От сильного удара по винтовке одного из них, у Мистулова сломался клинок шашки „Гурда“ у самой рукоятки. Как истый горец, он инстинктивно рукою бросился к кинжалу, но еще раз пуля японца пересекла его пояс с ранением в живот и кинжал утерян. Бросился рукою к кобуре за револьвером, но кобура также была утеряна вместе с поясом и кинжалом и лишь сам револьвер „на шнуре“ где-то болтался сбоку. Он быстро подхватил его и стал стрелять в упор. Подоспевшие всадники dokonчили эту необычайную кровавую схватку, пленив оставшихся в живых японцев. Победа горцев была полная, но она досталась им дорогой ценою: 4 горца было убито и многие ранены; сам Мистулов ранен пулею в живот и получил 3 штыковых раны.

Перевязав живот башлыком, с телом убитого князя Эльдарова и с пленными японцами – Мистулов вернулся к своей сотне.

За этот исключительный подвиг, он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Офицеры полка, в знак глубокого восхищения его боевым подвигом и вырубкою тела своего товарища-офицера, как бы в возмещение потерянного в этом бою Мистуловым своего оружия, преподнесли ему шашку, кинжал с поясом и газыри, в массивной серебряной оправе с позолотою, при надписи: „За геройский славный подвиг от сослуживцев Терско-Кубанского полка“. Всадники же осетины преподнесли серебряный портсигар с надписью золотой вязью: „Храброму воину Эльмурзе от осетин Кавказа“»¹⁵².

Во время Русско-японской войны Э. Мистулов получил абсолютно все боевые ордена по своему чину обер-офицера, до Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, «Золотого оружия» и офицерского Георгия включительно и был представлен самому императору Николаю Александровичу в Петербург.

Личные качества Эльмурзы Асланбековича выдавали в нем человека умного, мужественного, благородного, уважающего своих подчиненных, заботливого полководца: «вежливый и приветливый в обращении, любезный со всеми – он в каждом человеке уважал его личность и всегда щадил чужое самолюбие, он был по-спартански строг и требователен к себе. Он, буквально, не имел врагов и всюду являлся желанным гостем. Где бы не появлялся Эльмурза – на полковых ли, семейных ли вечеринках – всюду вносил мир, добро и веселье; словно дирижер с волшебной палочкой все видел, все знал, во все вникал и всех поощрял Мистулов к работе только силою своего личного обаяния»¹⁵³.

А вот, что донесли до нас воспоминания полковника Елисеева Ф.И. о том, как Э.А. Мистулов, 15 мая 1916 года, впервые предстал в роли командира 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска перед своими подопечными: «На очень прытком коне-кабардинце, в своей темно-синей черкеске при дорогом кавказском оружии с позолотою, вихрем подлетел он к полку, в три прыжка осадил своего коня, блеснул клинком своей шашки вверх и очень громко, внятно и, как-то гортанно, произнес: „Здорово слав-ный Кавказ-ский по-olk“! Это было так неожиданно и так красиво, что полк в тысячу своих голосов, особенно компактно и, словно эхом, ответил ему с радостью в своих глазах и сердцах. Сказав несколько приветственных слов, Мистулов молча проехал по всем рядам 24-х взводов полка, опытным глазом изучая казаков, лошадей, седловку... Молодецкий наш первоочередной полк, не забыв и на войне, что „фронт есть святое место“ – замер в строю, излучая только радость глазами, сразу же оценив орла-командира, так необычно представившегося полку, как и так нарядно одетого для войны, да еще на турецком фронте»¹⁵⁴.

Эльмурза Асланбекович Мистулов, был очень любим и уважаем всеми, с кем довелось ему служить – и вышестоящим руководством, и подчиненными. Они характеризовали его как скромного человека, высокого ростом, тонкого в талии и широкого в плечах, с озабоченным и умным лицом, особенно удивляющего исключительной безумной личной храбростью, прекрасного товарища, обладающего высокоблагородным воинским чувством долга, спартамца и спортсмена, заколдованного рыцаря, легендарного героя.

Прославился своим мужеством и искусным ведением боя и уроженец селения Кадгарон – высокий, стройный,

очень красивый брюнет генерал-лейтенант Дзамболат Абациев (1857 г. р.). После окончания Виленского пехотного юнкерского училища, Д. Абациев был прикомандирован к конвою генерала М. Д. Скобелева, став впоследствии его адъютантом. Сражаясь с неприятелем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. он не раз проявил себя как настоящий воин, герой – будь то участие в усиленной рекогносцировке и взятии приступом в качестве проводника штурмующих колонн г. Ловчи, в артиллерийской и ружейной перестрелке на Плевенском шоссе, в четырехдневном артиллерийском бою под Плевною, в атаке Зеленых гор, при взятии приступом трех неприятельских редутов, при рекогносцировке плевенских укреплений, в боях близ города Брестовец, во взятии в плен армии Осман-паши, в переходе через Балканы в обход Шипки, в двухдневном Шейноховском сражении при взятии в плен армии Бесалья-паши, в походе авангарда армии от г. Казанлыка к Андрианополю, при взятии Хирманлы, в походах с авангардом армии на Эскизагру, Тырново, Самейлы, Хасикой, Черлу, Чаталджу, Сан-Стефано, Сливно и др.

Восхищаясь беззаветным мужеством Д. Абациева, его соратники отзывались о нем как о «преинтересной личности», вспоминая, как он злился, когда другие искали более безопасные пути, в то время как сам Абациев шел под пулями напрямик.

В июле 1879 года он, призванный генералом М. Скобелевым, принял участие в Ахал-Текинской экспедиции, в ходе которой получил ранение. После выздоровления он отправился служить в Варшаву при Высочайшем дворе, а затем в Петербург. Затем в чине полковника, все так же демонстрируя воинскую сноровку и отвагу, Абациев участвовал в русско-японской войне, состоя на службе в Уссурийском казачьем полку. Далее военная служба Д. Абациева

чиева проходила на родном Кавказе, где ему довелось командовать Кавказской казачьей дивизией, а затем и корпусом, быть председателем комиссии по осмотру сменных и льготных эшелонов Кавказских казачьих войск, являться членом военно-окружного суда.

С учетом многочисленных заслуг в январе 1912 года Д. Абациев был произведен в генерал-лейтенанты и вступил в командование 2-й Кавказской казачьей дивизией.

Во время первой мировой войны в должности командира 6-го Кавказского армейского корпуса, Абациев принял участие в важнейших сражениях под Сарыкамышем, при штурме Эрзерума, в Алашкертской, Огнотской и др. В результате успешного наступления, беспримерной храбрости солдат под мудрым командованием Д. Абациева была разгромлена ударная группа Абдул-Керим-паши в Алашкертской долине, захвачены г. Мелязгерт и Битлис ¹⁵⁵.

За беспримерно храбрую и верную службу Д. Абациев более сорока раз удостоивался российских и зарубежных наград (в том числе, Румынии, Персии, Пруссии, Болгарии, Франции, Греции).

В рядах российской армии также блестяще сражался генерал-майор Эльмурза Кусов (1839 г. р.), воспитанник 1-го кадетского корпуса, произведенный в корнеты с зачислением по армейской кавалерии и прикомандированием к 4-му Гусарскому Мариупольскому Его Высочества принца Фридриха Гессен-Касельскому полку 6 июня 1857 года. В августе 1860 года он был произведен в поручики. В октябре 1863 Кусов прикомандировывается к Терскому конно-иррегулярному полку. За отличие в разновременных делах против польских мятежников, в июле 1864 года, он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» для мусульман установленный. Осенью того же года Высочайшим приказом он произведен

в штаб-ротмистры со старшинством. В марте следующего 1865 года его прикомандировали для несения службы к 77-ому Пехотному Тенгинскому полку. Э. Кусову пришлось принять участие в сопровождении кавказских переселенцев в Турцию. Так, за «доставление в отличном порядке партий, переселившихся из Чечни в Турцию туземцев» Приказом по Кавказской армии от 5 августа 1866 года ему была «объявлена благодарность в приказе по Кавказской армии». В начале февраля 1867 года его назначают командующим 10-й роты 77-го Тенгинского полка, а в марте, за добросовестную службу, Приказом по Кавказскому Военному Округу ему было разрешено принять и носить орден Меджидия 5-й степени, пожалованный Кусову Его Величеством султаном Турецким. Через два года Эльмурза Кусов был произведен уже в капитаны. В течение последующих нескольких лет ему доверяли командование 2-ой, 12-ой и 4 стрелковой роты. А в октябре 1872 года за отлично-усердную службу Э. Кусов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени для нехристиан установленный. Образование Эльмурзы не ограничилось его обучением в кадетском корпусе. В сентябре 1873 года на основании распоряжения Его Императорского Высочества главнокомандующего Кавказской армией он был командирован в Кавказскую учебную роту для прохождения одногодичного курса, который он окончил с отличием. Затем его служба проходила в 78-ом Пехотном Навагинском полку в должности командира батальона. Далее в период с октября по декабрь 1878 года Э. Кусову довелось председательствовать в Полковом суде. Высочайшим приказом от 30 января 1879 года он был произведен в майоры. Свой воинский долг исполнял этот отважный горец и в составе войск, действовавших в 1879 году в Закаспийском крае, где также отличился, за что и был удостоен орденом Св. Станислава 2-й степени.

В 1881 году он был прикомандирован к 80-му Пехотному Кабардинскому полку. Вскоре последовало награждение орденами Св. Анны 2-й степени для нехристиан установленным и Св. Владимира 4-й степени для нехристиан установленным, после чего, в мае 1884 года, ему было присвоено звание подполковника. 21 января 1886 года комплект наград Э. Кусова пополнил и орден Льва и Солнца 2-й степени, пожалованный Его Величеством Шахом Персидским. Далее следовал еще ряд назначений и перемещений, и в августе 1894 года, за отличие по службе, Эльмурза Кусов был произведен в полковники. В этой должности, в составе полка, он направляется в Закавказье, в г. Ахалцых. Отличная служба прославленного героя и впредь не оставалась незамеченной, и 23 апреля 1898 года он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. От службы Кусов был уволен с производством в генерал-майоры с мундиром и пенсией в январе 1900 года. Помимо указанных выше орденов он также был награжден и светлобронзовыми медалями за усмирение польских мятежников в 1863–1864 гг., в память русско-турецкой войны 1877–1878 гг., за взятие штурмом Геок-Тепе в 1881 г., серебряной медалью за походы в Средней Азии 1893–1895 гг. и бронзовой медалью в память Императора Николая I¹⁵⁶.

В историю зарождения осетинской военной интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков вошли героическая отвага и блестящее стратегическое мышление генерал-майора Казбулата Есиева, родившегося 26 ноября 1865 года в с. Суадаг Северной Осетии в семье штабс-ротмистра Асланмурзы Беслановича Есиева и дочери майора Муссы Жантиева Айшет (Адзае).

По сохранившимся воспоминаниям дочери Казбулата Асланмурзаевича Аминат Есиевой-Дадиани, ее отец окончил Ставропольскую гимназию, начиная с 5-го клас-

са которой считался лучшим математиком. По окончании гимназии он на «отлично» сдал экзамены в Военно-Инженерную академию, но при приеме получил отказ, т. к. придерживался мусульманского вероисповедания, а мусульман, особенно горцев, в это учебное заведение не допускали.

Тогда Казбулат Асланмурзаевич поступил в военное училище, по окончании которого, в чине подпоручика был назначен в 79-й Куринский полк, стоявший в городе Грозном и переведенный позднее в Закавказье, в г. Кутаис. С производством в капитаны К. Есиев был переведен в 77-й Тенгинский полк в должности командира роты. Во время событий 1905 года рота стояла на охране железной дороги на станции Квирилы.

«Белогорско-Квирильское революционное правительство, – сообщала в своих воспоминаниях Аминат Казбулатовна, – решило разоружить роту, но для того, чтоб уберечь К. Есиева, они достали ему вызов от наместника Кавказа, графа Воронцова-Дашкова в Тифлис.

Роту разоружили, и сообщение об этом совпало с прибытием капитана Есиева в Тифлис, по вызову наместника.

Разъяренный Воронцов-Дашков распорядился передать его суду общества офицеров для разжалования в солдаты. Не дожидаясь этого, Казбулат Есиев быстро собрался в Петербург, снабженный материалами, отражавшими деятельность графа Воронцова-Дашкова за период его наместничества на Кавказе. Оставив семью в селении Карца на попечении своих родителей, он поехал в Петербург и, воспользовавшись свободой слова и печати, опубликовал переданные ему революционерами Закавказья документы. Лучшие юристы-революционеры безвозмездно взялись ему помогать, и в результате последовал отзыв наместника с Кавказа. Вдовствующая государыня, Мария

Федоровна, даже собралась было уехать к себе в Данию от возмущения, что из-за какого-то „туземца капитанишки“ возможно отстранить от работы наместника Его императорского величества на Кавказе. Капитан Есиев разжалован не был, но на Кавказе служить ему не разрешили. Два его полуротных, Полетаев и Жуков, которые фактически сдали оружие, тоже поехали с ним в Петербург. Предоставили выбор: Сибирь или Финляндия. Они с Жуковым выбрали Сибирь и получили назначение в город Иркутск, в 27-ой Восточно-Сибирский стрелковый полк, незадолго до этого возвратившийся из-под Порт-Артура. Он был командиром 4-й роты. Каждый год Казбулата представляли к следующему чину, за отличную службу, но из Петербурга представление всегда возвращалось обратно. Ему не могли простить 1905 года. В Сибири он потерял двух старших дочерей от туберкулеза легких. В 1914 году его послали в офицерскую Стрелковую школу в г. Ораниенбауме, где его застала 1-ая империалистическая война. Тотчас же он выехал обратно в Иркутск, но уже не застал своего полка, который был с первых же дней выслан на фронт.

По объявлении мобилизации, части удвоились и были сформированы второочередные полки. Таким образом, первоочередные, 25, 26, 27 и 28-ой Сибирские стрелковые полки были уже отправлены, а 45, 46, 47 и 48-ой полки были сформированы и он выступил на фронт в составе 47-го Сибирского стрелкового полка. За отличие в первых же боях, К. Есиев был представлен к Георгиевскому кресту и чину полковника, но в Главном штабе представления были отклонены и лишь повторные отличия никак не могли остаться без вознаграждения и он уже в 1915 году, в чине полковника, командовал 47-м Сибирским стрелковым полком, был награжден орденами Св. Владимира, Св. Георгия, Георгиевским оружием и был избран членом

Всероссийской Георгиевской Думы. На всю Российскую армию было прислано два английских ордена Георга и один из них был присужден ему.

Служил он под командованием генерала Рузского и генерала Радко Дмитриева. В конце 1916 года Казбулат Асланмурзаевич был произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады, в которую входил его 47-й полк. Полк этот, за время его командования, дважды был награжден Георгиевским знаменем. Производство совпало с Февральской революцией, и он не стал менять своих полковничьих погон на генеральские, оставаясь командиром бригады. Были созданы Советы Солдатских Депутатов и Солдатские Комитеты, через которые осуществлялось руководство частями отступавшей Армии, оказавшейся под ударом немцев. Тех из офицеров, которые пытались удержать войско от беспорядочного отступления, убивали тут же.

Совет Солдатских Депутатов Верховного Главнокомандования обратился к авторитету К. А. Есиева, чтобы спасти армию от разгрома. Немцы наступали, не встречая сопротивления.

Он созвал Солдатские Комитеты, объяснил им положение, призвал остановить наступление немцев и создать условия для организованного отступления частей нашей армии.

Раздались выкрики: „Отвоевались, довольно, долой офицерье!“ и т. д., но сибирские части, прошедшие с ним всю войну, верили в него и других заставили поверить. Был дан бой немцам, которые, испугавшись, что их заманили в ловушку, пустились наутек, преследуемые частью наших войск, а тем временем армия, организованно, почти без потерь, была перенаправлена через единственный мост и выведена из-под удара.

Совет Солдатских Депутатов Верховного Главнокомандования за эту операцию присудил К. А. Есиеву Солдатский Георгиевский крест с лавровым венком на ленте.

Погиб он позже, в бою, но его подчиненные не оставили его тела, и он похоронен в селении Карца, Куртатинского ущелья»¹⁵⁷.

Военная служба К. А. Есиева была самоотверженной, часто он рисковал жизнью, подавая своим героическим поведением пример сослуживцам. Так, командуя батальоном 47-ого Сибирского стрелкового полка, при ночной атаке сильно укрепленной трудно доступной позиции противника близ с. Рона, капитан Казбулат Есиев, согласно сообщению генерал-майора Эггет и командира полка полковника Симонова, «подавая пример выдающегося мужества и отличной храбрости лично ведя свой батальон под перекрестным обстрелом с трех сторон, преодолев искусственные преграды, захватил с боя часть укрепленной позиции, чем способствовал успеху атаки полка. Получив приказание овладеть с. Рона, сильным натиском рот батальона опрокинул занимавшего это селение противника, занял селение, захватив при этом с боя два действующих и защищенных орудия, и взял в плен 17 офицеров и 396 нижних чинов»¹⁵⁸.

За этот подвиг подполковнику 47-го Сибирского стрелкового полка Есиеву по удостоению командующего 5-й армией, Королем Английским пожалован орден «За отличное исполнение служебных обязанностей»¹⁵⁹.

Высочайшим приказом 5 октября 1915 года за боевые отличия подполковник Есиев был произведен в полковники со старшинством с 1 мая того же года¹⁶⁰.

Высочайший приказ № 342 от 5 декабря 1915 года гласил: «...19 ноября с/г. утверждено пожалование ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степе-

ни полковнику Казбулату Есиеву за то, что в ночь с 6 на 7 марта 1915 года, командуя батальоном, при ночной атаке сильно укрепленной и труднодоступной позиции противника близ села Рона, подавая пример выдающегося мужества и отличной храбрости, лично ведя свой батальон под перекрестным обстрелом с трех сторон, преодолев искусственные преграды и захватив с боя часть укрепленной позиции, чем способствовал успеху атаки полка. Получив новое приказание овладеть с. Рона, сильным натиском рот батальона ... занял это селение, захватив при этом с боя два действующих и защищаемых орудия и взял в плен 17 офицеров и 360 нижних чинов»¹⁶¹.

Приведем содержание еще нескольких приказов.

Приказ № 166 от 14 июня 1916 г. м. Кампе:

«...считать утверждение высочайшим приказом командиру 47-й Сиб. стрелк. полка Касбулату Есиеву не ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, а мечей к имеющемуся ордену Св. Анны 2-й степени».

Приказ № 262 от 18 сент. 1916 года Действующей армии:

«За время с 5 сентября 46-ой и 47-й Сиб. Стр. полки отбили несколько атак противника. Произвели сами контратаки, выполненные доблестно, нанеся противнику большие потери, захватив пленных и пулемет.

Сердечно благодарю доблестные 46-й и 47-й Сиб. Стрелк. Полки, честно служившие царю и отечеству и показавшие, как надо бить противника.

Сердечно благодарю командиров этих полков, полковников Берга и Есиева.

Не могу не отметить особую доблесть командира 47-го полка полковника Есиева, который, будучи ранен, оставался в окопах и только по приказанию командира бригады уже на второй день после ранения отправился на короткое время на перевязочный пункт. Твердо верю, что 46-й

и 47-й полки в будущем под командой своих командиров также доблестно послужат и впредь.

Прочесть во всех ротах и командах.

Генерал-майор Эггерт».

Приказ № 269 от 25 сент. 1916 года действующая армия:

«Высочайшим приказом 1 сентября сего года государь император Всемилоостивейше соизволил пожаловать за отличия в делах против неприятеля орден Св. Равноапостольного князя Владимира 3-й степени с мечами:

Полковнику-командиру 47-го Сиб. Стрелк. Полка Казбулату Есиеву»¹⁶².

Из приказа № 272 от 27 сент. действующей армии:

«...Командир полка Хаз-Булат Есиев пожалован Георгиевским крестом 4-й степени № 353921 за то, что в бою у Мужилова, во время отхода наших войск с позиций, ушел с таковой последним, а до отхода, несмотря на ужасно сильный пулеметный и ружейный огонь противника, находясь в передовой цепи, стреляя по противнику, делавшему попытки наступления, из пулемета, продолжая стрелять из такового до последнего патрона, дав этим возможность отойти цепям на удобную позицию, после чего находился все время позади отступающей цепи, ободряя солдат.

Кроме того, во время боя 20 июля 1917 года у деревни Кузминчики, не обращая внимания на ураганный огонь противника, полковник Есиев находился в передней линии наступавшей цепи, и своей доблестною храбростью воодушевляя и ободряя солдат, идущих в атаку, благодаря чему успех боя 20 июля был на нашей стороне.

...по удостоению Думы Георгиевского оружия награждается георгиевским оружием командир 47-го Сиб. стрелк. полка полковник Есиев и 47-го Сиб. стрелк. полка подпоручик Вдовиченко»¹⁶³.

К прославленным представителям зарождающейся

осетинской военной интеллигенции, достойно защищавшим честь российского оружия, относится доблестный воин Николай (Дудар) Абрамович Караев, особо отличившийся в ходе сербско-турецкой войны 1876 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и состоящий для особых поручений при дворце его Высочества, принца Ольденбургского Александра Петровича¹⁶⁴.

Так, во время сербско-турецкой войны 1876 года Н. Караев храбро сражался в составе Тимокско-Моравской армии, получил серебряную медаль за храбрость, чин подпоручика, орден Такова из рук князя Милана. Позднее, после объявления Россией в апреле 1877 года войну Турции, Николай Караев вместе со многими боевыми товарищами вступил рядовым дружинником в болгарское ополчение и принял участие в 82 атаках и многих боях, а также в качестве охотника во многих разведывательных операциях. 18 июля 1877 года посланный генерал-майором Столетовым осмотреть расположение подошедшей с юга к городу Эски-Загра сильной турецкой армии Сулейман-паши, Караев отлично выполнил задание под выстрелами густой турецкой цепи. На следующий день он принял участие в неравном шестичасовом бою в результате которого враг не прошел. В этом бою под Эски-Загрою пал смертью героя при спасении Самарского знамени командир 3-й дружины подполковник Павел Петрович Калитин. Н. Караев являлся ординарцем Калитина, что вполне объясняло его желание отомстить врагу за гибель любимого командира. Очевидец и участник этого боя начальник штаба болгарского ополчения подполковник Е. Рынкевич позже писал об увиденном: «...Перекрестный огонь противника вывел из строя почти половину дружины. Ополченцы не успевали наклоняться, чтобы оказать помощь раненым товарищам, как тут же падали, подкошенные пулями противника. Опол-

ченец Николай Дудар, ординарец командира дружины, после смерти последнего отдал свою лошадь раненному в грудь ротному командиру штабс-капитану Стеселю и, отстреливаясь, продолжал отступать пешком. Турки, увидев человека в черкеске, стрелявшего в них, сразу окружили Дудара, пытаясь взять его в плен живым. Но храбрый воин не растерялся: выхватив саблю и кинжал, он тут же уложил шесть человек и продолжал отступать к своим...»¹⁶⁵.

Бесстрашный Николай Караев принял участие и в знаменитом сражении на Шипке, в ходе которого был ранен, но продолжил сражаться, до конца кампании находясь при командире 1 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии при принце Ольденбургском, по свидетельству которого Караев неоднократно совершал подвиги отличительной храбрости¹⁶⁶.

В копии с рескрипта Его Императорского Величества бывшего Главнокомандующего армией Великого князя Николая Николаевича от 9 апреля 1880 г. за № 78 к бывшему Военному Министру графу Д. А. Милютину сообщалось: «Состоявший в 3-й дружине болгарского ополчения кавказский уроженец из Осетин Николай Караев в минувшую кампанию отличался безграничною храбростью и находчивостью, находясь всегда на аванпостах или в охотниках при исполнении самых опасных поручений.

Зачисленный в 3-ю дружину болгарского ополчения он участвовал в делах при Уфлани, Казанлыке и при взятии Шипкинской укрепленной позиции 18-го июля 1877 года, накануне боя под Эски-Загрою, посланный генерал-майором Столетовым осмотреть расположение корпуса Сулеймана паши, он отлично исполнил поручение под выстрелами густой турецкой цепи. В бою под Эски-Загрою, отдав свою лошадь раненому ротному командиру, Караев при отступлении был охвачен Турками, но убив пять человек

освободился из плена. 10-го августа на другой день боя на Шипке Караев с охотниками выбил Турок из оврага, где находился единственный ключ снабжавший водою всю позицию.

11 августа утром Караев был ранен, но оставался на позиции исполняя различные поручения и только после второй тяжелой раны в ногу был отправлен в госпиталь. Поправившись от ран и до конца кампании Караев находился при командире 1-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии Его Высочества принца Ольденбургского и неоднократно выказывал подвиги отменной храбрости.

Со время Сербско – Турецкой войны 1876 года Караев был волонтером в Сербской армии, где получил серебряную медаль за храбрость, чин Подпоручика и из собственных рук Князя Милана орден Такова.

По представлению генерал-майора Столетова, прошу Ваше Сиятельство повергнуть на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение ходатайство Мое о награждении Караева чином Прапорщика.

Пребываю к Вам искренне доброжелательным Николаем»¹⁶⁷.

В 1880 году, по представлению генерал-майора Н. Г. Столетова, доблестный воин Н. Караев был произведен в прапорщики. За участие в сербско-турецкой и русско-турецкой войнах Николай (Дудар) Караев был удостоен 17 русскими, болгарскими, сербскими и румынскими орденами и медалями.

На родине, в Осетии, благодарные земляки по-своему поощрили ратный труд односельчанина, отметив, что они гордятся «такими молодцами, честь наших отцов поддерживающих» и постановив сельским сходом от 12-го апреля 1879 года «в знак памяти молодцу Дудару Караеву, после стольких побед его против врагов в 1876, 1877 и 1878 гг.

и первое его прибывание в наше Ольгинское село, его же родины... снять карточку от имени всего села почетных стариков и судей в счет села, и поднести ее Дудару Караеву»¹⁶⁸.

Немало отважных героев взрастила осетинская земля. Военная деятельность осетин, получение ими профессионального военного образования, вовлечение их в военно-стратегические операции Российской империи в период второй половины XIX – начала XX вв. послужили прочным фундаментом в процессе формирования национальной военной интеллигенции Осетии, воинская доблесть которой навсегда вошла в российскую и мировую историю.

§ 3. Педагогическая деятельность

Важнейшая работа была развернута представителями зарождающейся осетинской интеллигенции на поприще педагогической деятельности. Ведущими в творческом наследии осетинских просветителей и педагогов являются проблемы теории воспитания. Большое значение они придавали гармоничному развитию личности в семье, обществе и школе, способствующему воспитанию высоко-нравственного, эстетически образованного человека. Волновали осетинских интеллигентов и вопросы, связанные с осетинской письменностью, положением учителей, деятельностью осетинской интеллигенции на ниве народного просвещения, женским образованием, демократизацией школы. В целях увеличения охвата образовательным процессом молодой осетинской интеллигенцией учреждались различные благотворительные организации и общества (Общество вспомоществования учащим и учащимся

в школах Северной Осетии, Общество по устройству народных чтений, Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области и др.), классы живописи и рисования, театральные кружки и т.д.

Оценивая роль первого поколения осетинской интеллигенции современник отмечал: «...Одновременно на ниву народную вышли сеятелями народные учителя. Им принадлежит пальма первенства в великом деле приобщения своего племени к культурному движению... Трудно было первым народным учителям. Рассказывают, что матери боялись школ, прятали детей, приходилось силою, чуть ли не по наряду, пополнять школы, пугали народ слухами, что вслед за школою возьмут и в солдаты, но влияние интеллигенции скоро разбудило народ в таком взгляде на русскую школу и он хлынул туда потоками... И это изменение взгляда народа на школу произошло благодаря замечательному подбору первых народных учителей, окончивших курс в Тифлисской Александровской учительской семинарии, в Тифлисской духовной семинарии и во Владикавказском духовном училище... Первые народные учителя, по окончании курса в Тифлисе, молодыми юношами были благословлены на свой труд самим Августейшим Наместником Кавказским Великим князем Михаилом Николаевичем, который лично посетил впоследствии некоторые из этих школ... Отсутствие подходящих учебников, темнота народа, его материальная бедность, плохие школьные здания, отсутствие путей сообщения в горной полосе, оторванность от окружающего мира в продолжение долгих месяцев, полное отсутствие образованных людей в окружающей среде и многое еще другое поборол осетинский народный учитель на своем пути и вышел победителем... Население само начало уже оценивать труд

народного учителя и с своей стороны в лице лучших людей стремится поддержать школу. Стремление к просвещению до того велико, что приходится принимать во многие школы по жребию и весь народ проникся стремлением к образованию, лучшим показателем которого является стремление осетин и их жертвы для того, чтобы дать своим детям образование в средних и высших учебных заведениях»¹⁶⁹.

Впервые педагогическую деятельность в Осетии начали осуществлять представители осетинского духовенства – Алексей Колиев, Василий Цораев, Георгий Кантемиров, Михаил Сухиев, Соломон Жускаев, Алексей Аладжиков и др. С повышением среди осетин интереса к образованию потребность в школах и учителях не удовлетворялась в необходимой мере. Местное духовенство видело разрешение обостряющейся ситуации в открытии миссионерской семинарии, подготавливающей квалифицированных церковнослужителей и учителей для церковно-приходских школ. В 1895 году в с. Ардон на базе Александровского Осетинского духовного училища была образована Александровская миссионерская духовная семинария, учебная программа которой подразумевала и хорошую общеобразовательную подготовку. По мере своих возможностей Ардонская семинария стала обеспечивать школы горных и плоскостных селений Осетии квалифицированными учительскими кадрами. Среди них учителя Саханджери Мамсуров, преподававший в Кобанской и Хидикусской школах, Семен Дзилихов, работавший в Куртатинской церковноприходской школе; Цоцко Амбалов, Бадзи Кумалагов и Буцки Томаев, учительствующие в Ардоне; Александр Макоев, направленный в Алагир, Гагудз Тлатов, трудящийся в Эльхотово, Алыгка Карсанов – в Ольгинском, Давид Бердиев – в Дур-Дуре, Хаджумар Гуриев – в Ногкае и многие другие.

Особое внимание заслуживают осетины-преподаватели семинарии. Большую симпатию вызывает личность учителя приготовительной школы при Александровской миссионерской духовной семинарии и делопроизводителя Правления семинарии священника Афанасия Албегова.

В его послужном списке за 1912 год значится, что 27-летний Афанасий Гаврилович Албегов имеет серебряную медаль в память царствования императора Александра III и бронзовую медаль за I Всеобщую Российскую перепись. По окончании курса в Александровском осетинском (с. Ардон) духовном училище по первому разряду в 1893 году, Преосвященнейшим Владимиром, епископом Владикавказским и Моздокским, он назначен псаломщиком к Покровской церкви при станции Минеральные Воды. В 1897 году переведен на должность делопроизводителя в Правление Александровской миссионерской духовной семинарии.

За успешное преподавание Закона Божия в Хумалагских мужской и женской школах в 1897 году ему было объявлено Архипастырское благословение Преосвященнейшего Владимира, Епископа Владикавказского и Моздокского. Далее он был назначен учителем приготовительной при Семинарии для мусульман школе. Позже – делопроизводителем и казначеем Ардонского отделения Владикавказского Епархиального Училищного Совета, находившегося в подчинении Правления Ардонской семинарии.

Ректор Семинарии, характеризуя А.Г. Албегова, отзывался о нем весьма положительно, отмечая, что он «ревностно и с успехом работает в означенной школе, исправно относясь и к возложенному на него делопроизводству по Правлению Семинарии, регулярно и благоговейно участвуя в праздничных богослужениях в Семинарской церкви, как в самом первом деле священника»¹⁷⁰.

Не менее самоотверженной была педагогическая деятельность талантливого преподавателя Ардонской семинарии Тимофея Ивановича Габуева (1872 г. р.), успешно совмещающего должности учителя осетинского языка, пения, помощника инспектора, делопроизводителя, надзирателя и эконома, постоянного занимавшегося самообразованием. Он искренне переживал за то, чтобы в Семинарии велось преподавание на осетинском языке с применением различных методик классной и внеклассной работы. Т.И. Габуев был очень любим своими коллегами и учениками. Вот какую характеристику дал ему ректор Семинарии: «Из наличных членов педагогической корпорации Семинарии может и согласен принять на себя исполнение этих обязанностей учитель осетинского языка Тимофей Габуев, который ранее состоял в Александровской духовной семинарии учителем пения. Как сведущий, опытный, преданный своему делу руководитель Т. Габуев достигал значительных успехов в постановке семинарского церковного хора. Летом текущего года Габуев успешно окончил певческие курсы во Владикавказе. Учитель Габуев состоит на службе в Семинарии со дня ее основания, за каковое время с отличным усердием исполнял все свои многочисленные обязанности Инспектора, помощника Инспектора, эконома, учителя церковного пения, учителя Ардонской двухклассной церковно-приходской школы (при Семинарии), члена ревизионных комитетов по проверке экономических отчетов Семинарии, члена казначея и делопроизводителя Ардонского Отделения Владикавказского Епархиального Училищного Совета, преподавал ветхозаветную историю в первом классе Семинарии, ни в чем предосудительном замечен не был. За время четырнадцатилетней отлично-усердной работы в семинарии, исполняя огромное количество слу-

жебных обязанностей, заявил себя лишь с похвальной стороны»¹⁷¹.

На начало XX века пришлось педагогическая деятельность любимого и уважаемого в Осетии учителя Гагудза (Михаила) Кавдинович Гуриева, окончившего курс наук в Ардонской духовной семинарии в 1900 году. Распоряжением Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета за № 293 г. Гуриев был назначен на должность учителя и законоучителя в Хидикаускую церковно-приходскую школу, а через два года Постановлением того же отделения за № 382 перемещен на ту же должность в Даллагкаускую двухклассную церковно-приходскую школу. Распоряжением директора народных училищ Кубанской области за № 5027 в сентябре 1903 года он назначается заведующим Ново-Титаровским одноклассным училищем, а в августе 1904 года, распоряжением № 4623 – на должность второго учителя в Старо-Корсунское двухклассное училище.

Спустя четыре года Распоряжением Директора Народных училищ Терской области за № 4684 Гагудз Кавдинович становится заведующим Тулатовским приходским училищем, а распоряжением за № 6851 он занял должность учителя Тулатовского двухклассного училища¹⁷².

Одним из передовых учителей осетинских школ старого времени является народный учитель Харитон Уруймагов (1864-1919). Учительствуя во многих селах Северной Осетии, Харитон Уруймагов был очень опытным педагогом и воспитателем молодого поколения в революционном духе. Много работал над самообразованием, писал газетные статьи, заметки в местной газете. Очень развитый, хороший собеседник, остроумный и всегда веселый – таким он представляется и теперь, когда прошло с тех пор много времени. В 1912 и 1913 годах Уруймагов работал в

Беслановской двухклассной школе заведующим. В это же время в этой школе работал и Гагудз Гуриев. На выпускном экзамене по русскому языку Х. Уруймагов и Г. Гуриев поставили одному ученику заслуженно за работу пятерку. Присутствующий на экзамене директор Народных Училищ Беляев запротестовал против этого, объясняя свой протест тем, что ученик-осетин не может написать работу на «пять».

Не смотря на это, учителя Х. Уруймагов и Г. Гуриев послали работу ученика Попечителю Владикавказского учебного округа, находящемуся в Тифлисе. Работа ученика вместе с жалобой Х. Уруймагова и Г. Гуриева была переслана обратно в Дирекцию Народных Училищ во Владикавказ на рассмотрение. За этот «своевольный» поступок заведующий Х. Уруймагов и Г. Гуриев были сняты с работы и высла- ны учителями в отдаленные села. В 1902 году Х. Уруймагов учительствовал в Гизели. В этот год жители Гизели выступили против противозаконных действий местного приста- ва. Харитон Уруймагов принимал в этом деятельное уча- стие, за что был арестован и понес наказание в тюрьме¹⁷³.

Сохранился послужной список учителя Ардонской двухклассной мужской церковно-приходской школы, Вла- дикавказской епархии, коллежского регистратора Хари- тона Александровича Уруймагова, составленный на 20-е августа 1905 года ¹⁷⁴, согласно которому воспитание и об- разование он получил в Кутаисской Учительской семина- рии, где окончил курс с наградой в 45 руб. и свидетель- ством на звание народного учителя. В службу учителем Уруймагов вступил в Батако-Юртовскую школу 31 августа 1887 года. Затем, распоряжением инспектора школ Со- вета Общества восстановления христианства на Кавказе архимандрита Леонида, в поощрение усердных занятий, выразившихся в хороших успехах учеников Батако-Юр-

товской школы, он перевелся в Дарг-Кохскую школу 29 августа 1889 года. Распоряжением ректора Александровской духовной семинарии и председателя Ардонского отделения Владикавказского Епархиального Училищного Совета архимандрита Иоанна был переведен, по личной просьбе, из Дарг-Кохской церковно-приходской школы в Садонскую школу, а в августе 1897 года Журнальным постановлением Ардонского Отделения Владикавказского Епархиального Училищного совета и утвержденного Его Преосвященством Владимиром, епископом Владикавказским и Моздокским, Харитон Александрович был переведен из Садонской школы в Гизельскую двухклассную церковно-приходскую школу для улучшения в ней учебно-воспитательной части. Зимой того же года Журнальным постановлением Ардонского Отделения Владикавказского Епархиального Совета 12 января 1897 г., за № 3 и утвержденным Его Преосвященством Владимиром, епископом Владикавказским и Моздокским, он был назначен законоучителем в старший 2-й класс Гизельской двухклассной школы. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, данным в Санкт-Петербурге 27 февраля 1898 года за № 16, был произведен, за выслугу лет, в чин коллежского регистратора. Далее следовали переводы Х. Уруймагова из Гизели в Вольно-Христиановскую церковно-приходскую двухклассную школу старшим учителем, из Христианской школы в Ардонскую двухклассную школу старшим учителем, в Средне-Урухскую школу. Избирался Уруймагов и на два года (1904-1906) председателем правления Общества взаимопомощи.

Педагогическая деятельность Х.А. Уруймагова не раз отмечалась разного рода поощрениями. Так, за деятельное участие в открытии школы грамоты в селении Гизель в октябре 1899 года он был награжден 25 рублями, в январе

1901 года за усердное отношение к школьным занятиям и вообще к делу народного образования – книгой «Народная школа», за успешное и умелое преподавание в декабре 1903 года и январе 1904 года – 25 и 30 рублями соответственно.

К крупным педагогам-осетинам относится и Григорий (Гиго) Иванович Дзасохов, родившийся в 1880 году в с. Георгиевско-Осетинское в крестьянской семье, ставший не только замечательным учителем, но и ярким публицистом, литературным критиком.

В 1901 году Григорий Иванович окончил Ардонскую семинарию. Сохранилась присяга, данная им 30 сентября 1900 года, в период обучения в этой семинарии, к которой его привел духовник семинарии Иеромонах Тихон. В ней говорилось: «Я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, ныне при вступлении в должность церковнослужителя, обязуюсь проходить сию должность согласно с церковными правилами, законами, предписаниями и наставлениями начальства, в совершенном ему послушании, и вести себя благоговейно, честно, воздержанно и некорыстолюбиво, при уверенности, что поступки служителя церкви, причиняя более соблазна в обществе, нежели поступки мирянина, по справедливости более подлежат строгому взысканию.

В заключение сего клятвенного обещания моего целую слово и крест спасителя моего. Аминь»¹⁷⁵.

Далее Г. Дзасохов самостоятельно и успешно поступил в Казанскую духовную академию. Будучи ее учащимся, он примкнул к революционному движению, в это же время началась и его публицистическая деятельность.

Григорий Иванович Дзасохов был блистательным педагогом, которого уважали и искренне любили ученики,

где бы, волею судьбы, не приходилось ему работать. Так, в 1909 году, будучи ссыльным в виду политических убеждений, он был преподавателем логики в Азовской гимназии. Преподавать словесность в старших классах мужской гимназии Г. Дзасохова не допускали, однако ему было позволено вести русский язык и педагогику в женской. Впоследствии один из его учеников оставил о своем любимом учителе очень теплые воспоминания. Приведем некоторые отрывки из них, которые, на наш взгляд, очень точно характеризуют личность известного осетинского педагога.

«Это был худой человек, выше среднего роста, лет 29–30, с редкой растительностью на лице, с предательским румянцем на щеках и глухим кашлем.

В женской гимназии он был кумиром. У нас он пользовался большим уважением, а скромные уроки логики как-то негласно обращались им в блестящие лекции по истории русской литературы.

...Каждую субботу и воскресенье он приглашал к себе на квартиру всех желающих гимназистов и гимназисток. Жил он с женой и двумя детьми, здоровье которых тоже внушало большое подозрение.

На вечерах читал он нам Тургенева, Писарева, Чернышевского. Он говорил, что ни один автор не раскрыл с такой полнотой женскую душу, как Тургенев.

Надо признать, Дзасохов рисковал многим: в городе все же был жандармский ротмистр, и читать юношеству Писарева и Чернышевского было в то время для человека, находящегося под надзором полиции, небезопасно.

Его просветительные лекции на уроках логики, которые не все посещали, а в особенности его „вечера“, которые посещались только некоторыми, имели совершенно неожиданные последствия».

Далее автором сообщается, что на торжественном ве-

чере первого выпуска восьмого класса женской гимназии Григорий Иванович обратился к окончившим с речью. Это напутственное слово произвело большое впечатление и было напечатано в одной из ростовских газет. Вот с каким обращением он выступил: «В последний раз всхожу я перед вами на эту кафедру, чтобы сказать свое прощальное слово.

Что же вам сказать? Прежде всего, я бы желал, чтобы вы дали себе отчет в том, что вы вынесли из сего учебного заведения...

Ценности, данные школой, я полагаю, в тех искрах правды, истины и красоты, которые вы могли в той или иной степени впитать в себя благодаря даже своему юношескому возрасту. Я бы желал, чтобы никогда не потухали в вас эти искры, чтобы в дальнейшей своей жизни вы раздували их в целое пламя, которое давало бы красивую окраску вашей жизни.

Поставивши на первом плане развитие в себе Человека, не замыкайтесь в сфере своей индивидуальной жизни: постарайтесь согласовать блага своей личной жизни с благом общественным. Вам, прежде всего, придется столкнуться с трудным положением загнанной, но даровитой русской женщины. Внесите же свою лепту пользы, направленную на улучшение ее положения, но помните, что этого вы достигните, лишь вооружившись знаниями, в которых главная сила жизни! Не оставайтесь глухими и к стону великого русского народа! Следуйте заветам лучших представителей русской интеллигенции и постарайтесь воздать ему добром за предоставление вам возможности выйти на путь разумной жизни.

Прощайте же, друзья мои! Смелей вступайте в жизнь и торопитесь жить...

Если бы я был вашим начальником, а вы моими подчи-

ненными и я отправил бы вас в дальнейшее плавание, то тогда я бы дал вам пакет, который вы должны были вскрыть, находясь уже в пути. В этом пакете были бы написаны только два слова: „Будь честен!“ – вот вам мое завещание»¹⁷⁶.

Да, бесспорно, приведенные выше слова свидетельствуют о глубоком, осмысленном подходе Гиги Ивановича к воспитательно-образовательному процессу. Да, именно к воспитательно-образовательному, так как он не разрывал эти два понятия – «образование» и «воспитание». В вопросе определения конечной цели воспитания и образования он предлагал не искать ничего другого, как «быть человеком в настоящем смысле этого слова». Он был убежден, что настоящим человеком можно сделаться только через воспитание. Г. Дзасохов выражал свою солидарность с позицией А.С. Пушкина относительно того, что «есть образ мыслей и чувствования, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию». По его мнению, «общечеловеческое развитие тем и драгоценно, что оно не посягает на национальность», а, заботясь о развитии свойств души, которыми каждого из нас наделила природа «в известной мере, человек растет духовно не как общечеловек, а как человек определенной национальности, ибо каждое духовное свойство человека окрашено, так сказать, национальной краской, которая по мере духовного роста человека, не только не теряет своего цвета, а, напротив, становится ярче и определеннее»¹⁷⁷. Стремясь «быть человеком», человек не только не перестает быть гражданином своего отечества, а еще рельефнее выражает прекрасные стороны своей национальности. Также Дзасохов был уверен, что «прекрасные стороны национальности педагоги должны всячески оберегать в детях». Более того, если «педагогия

рекомендует принимать во внимание личную индивидуальность дитяти, то тем более она должна требовать уважения к индивидуальности народной. Плоха будет школа, если она станет развивать духовные силы детей только на сочинениях, чуждых их духу»¹⁷⁸.

А вот какие воспоминания супруги Гиго Дзасохова, Марьи Гавриловны Дзасоховой, сохранены благодаря НА СОИГСИ: «По окончании семинарии он поступил в казанскую духовную академию. По окончании академии в 1905 году он был направлен учителем русского языка и словесности во Владикавказское реальное училище.

В связи с событиями 1905–1906 гг. он был арестован 4 января 1906 года. Был произведен дома тщательный обыск, а затем, забрав его, и в редакции газеты „Искра“, где он был редактором, был обыск. В это же время он был корреспондентом газеты „Терек“. Мы долгое время не знали, куда его дели. Слухи ходили разные; мы узнали, что он находится в Назрановской крепости, благодаря жене начальника крепости (фамилии ее не помню). Они оказались хорошими людьми. В Назрановской крепости вместе с Гиго Дзасоховым сидели Кесаев Георгий, Чермен Баев, Бритаев Елбаздуко, Коченов Федка и другие.

Что он был подпольным работником, я узнала в 1903–1904 гг. Однажды Бритаев Е. привез из города прокламации в Алагир, передал Гиго. Напали на след Бритаева, и он скрылся в Куртатинском ущелье, через Алагирское ущелье, а Гиго уехал на Кубань. Я тогда многого не понимала. Я помню, как моя мать всю ночь сжигала прокламации в русской печи, только чтобы не попали в руки полиции.

Гиго Дзасохов тяжело заболел в Назрановской крепости, и его перевели в Пятигорскую тюрьму. Здесь он сидел с доктором Горбуновым, Кобылиным, Таубе, Коченовым и др. Семья Цаликовых (Анна) оказывала большую мораль-

ную и материальную помощь знакомым. В это время 19 марта 1906 года умер К. Хетагуров, эта потеря, это общее горе, особенно сблизило Цаликовых и Гиго. Гиго очень переживал смерть Коста, как земляка, как передового человека, как писателя.

Из Пятигорска Гиго выслали в Красный Яр. Тяжелые условия, знойный климат свалили быстро больного человека. Колония ссыльных начала хлопотать перед департаментом полиции и перед высочайшим именем, чтобы разрешили выехать. В заявлении они писали: „Кому опасен умирающий человек“. Поехали в Алупку, пожили, но работу найти было невозможно, и переехали в Ялту, но перед ним закрывались двери, когда узнавали, что он политический, неблагонадежный. Обратился в частную гимназию за работой, было отказано в работе, но директор гимназии Татаранцева оказывала все время помощь политическим.

Гиго был больной, и она оказывала нам большую помощь. Я говорила, когда и чем я могу отблагодарить ее, она мне ответила: „Когда вы будете в моем положении, а кто-то в вашем, вы также поступайте“.

Этот завет, эти золотые слова руководили мной в моей жизни...

Пожили в Ялте месяца два, и вдруг забрали Гиго, выслали из Крыма. Долго он скитался безработный, больной. Он обратился в Харьковский учебный округ к Соколовскому (он был настроен либерально), назначили его в Азовскую гимназию, где он проработал 1907–1910 гг.

За это время он, несмотря на болезнь, написал две брошюры о Чехове и Горьком. За это время он собирал материал для биографии К. Хетагурова, чтобы поставить ему памятник. С 1906 по 1909 гг. он собрал материал и издал,... но плохо распространялась книга. В 1909 г. школьный врач

Капитанки Фаина Антоновна повезла его на операцию к знаменитому хирургу Зильберману в Кисловодск. Она его везла, как своего мужа, под чужой фамилией, так как он не имел права ездить на Кавказ.

Прощаясь со мной, он просил, чтоб цель его была достигнута – памятник К. Хетагурову.

В 1910 г. он был назначен в Ростовскую гимназию. Дав один урок, где учился сын градоначальника Думбадзе, который в восторге рассказывал о данном уроке, узнав, что он политически неблагонадежен, Думбадзе его выслал за пределы Ростовской области.

Харьковский учебный округ: Соколовский назначил его в Тамбовскую губернию, а потом в 1911 году его назначили в Харьковскую гимназию, где он проработал до 1917 года. В Харькове он работал, помимо гимназии, в воскресных школах. Он дважды перенес тяжелые операции. В 1917 году, пользуясь возможностью поехать на Кавказ, поехали в Кисловодск, но обратно вернуться не могли из-за отсутствия транспорта, и пришлось ехать к родным в сел. К. Хетагурово. Здесь он работал в начальной школе, в сел. совете; большую работу вел в большевистских съездах, как делегат, и писал в местных газетах.

В 1917–1918 гг. были частые набеги белых, которые усиленно разыскивали Гигу, но он скрывался в лесу. Они искали членов семьи, которые тоже скрывались. И в каждый приход они забирали все, что находили, и так обнищали дом.

В октябре 1918 года пришли белые, и из Баталпашинска была телеграмма „Доставить Г. Дзасохова, а если умер, доставить труп“. Он тяжело заболел и не мог уйти скрыться, и его забрали, увезли в Баталпашинскую тюрьму. Поехали представители села и учащиеся. Это было ужасное зрелище, когда на коленях стояли старики и учащиеся перед

полковником Косякиным, которого умоляли не лишать Гигу жизни. Меня допрашивали два дня.

На второй день нас собрали, и вышел полковник со свитой и показал нам приговор-расстрел, но жизнь его они дарят учащимся. К нам вывели измученного пытками итак больного человека. В тот же день 16. 10. он умер»¹⁷⁹.

Педагогические взгляды Гигу Дзасохова, нашедшие отражение в его трудах, и сегодня привлекают внимание своей оригинальностью и демократичностью.

Помимо проблем нравственного воспитания подрастающего поколения осетинские педагоги особое значение придавали физическому и трудовому воспитанию, связи обучения с производительным трудом, привития учащимся навыков ремесленно-столярного и слесарного дела, садоводства и огородничества. В связи с этим, сами учителя должны были пройти соответствующую подготовку. Так, воспитанник Александровского учительского института в г. Тифлисе Филипп (Сосламбек) Ильич (Алиевич) Такоев прошел курс пчеловодства при Кавказской Шелководственной Станции в 1896 году, по окончании которого ему было выдано свидетельство № 2224, которое гласило: «Дано сие воспитаннику Александровского учительского института Филиппу Ильяеву Такоеву в том, что он принимал непосредственное участие решительно во всех текущих практических занятиях на пчельнике Кавказской Шелководственной станции с 18-го мая по 26-ое июня 1896 года, прошел с полным усердием все имевшиеся занятия при чем оказал прекрасная способности и вполне осмысленное понимание проходимых работ. Кроме практических занятий Филипп Ильяев Такоев участвовал во всех беседах, касающихся пчеловождения, а с 17 июня по 25 июля 1896 года, прослушал все лекции, какие читались для курсистов станции, участвовал во всех экскурсиях,

устраиваемых для практикантов, что и свидетельствуем в полной уверенности, что Такоев всегда оправдывает возложенные на него обязанности и за пределами вверенной мне отрасли сельского хозяйства»¹⁸⁰. По окончании курса наук в Тифлисском учительском институте, со званием учителя городского училища Ф. И. Такоев вступил в службу сверхштатным учителем в сентябре 1897 года. Несколько позже он был перемещен на должность учителя в Екатеринодарское городское шестиклассное училище, а после этого служба учителя Такоева проходила в Осетии. Филипп Ильич, был уважаем земляками. Согласно Общественному приговору с. Христианского 3-го участка Владикавказского округа Терской области в ответ на его просьбу об увольнении для поступления куда-либо на коронную службу, жители села пришли к заключению, что «Такоев при отличных нравственных качествах заслуживает поощрения и единогласно постановили: уволить Филиппа Ильича Такоева из среди себя и выдать ему настоящий приговор...»¹⁸¹.

Труд учителя всегда нелегок. Во второй половине XIX – начале XX вв. учителя Осетии были вынуждены работать в мало приспособленных для образовательного процесса школьных зданиях, которые, в большинстве случаев, были крайне непригодными – тесными, плохо освещенными, холодными; дорога к ним, в особенности в высокогорье, была весьма небезопасной. Ученики часто пропускали занятия по причине болезни. Оплата учительского труда была весьма незначительной. Часто учителя работали либо бесплатно, либо долгое время ожидая и без того маленькое жалованье. Многие же из них и вовсе отказывались от последнего, так как ими двигали бескорыстные благородные мотивы, связанные с обучением как можно большего количества детей грамоте.

Особенное восхищение вызывает педагогическая дея-

тельность осетинских учительниц. Как известно, в исследуемый нами исторический период имело место частое перемещение учительского состава по всей территории Осетии. Назначения на должности производились, как правило, вне зависимости от пожеланий самих учителей. Так, например, сохранилось большое количество различных прошений представителей осетинского учительства о разрешении работать в более доступных для них школах. Приведем одно из них – прошение учительницы Садонской церковно-приходской школы Марии Кануковой, адресованное в Ардонское отделение Владикавказского Епархиального Училищного Совета и датированное 22 февраля 1905 года: «Названным отделением вопреки моему желанию я переведена из Христиановского селения в селение Садон 25 апреля 1904 года, хотя с моей стороны не было никакого повода к переводу в столь отдаленное место в горский приход. Положение мое в Садоне как семейного человека очень критическое: квартира крайне неудобна, да при том дороговщина съестных припасов: эти обстоятельства побуждают покорнейше просить Ардонское отделение увеличить мне содержание по крайней мере, до трехсот рублей, так как 240 рублей мне не хватает на прожитие. Лично свою просьбу я изъяснила члену Ардонского Отделения протоиерею отцу К. Такоеву.

Надеюсь, что Ардонское отделение выручит меня из этого критического положения»¹⁸². Однако просительнице, как и во многих других подобных случаях, было отказано.

Здесь следует отметить особую заслугу осетинских женщин, ставших на этот профессиональный путь и вынужденных работать в крайне сложных условиях. Вот что сохранили воспоминания о деятельности одной из них, Анны (Ханифы) Гуриевой, супруги учителя Гагудза Гуриева: «Первый выпуск учительниц Осетинского женского

приюта состоялся в 1871 году. В числе окончивших были первые лучшие учителя и воспитатели молодого поколения: Сали Баракова (Хадзарагова), Гыга Касаева (Доева), Дзго Газданова (Кулаева) и Госада Хатагова (Плющ), которые всю жизнь посвятили делу народного образования в Осетии. Это были не только учителя и воспитатели детей в школе, они прививали культуру и взрослому населению села. За советами к ним ходили и малые, и старые. Мне хочется поделиться воспоминаниями об одной из этих лучших женщин-учительниц того времени – Госада Хатаговой. Это была не только учительница, воспитательница, но и любящая мать для всех малышей. Прием в школу был тогда ограничен, но Госада принимала вопреки положению, всех желающих, рассаживала детишек на полу вдоль стен, и они, на корточках, держа грифельные доски на коленках списывали с классной доски буквы, слоги и слова. Никаких наказаний для детей Госада не применяла кроме ласковых слов. Учила их петь на русском языке песенки. Весной Госада обучала детишек в школьном саду на свежем воздухе и знакомила их с природой и ее явлениями. Благодаря лексическим урокам и наглядным пособиям дети сравнительно быстро усваивали русский язык. Дети очень любили свою учительницу и во всем ее слушались. Хочется еще несколько слов сказать о Дзго Кулаевой, которая, кроме грамоты обучала девочек в женском приюте рукоделию и домоводству: девочки сами шили себе белье, одежду, вязали чулки, перчатки, умели приготовить обед и накрыть к обеду стол; по окончании школы из них выходили культурные хозяйки.

В Женском приюте, когда производился очередной прием, можно было увидеть учителей, бывших питомцев приюта, которые как собственных детей привозили из разных мест (с гор и плоскости) своих учеников и старались,

как могли, определить их в школу; так, например, Сали Хадзарагова привозила больше десяти учениц.

Авторитет Женского приюта был настолько велик, что каждый отец и мать старались поместить туда своих дочерей. Это была первая школа-рассадница знаний и культуры среди женщин в Осетии. Не даром Великий осетинский поэт Коста Хетагуров столько заботы приложил к тому, чтобы приют не был закрыт. Благодаря стараниям Коста осетинская женщина снова имела возможность получать образование и воспитание в этой школе»¹⁸³.

Яркую личность педагога проявила и учительница Серафима Газданова, вошедшая в историю образования Осетии.

Серафима (Гыгыт) Борисовна (Батакоевна) Газданова родилась в 1884 году. Образование получила на историческом факультете Киевских высших женских курсов. Она была настоящей труженицей, преданной своему любимому делу – преподаванию, и входила в число основателей Осетинского историко-филологического общества и Осетинского учительского союза, была одним из организаторов и руководителей системы народного образования в Осетии¹⁸⁴.

Прогрессивная педагогическая осетинская интеллигенция, выступая продолжательницей идей интеллигенции российской, живо откликалась на происходящие в то время в общественно-политической жизни страны события, заинтересованно обсуждала проблемы народного просвещения, активно искала пути их решения.

Подтверждением этому служит проведение в июне 1888 года первого учительского съезда в с. Алагир. Все учителя школ Северной Осетии в числе 20 человек (в том числе две учительницы), 4 июня съехались в сел. Салугардан, 5 и 6 июня они отслужили молебствия. Затем от-

крылись официальные занятия съезда, на которых присутствовали посетители из сел. Салугардан и Алагир. 6–10 июня учителя давали показательные уроки с применением дидактических и методических правил. Дневные занятия съезда закончились разбором данных учителями уроков. В последний день съезда 10 июня инспектор прочитал учителям наставление о некоторых приемах преподавания. На этом съезде было принято решение созывать аналогичные форумы учителей, по крайней мере, раз в 2–3 года¹⁸⁵.

Проведение первого съезда учителей Осетии стало ярким свидетельством того, что в среде молодой осетинской интеллигенции начала формироваться педагогическая интеллигенция, крайне неравнодушная к судьбе родного народа, его проблемам и чаяниям, твердо стоящая на принципах гуманизма и патриотизма, видящая его равноправным членом модернизирующегося российского общества.

§ 4. Медицинская деятельность

Глобальным прорывом в жизни осетинского общества стало возникновение в его среде первых профессиональных медиков. Трудно переоценить ту пользу, которую принесли они своему народу. История сохранила имена наиболее выдающихся из них, особенно полюбившихся в Осетии.

Талантливым специалистом в области медицины был уроженец с. Брут Эльбыздыко Гусириевич Туганов (1870 г. р.), в 1894 году окончивший Ставропольскую гимназию. Частым гостем в доме его отца был Киевский архи-

ерей, и потому, когда Эльбиздыко подрос, его отправили учиться в гимназию в Киев.

Гусири Туганов, отец юного Эльбыздыко, лелеял мечту увидеть своего сына офицером. Сам же юноша ставил перед собой другую цель в жизни – стать врачом. Даже после того, как отец, узнав, что сын поступил в Киевский медицинский институт, в гневе лишил его содержания, Эльбыздыко Туганов продолжил обучение, подрабатывая где только было можно: давал уроки, занимался физическим трудом. Лишь на третьем курсе ректорат и профессура узнали, как тяжело живет одному из лучших и прилежных студентов. Тогда из Киева в далекое осетинское селение полетело письмо с рассказом о том, как отлично учится юноша. Это подействовало на Гусири Туганова, и он вновь стал помогать своему сыну¹⁸⁶.

В 1889 г. Э.Г. Туганов с отличием окончил институт и был направлен на стажировку в Германию, где показал себя незаурядным специалистом. Немецкие коллеги, разглядев в Э. Туганове талантливого медика, предложили ему постоянную работу в клинике. Туганов не принял предложение, т. к. стремился вернуться на родину. Тогда немцы подарили ему новейшее медицинское оборудование для врачебного кабинета и даже рентгеновский аппарат, и Эльбыздыко возвратился в Россию.

Здесь он был направлен в Екатеринославскую, а затем в Саликамскую больницу. Русско-японская война прервала врачебную деятельность Э.Г. Туганова, и в составе воинских частей он выехал на фронт. По окончании войны на Востоке Туганов вновь возвращается в больницу, где продолжает прерванную войной работу по оказанию медицинской помощи населению Саликамского района¹⁸⁷. В 1910 году Эльбыздыко Гусириевич выезжает на родину, где 14 августа открывает частную лечебницу на 12 коек.

Но разразившаяся I Империалистическая война призвала врача Э. Туганова в ряды русской армии для оказания медицинской помощи раненым ¹⁸⁸.

Поселившись во Владикавказе, Э.Г. Туганов построил дом в Александровском переулке, в котором и открыл лечебницу на 18 коек – женское и мужское отделения. Он виртуозно оперировал и запомнился современникам как специалист широкого профиля.

Доктор Туганов похоронен на Осетинском кладбище. Над могилой стоит красивый памятник – знак благодарности от людей, многие из которых были обязаны ему жизнью ¹⁸⁹.

Известным врачом в дореволюционной Осетии был и Элкан Таусултанович Шанаев (1870-1950). По окончании курса наук в Императорской военно-медицинской академии в ноябре 1900 года он был признан «лекарем с отличием». Во время обучения в Академии Э. Шанаеву выплачивалась стипендия военного ведомства, обязывающая его прослужить четыре года девять месяцев и в декабре того же года Высочайшим приказом по военному ведомству о чинах гражданских за № 55 он был определен младшим врачом в 43-й драгунский Тверской полк, а позднее Владикавказским Окружным по воинской повинности присутствием зачислен в ратники ополчения 2-го разряда и.д. старшего врача.

Вследствие предписания окружного военно-медицинского инспектора от 19 февраля 1902 года за № 2224 и Начальника Кавказской кавалерийской дивизии от 15 февраля за № 643 Э. Шанаев был командирован в Казах для заведывания санитарной пехотной частью расположенных рот пехотного резервного Ардаганского полка. Служба Э.Т. Шанаева, как и многих его коллег, была насыщена различными служебными командировками. В сентябре

1903 года, Высочайшим приказом о гражданских чинах Элкан Шанаев был утвержден в чине Титулярного советника с производством за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством.

12 октября 1905 года, согласно Приказу по I-ой Манчжурской армии, за отлично-усердную службу в войну с Японией Э.Т. Шанаева наградили орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами для нехристиан.

По распоряжению кавказского окружного военно-медицинского инспектора в июле 1905 года Элкан Таусультанович был откомандирован обратно в 43-й драгунский Тверской полк на должность врача.

14 октября 1906 года Э. Шанаева командируют во Владикавказский военный госпиталь для несения службы, а 16 декабря 1906 года он уже отправляется в распоряжение начальника Веденского гарнизона, откуда возвратился в апреле 1907 года. А 29 марта того же года распоряжением Главного Военного Медицинского управления Э.Т. Шанаев был назначен младшим ординатором Владикавказского военного госпиталя.

Высочайшим приказом от 25 ноября 1907 года Э.Т. Шанаеву был пожалован орден за боевые отличия Св. Анны 3-й степени с мечами. 27 января 1908 года последовало его произведение, за выслугой лет, в надворные советники со старшинством.

Далее Э.Т. Шанаев побывал в служебных командировках при 25-ом Ахульгинском резервном батальоне, Горячеводской лечебно-санаторной станции, 82-ом пехотном Дагестанском полку.

Служба Элкана Таусультановича Шанаева окончилась в 1909 году согласно его прошению об отставке. В 1920 году Элкан уже окончательно поселился во Владикавказе, где стал работать врачом в центральной поликлинике № 1 на

пр. Мира. Пациенты запомнили его как внимательного, заботливого врача, не знавшего усталости и всегда готового прийти на помощь нуждающемуся.

Известным осетинским врачом был и Андукapar Хетагуров, окончивший Военно-медицинскую академию в 1878 году и являвшийся крупным специалистом в области инфекционных заболеваний, начавший свою профессиональную деятельность в должности внештатного врача в Боткинской больнице в 1894 году. Впоследствии, с приобретением более обширных знаний и накоплением опыта, он работал ассистентом, младшим ординатором, заведующим отделением.

До революции 1917 года Андукapar Леванович активно занимался частной практикой и, быстро завоевав популярность, имел именитых пациентов, один из которых (член государственного Совета Мансуров) помог его близкому родственнику Коста Хетагурову при перемене места ссылки из Курской губернии в Херсон.

В период работы в больнице им. С.П. Боткина (Санкт-Петербург) А.Л. Хетагуров успешно выполнил оригинальное исследование «Об изменении морфологического состава крови при брюшном возвратном тифе»¹⁹⁰.

Одним из ярчайших представителей первого поколения медицинской интеллигенции Осетии является уроженец Владикавказского аула, хирург Лаврентий (Дзыбын) Борисович Газданов, которому принадлежит видная роль в деле развития медицины и системы здравоохранения не только Осетии, но и всей Терской области. Более того, доктор Газданов был известен далеко за ее пределами и пользовался заслуженной репутацией опытного специалиста в различных областях медицины.

Лаврентий (он же Крым-Солтан, Дзыбын) Борисович (Батакоевич) Газданов родился в 1873 году в селении Оль-

гинском. Наблюдая стремление сына к учебе, осознавая всю пользу и необходимость образования, Батако Газданов создал необходимые условия для обучения своих детей. Так, с отцовского благословения, Лаврентий стал посещать сельскую церковно-приходскую школу, курс которой окончил в 1866 году. Семья поддержала его желание продолжить учебу: брат отца, Саге Газданов, оказал материальную помощь при получении им среднего образования во Владикавказской мужской классической гимназии, которую Лаврентий Борисович окончил в возрасте 19 лет весной 1892 г. В августе того же года он поступил на медицинский факультет Киевского Университета (носившего тогда название Университета Св. Владимира) и успешно его окончил в октябре 1897 г. со степенью лекаря¹⁹¹.

Годом позже он был направлен земским врачом Елизаветградского уезда Херсонской области и заведующим земской больницей в городе Вознесенске, а спустя четыре года, в целях повышения квалификации, Л. Газданов был командирован в Петербург.

В начале 1902 года постановлением Владикавказской Городской Думы во Владикавказе была открыта городская больница. Вскоре возник вопрос об организации хирургического отделения. По итогам конкурса, проведенного в феврале 1903 года, врачом-хирургом больницы был утвержден Л. Б. Газданов¹⁹².

Лаврентий Борисович Газданов проявлял серьезную работу и обеспокоенность состоянием здоровья своих соотечественников, повышением уровня их культуры и знаний в области медицины. В 1907 году он возглавил Медицинское общество и вместе с другими его членами читал лекции, организовывал профилактическую работу в массах, а в 1910 году вошел в состав организационного комитета первого съезда врачей Терской области во Владикавказе.

Он очень ответственно подошел к этому выдающемуся событию, подготовив солидное выступление, в котором затронул проблемы медицинского обслуживания Терской области. Одним из важнейших шагов на пути приближения к населению медицинской помощи он считал открытие больниц, рассеянных в разных крупных населенных пунктах области. «Пока разовьется участковая медицина до степени специальной помощи, – заявлял доктор Газданов, – существование областной больницы для сложных и тяжелых больных крайне целесообразно»¹⁹³. Во время эпидемии холеры в Терской области, в июне 1910 года, была создана областная санитарно-исполнительная комиссия. Л. Б. Газданов, став одним из ее членов, принял деятельное участие в ликвидации эпидемии холеры. Основная его задача состояла в изоляции и лечении больных, проведении профилактических мероприятий и санитарно-просветительской работы среди населения ¹⁹⁴.

В 1911 году благодаря активному содействию Л. Б. Газданова во Владикавказе был построен новый хирургический корпус с образцовой операционной.

Лаврентий (Дзыбын) Газданов вошел в народную память как человек широкого кругозора, радеющий за национальный мир, равенство, взаимное уважение и доверие в обществе.

§ 5. Творческая деятельность

Период второй половины XIX – начала XX вв. в Осетии ознаменовался подъемом образовательного и культурного уровня. Поворот традиционного осетинского общества к просвещению, специализация отдельных сфер культур-

ной деятельности, появление профессиональной литературы и искусства происходили на фоне национальной консолидации и неизбежного осознания национальных интересов. Переход в государственное состояние, хозяйственный подъем, развитие системы образования способствовали зарождению многочисленной осетинской интеллигенции, объединившей в своих рядах выходцев из разных социальных слоев¹⁹⁵, формированию таких направлений в ее деятельности, как военное, духовное, педагогическое, творческое, медицинское и научное. Многие интеллигентные осетины посвятили себя государственной службе, став высококвалифицированными и востребованными специалистами.

Огромный интерес в среде молодой осетинской интеллигенции представляло театральное искусство. Элементы театральности были широко распространены в быту осетинского народа. Праздничные игры, воспроизводившие отдельные исторические эпизоды и предания, свадебные, погребальные и другие обряды всегда заключали в себе художественный, театральный элемент. Особенно интересно в этом смысле новогоднее праздничное зрелище, когда определенная группа действующих лиц – «арсита» (артисты) исполняла импровизированные злободневные сценки сатирического, обличительного характера, зло и остроумно высмеивавшие уродливые явления окружающей действительности. «Арсита» выступали и прямо на улице, и в частных домах. Пользуясь большой популярностью в народе, они устраивали свои «гастроли» и в соседних селениях. В этих группах участвовали только мужчины, исполнявшие и женские роли. Женщинам не позволялось не только играть, но и присутствовать на их представлениях. «Арсита» использовали примитивные парики, костюмы, грим, маски¹⁹⁶.

Первые попытки создания драматических произведений на осетинском языке стали появляться в начале XX века.

В 1901 году полковником К. Есиевым была переведена на осетинский язык драма великого русского драматурга А.Н. Островского «Гроза», которая попала на осетинскую сценку спустя 8 лет. Эта была первая пьеса, появившаяся на осетинском языке.

Первым осетинским профессиональным поэтом является Темирболат Османович Мамсуров (1843-1899). Образование он получил в Павловском кадетском корпусе, откуда в 1860 году, в возрасте 17-ти лет, был выпущен корнетом в Чугуевский уланский полк, где прослужил 5 лет. В 1865 году под давлением генерал-майора Муссы Кундухова, родного брата его матери, Т. Мамсуров вместе с братьями переселился в Турцию. Там он стал управляющим имением своего дяди в Батманташе, расположенного к югу от города Токкат в Сивасском вилайете, Анатолийской Мало-Азиатской Турции. Не потерять связь с родной землей Темирболату помогала игра на осетинской лире, с которой он уже не расставался до конца своей жизни.

Смена места жительства стала личной трагедией молодого осетинского парня. С болью в сердце переживал он страдания земляков, также как и он поддавшихся идее переселения, так и не сумев поменять «свое осетинское сердце на турецкое». Душевные переживания отразились на творчестве поэта, основной мотив в котором – глубокая тоска по навсегда потерянной родине: «Ты – сладость жизни!», «Ты – радость сердца!», «Мы счастливы тобой!», «Ты – сердце наших сердец!», «Ты хранишься в наших сердцах!», «Свою душу и творчество свое посвящаю дорогой родине нашей». Рукопись его стихотворений имела общее название «Ирон зарджытæ» – «Осетинские песни».

Стихотворения Т. Мамсурова – «Сагъæстæ» («Думы»), «Дыууæ 'мбалы» («Два друга»), «Ме 'мгармæ» («Ровеснику»), «Чъынды лæг» («Скупец»), «Амонд» («Счастье»), «Хæрæг» («Осел»), «Рынчын æмæ рынчынфæрсæг» («Больной и навестивший больного»), «Авдæны зард» («Колыбельная песня»), «Кæмæдæр» («К незнакомцу»), «Сабыр» («Спокойствие»), «О мæ хуыцау» («О мой бог») – условно можно разделить на два цикла (картины переселения и жизнь горцев в новых общественных условиях), объединяет которые идея всепобеждающей любви к родине. Стихи первого цикла – это скорее причитания, пронизанные любовью к родине и свободе. Во втором цикле преобладают сатирические мотивы, направленные на высмеивание тлетворного влияния турецкого общества на переселенцев-мухаджиров. Горцы с их простым бытом и полупатриархальными обычаями, оказавшись в иных социально-экономических условиях, часто теряли почву под ногами. Среди них произошел глубокий социальный раскол¹⁹⁷. Так, поэт высмеивает тех, кто выслуживается перед сильными турками, отворачивается от своих, склоняет голову перед ишаком, если он нагружен золотом («К моему другу», «Больной»). Смешным и в то же время жалким выглядит богач, для которого его состояние стало божеством: дети его только и ждут смерти отца, чтобы завладеть ключами от богатства («Скупой»). С душевной болью рассказывает Темирболат о праздной и бесцельной жизни нового поколения, выросшего в чужой стране под влиянием чуждых нравов: оно утратило благородные черты своего народа, заводит гаремы, проматывает трудомжитое отцовское достояние («Больной»).

В стихотворении «Два товарища», написанном в форме диалога между старшим и младшим, старший рассказывает горькую историю переселения, нечеловеческие трудности в пути. Прощаясь с родиной, «каждый с кровавыми

слезами на глазах обнимал землю...». Путь переселенцев был опасен: «Корабль поднялся, отправился. Негде было сидеть, стоять. Кто под нами умирал, кто падал в море. Мать не находила ребенка... Высадили нас на (турецкий) берег... Тяжело и вспоминать то, что мы тогда испытали. Тысячами хоронили мы умирающих в песке без савана... есть было нечего, жили мы травой... дети умирали от голода, бросали мы их на дороге, отдавали туркам...».

Знаменитое стихотворение «Думы» представляет собой скорбную песню-плач поэта, оторванного от родных гор:

О, наши горы, родина наша,
Как нам жить без вас!...

Восемь раз повторяется этот рефрен в песне. Стихотворение превратилось в народную популярную песню, имело варианты. Поэт выражает готовность прийти на помощь в борьбе за свободу, пусть она только поможет вернуться им домой («Думы») ¹⁹⁸.

Поэт Темирболат Мамсуров – первый осетинский поэт не только по времени появления в рукописи и печати его произведений, но и потому что его «Сагъæстæ» было первым на осетинском языке стихотворением. Не отличаясь тщательной внешней отделкой, стихотворения Т. Мамсурова богаты содержанием и разнообразием вложенных в них идей. Лучшими, в этом отношении, являются стихотворения «Сагъæстæ», «Дыууæ æмбалы», «Авдæны зард», «Хæрæг» и «Амонд» ¹⁹⁹.

Зарождение национальной реалистической литературы, как известно, связано с именем ее основоположника, великого поэта осетинского народа Константина (Коста) Левановича Хетагурова.

Родился К.Л. Хетагуров 15 октября 1859 года в небольшом горном ауле Нар в семье прапорщика русской армии

Левана Елизбаровича Хетагурова и Марии Гавриловны Губаевой. Рано став вдовцом, Леван Хетагуров женился второй раз, когда Коста было около пяти лет. Свое обучение К. Хетагуров начал в Нарской начальной школе. В 1870 году Леван Хетагуров во главе безземельных и малоземельных осетин Нарского ущелья переселился в Кубанскую область, где принял активное участие в основании селения Георгиевско-Осетинское (Лаба)²⁰⁰. Коста был оставлен во Владикавказе и определен в пансион реального училища. Долго там он не пробыл: соскучившись по родным, он с одним из родственников сбежал из Владикавказа на Кубань. Его вновь пришлось устраивать. На этот раз в Калажинское горское училище б. Майкопского отдела, где он пробыл 1872–1873 учебный год. Уже в следующем году Коста отдадут в Ставропольскую гимназию. В продолжение ряда лет он пользовался здесь казенной стипендией, пока не остался на повторительный курс в пятом классе²⁰¹.

Одной из неоспоримых заслуг поэта является острая постановка перед всей осетинской общественностью вопроса «И что мы такое сейчас? И чем мы со временем будем?» Он искренне верил в то, что историческое прошлое народа позволит объяснить его настоящее и предвидеть его будущее как закономерное следствие всего пройденного исторического пути. По мнению К. Л. Хетагурова, связь времен служит объективной основой для провидения исторической перспективы народного бытия. Так поэмы «Фатима», «Перед судом», «Плачущая скала», этнографический очерк «Особа» были посвящены анализу и оценке противоречий недавнего прошлого осетинского народа. В своих произведениях автор сосредоточивает внимание на внутренних противоречиях горского бытия, на сословных, идеологических и нравственных конфликтах²⁰². Признавая всю сложность и тревожность грядущих перемен, Коста,

между тем, отчетливо понимал, что новые времена несут с собой просвещение, освобождение от предрассудков, народное единство.

В мае 1899 года в свет вышел сборник стихов «Ирон фандыр», в который вошли произведения на осетинском языке, посвященные родному народу как всесозидающей творческой, но страдающей и угнетаемой силе. Благодаря этому сборнику осетинская профессиональная поэзия получила всенародное признание и стала крупнейшим явлением в духовной жизни нации ²⁰³.

К.Л. Хетагуров прославился не только как замечательный поэт, но и как острый публицист, самообытный драматург, новеллист и художник. На протяжении всего своего творческого пути он раскрывал насущные проблемы народа – нищету, бесправие, произвол царской администрации по отношению к горцам, тяжелое положение в обществе женщины и др. Красной нитью сквозь его думы проходит безграничная любовь к родному краю и родному народу.

Вот что говорил о Коста Хетагурове его современник учитель Гиго Дзасохов: «...Лучшие стихотворения Коста, как „Додой“, „Солдат“ и другие и по сие время еще не напечатаны, но кому они из читающей публики не известны!.. Да, если когда-либо суждено будет развиваться осетинской литературе, то стихотворения Коста в ней займут самое почтенное место.

Таково, так сказать, литературное значение Коста. Но покойный поэт был известен всей Осетии еще задолго до своей литературной деятельности. Народ давно обратил внимание на эту выдающуюся личность, рисуя его себе „печальником родной земли“. В силу этого своего качества, нам кажется, и поставлен Коста на такой пьедестал славы.

Это был, действительно, человек, который выше всего в мире ставил интересы родного края. При мысли о бед-

ственном состоянии родного народа, поэт-гражданин забывал личные невзгоды и интересы. Поэт теоретически стремился к тому, чтобы обнять любовью весь мир, все существующее, чувствовать себя вселенным гражданином, но это ему не удавалось в силу той великой привязанности, какую он ощущал по отношению к родному народу:

„Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот;
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно –
Тебя, родной аул и бедный наш народ!
За вас отдам я жизнь. Все помыслы и силы,
Всего себя лишь вам я посвятить готов,
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!“

Так передает поэт-народник свое настроение в одном из своих стихотворений... Как гражданин, Коста примыкает к интеллигенции, в настоящем смысле этого слова. Только человек, поставивший целью своей жизни борьбу за всестороннее развитие личности и форм общественной жизни, имеет право на название „интеллигента“, а таковым и был покойный осетинский поэт. Поэтому покойный Коста является родоначальником не только изящной родной литературы, но и родоначальником зарождающейся осетинской интеллигенции. В этом последнем мы полагаем главное значение личности Коста, который, благодаря этому своему достоинству, делается лицом историческим»²⁰⁴.

Большое значение имеет вклад К. Л. Хетагурова и в области сценического искусства. Он постоянно проявлял глубокий интерес к театру. Деятельность его в области театра многогранна: в качестве актера К. Хетагуров принимал участие в спектаклях любительских драматических кружков, выступал в концертных отделениях с чтением стихов, писал декорации²⁰⁵.

Свое первое драматическое произведение Коста написал в начале 90-х годов прошлого века. Это была пьеса на русском языке «Курсистка», впоследствии получившая название «Дуня». На русском языке была написана и другая его пьеса – «На лоне природы», которая осталась незаконченной. В своих произведениях Коста ярко выражал свои взгляды на различные социально-культурные вопросы. Так, в «Дуне» затрагивалась тема положения осетинской женщины в семье и обществе. Для героини пьесы, Дуни, очень важно быть полезной обществу, приносить ему посильную помощь; большое значение придается ею знаниям и честному труду. Всей душой Дуня тянется к просвещению, одновременно протестуя против бесправной роли женщины в обществе. Впервые пьеса Коста «Дуня» была поставлена 25 февраля 1901 года на русском языке в Пятигорске в пользу «Общества распространения грамотности среди горцев». В 1902 году «Дуня» была издана отдельной книгой, а несколько позднее переведена на осетинский язык ²⁰⁶.

Коста Хетагуров был первым осетинским драматургом, подготовившим «почву» своим последователям – Елбыздыко Бритаеву, Алихану Токаеву, Розе Кочисовой, Давиду Короеву, Блашка Гуржибекову и другим.

Профессор В.Ф. Миллер в своей переписке с Г. Баявым отмечал: «Вчера я вернулся из Италии, застал у себя на столе Ваше письмо с печальным известием о кончине симпатичного и талантливого осетинского поэта-самоходка Косты Хетагурова. Даже при моем несовершенном знании вашего языка я вполне оценил в „Ирон фандыр“ теплоту чувства, художественность выражений и красоту стиха безвременно сошедшего в могилу поэта. Многие из стихотворений Коста должны стать общенародным достоянием, если еще не стали таковыми. Будем надеяться, что даровитый народ, столь энергично стремящийся к просве-

щению, к завоеванию приобретений общечеловеческой культуры даст из своей среды других Хетагуровых, которые, подобно Коста, будут вести его к свету и истине...В вашей немногочисленной семье всякая утрата отзывается особенно болезненно.

Вполне сочувствую вашей мысли издать в память Хетагурова особый сборник и познакомить нас с его биографией, признавая высокую нравственную пользу жизнеописаний лиц, боровшихся за человеческие права и народную правду...»²⁰⁷.

Коста Леванович Хетагуров положил начало новой, индивидуально-профессиональной традиции художественного творчества, создал высокие образцы осетинского литературного языка, поднял национальное самосознание осетинского народа на качественно новую ступень – от простого ощущения этнической общности до ясного понимания единства национальной и социально-исторической судьбы²⁰⁸.

У истоков осетинского национального театра стоял талантливый драматург Елбыздыко Цопанович Бритаев (1881-1923). В 1903 году Е.Ц. Бритаев стал учащимся реального училища во Владикавказе, окончив которое занял должность учителя сельской школы. За участие в революции 1905–1907 гг. он был арестован и заключен в Назрановскую крепость сроком на один год, затем до 1910 года находился в административной ссылке за пределами Терской области.

В 1913 году Елбыздыко Цопанович поступил в Петербургский университет и по окончании юридического факультета приехал во Владикавказ, где впоследствии увлекся драматургией.

В своих пьесах Е. Бритаев затрагивал беспокоящие его, как истинного интеллигента и патриота, вопросы значения

развития национального театра, его влияния на культуру народа, эстетические и профессиональные требования. На встречах с самодеятельными артистами Бритаев не упускал возможности рассказать, какое значение он придает театру: «Нам нужна культура. Нам нужно поднимать народ к свету, к борьбе за свободу. Подумайте, какая великая цель».

Первый профессиональный актер Осетии, Борис (Беса) Тотров, вспоминал о встречах с Е. Бритаевым как о самом ярком впечатлении своей артистической молодости. «Его речи о культуре осетинского народа, о благородных задачах литературы и театра, помогли мне осмыслить свое влечение к искусству, понять значение первых спектаклей на родном языке»²⁰⁹.

Так в чем же состояла суть эстетических и театральных требований Е. Бритаева? В своей одноактной пьесе «Маймули рухсаг, æгас цæуæд ирон театр» устами персонажа «Старца» он четко формулирует свои требования к будущему театру. Прежде всего, в каждой реплике, в каждом диалоге, в каждой ремарке пьесы звучит требование реалистического показа жизни людей²¹⁰.

Е. Бритаев заостряет внимание на главном – возникновении театра как свидетельстве пробуждения национального самосознания осетин. В тексте указанной пьесы говорится о том, что раньше народом руководили «святые старцы» и «всякие неземные силы». «А теперь, – говорит Старец, обращаясь к ряженому Маймули, – я состарился, моя работа не нужна, иди к народу ты, открывай ему глаза, указывай новую дорогу, новые мысли, заставляй делать новые дела». Когда же по сюжету Маймули превращается в юношу, Старец его напутствует: «Будь носителем счастья! Стань волшебным амулетом! Учи прекрасному! Иди и будь на страже! Иди и призывай! Иди и учи!»²¹¹.

Драматургическая позиция Е. Бритаева основывалась на том, что в театральных представлениях непременно должны быть смысл, цель, идейная направленность, а не только развлечение; что воздействие театра должно обладать силой, сдвигающей горы, быть прекрасным, содержащим огромную силу ума и души. Более того, Е. Бритаев был убежден, что будущий осетинский театр должен стремиться к воспитанию гражданственности, а актер должен уметь выражать субъективные переживания героев, индивидуализировать действующее лицо, владеть выразительным словом, т.к. именно оно является основой сценического действия.

Таким образом, в историю осетинской культуры Е. Бритаев вошел как основоположник осетинской драматургии и национального театра, автор ряда пьес, непревзойденных и по настоящее время и проложивших дорогу театральному профессионализму ²¹².

Верным почитателем таланта и идейной позиции Е. Ц. Бритаева был первый профессиональный актер Осетии Борис (Беса) Иванович Тотров – один из самых мужественных и настойчивых зачинателей сценических представлений на осетинском языке.

Уже в раннем возрасте Б. Тотров интересовался творчеством А. Пушкина, М. Лермонтова, К. Хетагурова. Первое знакомство с русским театром во Владикавказе произвело на него «протрясающее впечатление», а первыми книгами, попавшими ему в руки, были пьесы русских драматургов. В 1904 году Б. Тотров отправился на обучение в Москву, где получил профессиональное образование в театральном училище. Как позже отметил он в своих воспоминаниях, самое большое влияние на его актерское воспитание оказал Малый театр. «Я глубоко осознал тогда все величие русской культуры и гордился тем, что мне удалось приоб-

щаться к ней... С тех пор искусство актеров Малого театра всегда оставалось для меня образцом», – писал он ²¹³. В истории театральных представлений на осетинском языке знаменателен спектакль, состоявшийся в селении Ольгинском, организованный Б. Тотровым в 1904 году, когда в присутствии многочисленных зрителей, самого Е. Бритаева, были разыграны пьесы «Лучше смерть, чем позорная жизнь» и «Побывавший в России».

Известным драматургом, поэтом и публицистом Осетии был Токаев Алихан Инусович (1893-1920), родившийся в селении Даргавс, старший из одиннадцати детей в семье.

В 1907 году он окончил Даргавскую двухклассную церковно-приходскую школу и, не имея возможности продолжать учебу, стал помогать отцу в хозяйстве. С 1913 по 1916 год Алихан учился в Бакинском мореходном училище дальнего плавания. Там он сблизился с революционным студенчеством, посещал тайные собрания и стал активным пропагандистом. В это время он начал заниматься литературой, а заинтересовавшись живописью поступил в Петербургскую академию художеств, в которой проучился недолго в виду того, что стал все больше отдаваться революционной деятельности ²¹⁴. За революционную агитацию в Петербурге его стали преследовать. Тогда он вернулся в Северную Осетию, где учительствовал в родном селении и вел пропаганду среди горского населения.

Писать стихи А. Токаев начал в 1910–1911 гг., помещая их на страницах периодической печати. Основная проблематика его творчества – тяжелая жизнь народа, вера в его свободу, отрицание существующего строя, борьба против вредных обычаев старины.

Стихи Токаева отличаются разнообразием форм, богатством рифм, ритмичностью. Реалистическое изображение действительности придает поэзии Токаева социальную

остроту. Значительное место в творческом наследии Токаева занимает его драма в пяти актах «Белые вороны» – «Урс сынтытæ». Она стоит в ряду лучших произведений дореволюционной осетинской драматургии. Пьеса была написана в 1912 году и поставлена впервые на любительской сцене в Баку 25 февраля 1914 года. В ней играл ее двадцатилетний автор (в роли Кабил). В драме изображено осетинское селение дореволюционной поры, его быт, нравы, обычаи, социально-экономические противоречия. Писатель разоблачает жадность и скупость людей, показывает жестокие патриархальные обычаи, лишаящие женщину права на счастье, низводящие ее до положения рабыни, которую может продать собственный отец за большой калым ²¹⁵.

Алихан Инусович Токаев был и мастером поэтического перевода – он перевел на осетинский язык некоторые произведения Петефи, Брюсова, Бальмонта. За свою недолгую жизнь, им было написано немало, но не все его произведения были собраны и вышли в свет.

Значительная роль в формировании национальной драматургии осетин принадлежит первой женщине-драматургу Розе Кочисовой (1888-1910). На путь образования Роза вступила в восьмилетнем возрасте, поступив в 1896 году в Ольгинскую двухклассную женскую школу. Затем она три года обучалась в Осетинском женском приюте, после чего, в виду тяжелого материального положения ее семьи, была вынуждена переехать к брату в Ташкент, где поступила в третий класс женской гимназии. Вернувшись на родину в 1904 году, Роза Кочисова вступила в учительскую должность. Ее творческая деятельность началась еще в гимназии. Наиболее прославившееся произведение – двухактная комедия «Лгун», или «Наш пристав сошел с ума» (1905), впервые увидевшая свет в 1907 году и изданная в общей сложности три раза. Другое драматическое

произведение, принадлежащее перу Р. Кочисовой – трех-актная пьеса «Завет отца или моя любовь?» (1905) ставилась на сельской сцене еще при жизни автора ²¹⁶. Текст третьей пьесы «Земля – моя свидетельница, солнце – доказчик», к большому сожалению, не дошел до нас. Ее содержание сохранилось лишь в памяти игравших в ней и видевших ее на сцене (проф. Б. Алборов и др.) ²¹⁷.

Роза Кочисова интересовалась устным народным творчеством осетин, с большой любовью собирала она тексты молитв, причитания и другие. Также она публиковала статьи в газетах, в которых выступала против обычая выкупа за невесту ²¹⁸.

Писатель большого и разностороннего дарования, автор пьес, рассказов, стихотворений, басен, публицистических статей Короев Давид Григорьевич (1890-1924) родился в Южной Осетии в селении Эрман. В поисках лучшей жизни семья Д. Короева переселилась в Северную Осетию в селение Алагир, где в 1904 году он окончил Алагирскую начальную школу, в 1908 году – Владикавказское городское училище, а в 1909 году – бухгалтерские курсы в Тифлисе. После окончания этих курсов Давид Григорьевич возвратился во Владикавказ, где принимал активное участие в культурно-просветительской деятельности, был задействован в работе «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», издательского общества «Ир», осетинского историко-филологического общества, содействовал изданию учебников.

На литературном поприще Короев выступил в 1906–1907 гг., когда ему было 15–16 лет. Его творчество, заметно обогатившее осетинскую литературу, особенно драматургию, имело острый социальный характер.

Самой популярной и лучшей его пьесой является коме-

дия «Не я был, кошка была» («Æз нæ уыдтæн, гæды уыди»), написанная в 1910 году и изданная отдельной книгой в 1913 году, которая успешно ставилась в театрах Северной и Южной Осетии. Комедия замечательна новизной темы, реалистической ее разработкой, занимательностью ее изложения, сатирической остротой и сценичностью, подлинно народным, метким, образным языком. В ней разоблачается подлинное лицо царских чиновников самого низшего разряда – старшины села и писаря, драматург изобличает произвол царской администрации на Кавказе.

В пьесе «Знахарка» («Дæсны ус») Д. Коровев выступил против суеверия и невежества. Коварная гадалка Чабыхан, чьи намерения и действия не согласуются ни с какими нормами морали, всяческими способами обирает своих доверчивых клиентов из деревенской бедноты и доводит их до полного разорения. Гадалке в пьесе противопоставлен передовой на селе человек, учитель Бимболат, которому после долгой борьбы удалось разоблачить проделки гадалки и вывести ее на чистую воду.

Пьеса Коровева «Влюбленные» («Уарзæттæ») посвящена проблеме взаимоотношений между девушкой и юношей. В ней, ратуя за возвышенную любовь, за то, что где нет любви, там никогда не будет счастья, автор выступает против неустойчивых людей, которые не знают цены человеческого достоинства, попусту растрачивающих свои силы и энергию²¹⁹.

В целом, Д. Коровевым написано около ста стихотворений. Часть из них была опубликована в журналах «Æфсир» («Колос»), «Хуры тын» («Луч солнца»), «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), а также в газете «Ног цард» («Новая жизнь»). Жизнь Д. Коровева была короткой, но он оставил большое литературное наследие и занял видное место в истории осетинской литературы начала XX века.

Широкую известность еще в дореволюционной Осетии получил драматург Дмитрий (Касполат) Ипполитович Кусов (1889-1964). В 1909 году он окончил Владикавказское городское училище. Овладев в совершенстве русским языком, он начал писать стихотворения и драмы. В 1912 году его пьеса в стихах «Дети гор» была поставлена на сцене Владикавказского русского театра. Позднее пьеса шла с успехом и в Моздоке, Прохладном, Тифлисе.

В 1914 году Кусов написал драму в пяти действиях «Заурбек» и комедию «Неудачное похищение», которые ставились в Тифлисе осетинским драматическим кружком. Переехав в Тифлис, Кусов принимает активное участие в работе Тифлисского осетинского драмкружка²²⁰.

В период 1915–1917 гг. Кусов служил в армии, а возвратившись после демобилизации в Тифлис приступил к литературной работе, став впоследствии автором различных пьес, затрагивающих различные жизненно важные проблемы.

Гуржибеков Блашка (Власий) Иванович (1868-1905) – был рожден в станице Ново-Осетинской в семье офицера. Свое образование он начал в Павлодольской станичной школе, далее – в Ставропольской гимназии, окончить которую Гуржибекову не пришлось, так как 1 января 1886 года он был зачислен в первый Кизляро-Гребенской полк. 10 января 1889 года Б. Гуржибекову присвоен чин урядника, а через три дня он был освобожден от службы как сверхсрочный. 8 апреля 1891 года он вновь поступил в это полк, откуда был послан в Ставропольскую школу юнкеров. В 1898 году Блашка Иванович окончил школу и, получив чин подхорунжнего, начал служить в первом Сунженском полку. В 1904 году Гуржибеков уже в чине подъесаула ушел добровольцем на русско-японскую войну, где при штурме укрепленной позиции японцев 18 июня 1905 года

был убит. Тело поэта перевезли из Маньчжурии на родину и похоронили на кладбище станицы Ново-Осетинской.

Начало творческой деятельности Б. Гуржибекова пришлось на 90-е годы XIX века. В поэме «Очаровательная красавица», посвященной теме эмансипации женщины и борьбы добра со злом, поэт широко использовал традиции устного народного творчества с гиперболизацией образов, сочетания фантастики и реальных событий, поэтикой фольклора. Но автор в отличие от народного стиха использует определенный размер и рифму.

Комедия «Дурачок» («Æдылы») – самое значительное произведение Б. Гуржибекова. В ней рассказана история о том, как богатые родители женили своего глупого сына на единственной дочери-красавице бедных родителей.

В образе Хангуассы (главной героини) поэт воплотил свой идеал. Для этой эпохи и среды она является передовой девушкой, высоко ценит знание, учебу, выступает против суеверия, труд для нее не зазорен. О многообразии волнующих поэта социальных проблем говорят созданные им стихотворения, включенные в сборник «Дигорские произведения»: «Бедный жених», «Положение вдовы», «Манифест свободы», «Умиравший воин» и другие.

Гуржибеков считал своим учителем Коста Хетагурова, творчество которого он высоко ценил: его стихотворение «Коста» получило широкое распространение еще при жизни Коста Хетагурова ²²¹.

В творчестве Б. Гуржибекова широко используются народные пословицы, поговорки и афоризмы, что сближает его с традициями народного творчества и придает образам яркий характер.

Блашка Иванович оставил после себя басни, переводы с русского на осетинский язык, многие из которых, к сожалению, были утеряны.

В период второй половины XIX – начала XX вв. в среде формирующейся осетинской интеллигенции получила свое развитие литературная деятельность. В трансформирующемся осетинском обществе появилась целая плеяда молодых авторов.

Собственную нишу в общественной мысли и литературе Осетии занимает поэт, публицист, революционный демократ, один из соратников Коста Хетагурова, Цаголов Георгий Михайлович (1871-1939), выходец селения Христиановское Северной Осетии. В 1885 году он окончил Моздокское духовное училище и поступил в Ставропольскую духовную семинарию, окончить которую Г. Цаголову не удалось: уже через два года он был исключен за чтение запрещенной официальными властями литературы и вынужден был переехать во Владикавказ. Это были, в частности, «Капитал» К. Маркса, «Что делать?» Чернышевского, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и сочинения Помяловского²²². Однако исключение из семинарии не остановило Г. Цаголова на пути к знаниям. Много времени, сил и труда отдавал он самообразованию, что позволило ему стать высокограмотным и эрудированным человеком.

Трудовая деятельность Г.М. Цаголова была весьма разнообразной – хорошо знаком был ему труд псаломщика, чернорабочего, телеграфиста, сельского писаря, учителя. Наибольший же интерес вызвала в нем литературно-творческая деятельность. Его очень привлекала профессия журналиста, так как газету он считал тем самым местом, где можно было свободно высказываться против зла и социальной несправедливости. Мечта Георгия сбылась, и в 1887 году в газете «Северный Кавказ» вышла его первая статья. В 1889 году он публикует этнографические очерки во Владикавказской газете «Терские ведомости». В 90-е годы Г.М. Цаголов активно выступает с литературно-публи-

цистическими статьями почти во всех кавказских газетах, выходивших на русском языке. А на страницах периодической печати Г. Цаголовым были опубликованы очерки, рассказы, повести, незаконченный роман «В Болотинске»²²³. В романе автор подвергал критике негативные явления жизни Терской области, поэтому местная администрация запретила дальнейшие его публикации.

Летом 1899 года Г. М. Цаголов был арестован и приговорен к трехмесячному тюремному заключению. Причиной ареста послужила его статья, разоблачающая помощника начальника Владикавказского округа Н. Семенова. Однако этот арест несколько не остудил пыл борца за справедливость, и в 1907 году вышел сборник стихов Г. М. Цаголова «Осетинские мотивы», в котором изображена суровая жизнь осетинского крестьянства, в 1912 году – книга «Край беспросветной нужды», позже вышли в свет и другие его произведения²²⁴.

Крупнейшим просветителем пореформенной Осетии, стоящим у истоков ее художественной и публицистической мысли, был Инал Дударович Кануков (1850-1898), выходец из семьи тагаурского алдара. О себе он говорил: «Я родом осетинец, мусульманин. Фамилия наша, Кануковы, считалась и считается до сих пор одной из привилегированных и родовитых фамилий между осетинскими племенами». О своем отце он упоминал, что тот «...хоть и не служил в регулярных войсках, ...дошел до подпоручичьего чина, считаясь по армейской кавалерии и управляя аулом нашей же фамилии, Кануковским»²²⁵. В семилетнем возрасте Дудар Кануков определил сына в Ставропольскую губернскую гимназию и находившийся при ней интернат для детей почетных горцев. Спустя два года семья Кануковых, в числе прочих горцев, принимает решение переселиться в Турцию, однако, не пробыв там и двух недель,

испытав разочарование, возвратилась в родную Осетию. Ужасные картины переселения произвели неизгладимое впечатление на маленького Инала и впоследствии нашли выражение в таких его произведениях, как «Заметки горца», «Горцы-переселенцы», «От Александрополя до Эрзума». После возвращения мальчик продолжил обучение в гимназии, ставшей для него не только «школой русского языка, русской культуры в широком смысле, но и школой нравственного воспитания»²²⁶. Годы, проведенные там, стали для Инала Канукова периодом формирования его общественно-политических взглядов, созревания его демократического мировоззрения, расцвета его литературного таланта. В 1872 году И.Д. Кануков поступил в Московское 3-е Александровское военное училище, в котором кроме военных дисциплин велось преподавание русского, французского и немецкого языков, математики, химии, статистики и истории, поощрялось посещение библиотеки и литературное творчество.

В 1874 году Инал Кануков покинул стены училища и прибыл в статусе прапорщика в Кавказскую артиллерийскую бригаду – так началась его долгая армейская служба. На момент начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И. Кануков уже являлся офицером и принимал участие в военных действиях. В январе 1879 года приказом военного начальства И.Д. Канукова перевели на службу в Восточно-Сибирскую артиллерийскую бригаду. Последующие 18 лет он провел в Сибири и на Дальнем востоке: до 1884 года находился на военной службе, а выйдя в отставку, переехал во Владивосток, где около года проработал учителем, а потом секретарем Владивостокской городской управы, сотрудничал в местных печатных органах²²⁷.

В творческой биографии И.Д. Канукова исследователи отмечают два периода. К первому (длившемуся до 1879 г.)

относится период создания очерков об Осетии, в которых нашли отражение наиболее значительные события в жизни осетинского народа второй половины XIX века – очерки «В осетинском ауле», «Горцы-переселенцы», «Кровный стол», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», рассказы «Две смерти», «Воровство – месть», публицистические статьи. Второй период творчества И. Канукова протекал вдали от родины, в Сибири и на Дальнем Востоке, где он провел 18 лет, с 1879 по 1897 г. Здесь он под различными псевдонимами и криптонимами (более 14) написал около пятидесяти стихотворений, множество публицистических статей и рецензий, которые публиковал в дальневосточных газетах «Окраина» и «Владивосток», в Тифлисской газете «Кавказ», подписывая псевдонимами «И. Восточный», «Иронов» и др. Кануков посвящал свои произведения тяжелому положению русских крестьян, дома и посевы которых затопила река Уссури («В страдную пору»), бедным корейцам, которых «иноземец гнетет» («На бухте»), горькой судьбе осетина, потерявшего своего осла и сознающего, что бог ему не даст другого осла без двадцати рублей («Горе Алибека»). Также И. Д. Кануков осуждает войну, считая ее жестоким и бессмысленным актом («Кровь и слезы», «На батарее», «Апофеоз войны» и др., статья «Антиимпериализм»). Нередко прибегал он и к жанру сатиры (фельетоны «Из летописей города Ориенвилля», «Рефлексы тротуара» и др.)²²⁸.

Прожив вдали от родины более восемнадцати лет, будучи больным, писатель возвратился в Осетию, где он так и не стал счастливым – не осталось почти никого из его близких родственников. Поработав еще некоторое время на ниве публицистики, испытывая острую материальную нужду, Инал Дударович Кануков умер в январе 1898 года, навсегда оставшись в памяти родного, так горячо им люби-

мого, народа, став вечным примером служения благородным гуманистическим идеалам.

У истоков художественной прозы в Осетии стоял выдающийся осетинский писатель Арсен Коцоев (1872-1944), родившийся в семье гизельского крестьянина Бориса Коцоева. Осознавая всю ценность образования, отец отдал маленького Арсена в Гизельскую сельскую школу, после окончания которой он поступил в Ардонское духовное училище (в дальнейшем переименованное в семинарию), где начал писать свои первые стихотворения на русском и на осетинском языках. Обучение в училище было прервано по состоянию здоровья, однако А. Коцоев смог успешно сдать экстерном экзамен на звание сельского учителя, позволивший приступить к учительской деятельности.

А. Коцоев преподавал в школах горных аулов. С первых шагов своей деятельности он повел борьбу с произволом местных властей, суевериями, темнотой, – стал писать разоблачительные корреспонденции в газеты, и этого было достаточно, чтобы власти начали преследовать молодого учителя, уволили его, а затем арестовали.

После освобождения А. Коцоев уехал в Южную Осетию. Им были написаны рассказы, отображавшие тяжелую жизнь трудящихся осетин. В своих произведениях он бичевал царских чиновников и местных помещиков, выступал против феодально-родовых пережитков, суеверий и ратовал за просвещение народа.

После нескольких лет, проведенных в Петербурге (где он работал в архиве Государственного банка), А. Коцоев переехал в Тифлис и полностью отдался журнальной и литературной работе. Много его статей печаталось в газетах «Кавказ», «Новое обозрение», «Закавказье», «Тифлисский листок» и др.

Много сил отдавал Арсен Борисович развитию осетин-

ской культуры. В 1909–1910 годах он стал одним из организаторов осетинского культурно-просветительского общества в Тифлисе и редактором прогрессивного журнала «Афсир» («Колос»), издававшегося этим обществом. Журнал выступал с резко обличительными статьями, в которых клеймил взяточничество и корыстолюбие, осмеивал подхалимство чиновничества и паразитическую праздную жизнь. А. Коцоев был одним из самых активных сотрудников журнала, лучшим его фельетонистом и карикатуристом; он напечатал на его страницах много рассказов и других материалов.

В 1912 году А. Коцоев был корректором в ленинской «Правде». Он не только занимался редакционно-технической работой, но и печатался на страницах газеты²²⁹.

Арсен Коцоев был блестящим автором короткого рассказа. Его произведения отличаются простотой и гибкостью языка, лаконичностью и выразительностью, сочностью художественных красок, чувством неподдельного юмора и острой сатиры, что позволило писателю создать галерею ярких художественных типов²³⁰. Объектом критики и сатирического изображения писателя стали пороки общественной жизни, реакционные патриархальные обычаи (такие как кровная месть, калым, религиозное суеверие, знахарство и др.), священнослужители, царские чиновники. Так свои яркие негативные чувства к угнетавшему народ царизму он посвятил аллегорический рассказ «Баран и козел» («Цæукъæ æмæ фыркъæ»), к явлению кровной мести – рассказы «Злая насмешка» («Фидис») и «Пятнадцать лет» («Фынддæс азы»), к знахарству и невежеству – рассказ «Хин» («Колдовство»), «Черный туман» («Сау мигъ»), к калыму – рассказ «Бывает и так» («Афтæ дæр вæййы») и др.

Перу А. Б. Коцоева принадлежат также и переводы на

осетинский язык таких классических произведений русской литературы, как «Дубровского» Пушкина, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Дореволюционные произведения занимают лишь третью часть от общего объема творчества писателя. Полный его расцвет приходится на советский период. А. Коцоев принимал активное участие в издательской работе, в учреждениях народного просвещения, в органах периодической печати. Его произведения выходили отдельными сборниками (вышло 12 книг) ²³¹.

Одним из виднейших представителей осетинской дореволюционной интеллигенции, принадлежащей к ее учительскому крылу, был Амбалов Увар (Цоцко) Васильевич (1870-1937). По личным воспоминаниям его современника – Г.А. Дзагурова, Цоцко Амбалов «представлял из себя колоритную личность и пользовался большой популярностью не только среди интеллигенции, но и среди широких масс осетинского народа. Он был весьма привлекательной наружности, обладал статным стройным станом, всегда строго подтянутый, носил национальную форму, которой остался верен до конца своих дней. Цоцко имел правильные, красивые черты лица, а живые, крупные глаза его искрились умом и обладали завораживающей, привлекательной силой. Походка и движения живые, быстрые, наполненные огнем внутренней силы. На людях Цоцко держался просто, с большим достоинством; за столом (свадебным, к примеру, или другим по какому-нибудь семейному или общественному знаменательному случаю) он – непревзойденный певец осетинских народных песен, которые знал в большом количестве и увлеченно пел их приятным высоким голосом, обладаемым от природы, как и тонким музыкальным слухом; в танцах (лезгинка) по лег-

кости и плавности в движениях он не имел соперников, даже уже и в немолодые годы. В разговоре он был остроумен и находчив, чем особенно привлекал к себе людей. Там, где бывал Цоцко в окружении слушателей, всегда стоял смех, веселое оживление, песни – соревнования, из которых он всегда выходил победителем»²³². Далее в своих воспоминаниях Г. А. Дзагуров отмечал, что в пении осетинских народных песен у Цоцко был только один соперник – Горга Арсагов, что он внес большой вклад в дело изучения осетинского языка, собирания и записи памятников устного народного творчества, переводов художественной литературы.

Цоцко Амбалов, сын Ардонского жителя Василия Петровича Амбалова, родился 5 октября 1870 года. По окончании курса церковно-приходской школы поступил в октябре 1877 года в первый класс училища и при поведении очень хорошо показал успехи. Им был избран учительский труд. Так, в 1908 году он состоял учителем I отделения Ардонской двухклассной церковно-приходской школы²³³.

Цоцко Амбалов был известен и активным своим участием в подготовке к изданию «Осетинско-русско-немецкого словаря» Вс. Ф. Миллера²³⁴ и в его предварительном просмотре, исправлении и пополнении. Так, в прошении к Его Высокопреподобию о. Ректору Александровской Миссионерской Духовной Семинарии архимандриту Арсению о предоставлении ему места преподавателя осетинского языка, относительно своих познаний в осетинском языке, он сообщал следующее: «участвовал в редактировании почти всех изданий, вышедших за последнее время на этом языке; в настоящее же время сотрудничаю в редактировании научного словаря профессора Миллера на осетинском, немецком и русском языках; перевел не-

сколько произведений русских авторов, которые в скором времени появятся в печати. Воспитывался в бывшем Александровском Осетинском Духовном Училище, имею свидетельство на двухклассного учителя; слушал лекции в Парижской высшей школе общественных наук»²³⁵. В общей сложности, этому делу он отдал восемь лет своей жизни, так как придавал ему фундаментальное значение, воспринимая свое участие в издании «Словаря» как свой святой долг. Таким образом, выход этого издания в свет во многом стал возможным благодаря непрекращающейся кропотливой работе Цоцко (Увара) Васильевича Амбалова.

Цоцко Амбалов был известен в осетинской литературе и как переводчик произведений художественной литературы. Здесь следует заметить, что иностранными языками Ц. Амбалов не владел в совершенстве, в виду чего, переводы делал с русскоязычных вариантов оригинала. Являясь большим знатоком родного языка, он, в частности, перевел на осетинский язык сказки Г.Х. Андерсена, которые были изданы Осетинским Издательским Обществом «Ир». Был Цоцко и активным собирателем фольклорных памятников – его фольклорные записи составляют основную часть того литературного наследия непревзойденной ценности, который Цоцко оставил последующим поколениям²³⁶. При выборе материала он руководствовался личным мировоззрением и вкусом, долгое время не придерживаясь никаких приемов, принятых наукой в подобного рода работах. Так, например, он писал услышанное по памяти, сохраняя при этом в неприкосновенном виде содержание записываемого им повествования того или иного народного сказителя. Отсюда и вся своеобразная прелесть его творческой деятельности, дающая отображение личности самого Цоцко.

Г.Г. Бекоев в статье-предисловии «Цоцко Амбалов как собиратель памятников осетинского народного творчества» к «Памятникам народного творчества осетин»²³⁷, переводчиком на русский язык и автором примечаний к которым он сам и являлся, восхищенно называя Цоцко Васильевича «упрямым искателем жемчуга в родной словесности» писал, что тот обладал способностью находить всюду все новые и новые образцы народного творчества. «Встреча на „нихасе“ со стариком бывалым, собрание по случаю похорон во дворе покойника, служебная поездка, случайный разговор со знакомой древней старухой, общение с учащимися в школе – все это было использовано Цоцко, не создавая специальной обстановки для записывания»²³⁸.

Являясь ярким представителем зарождающейся осетинской интеллигенции, Цоцко Васильевич Амбалов причудливым образом сочетал в себе образцы двух культур – западно-прогрессивной и сугубо национально-традиционной. «С одной стороны, перед нами человек интеллигентный, интересующийся вопросами науки, искусства и общественной жизни, имеющий обширные личные связи с деятелями в этих областях далеко и за пределами своей родины. С другой стороны, перед нами типичный осетин-горец, сохранивший лучшие традиции, обычаи своего народа, живущий одной с ним жизнью. ... Во всей Осетии (Северной и Южной) нет такого уголка, где бы не видели Цоцко, где бы он лично не знал многих. Всюду, куда бы он не явился, его встречают как друга, как близкого»²³⁹.

С распространением образования, с формированием нового социально-культурного мировоззрения в осетинской среде начался процесс развития музыкального искусства.

Процесс развития композиторского творчества в Осе-

тии был непосредственно связан с освоением оперного жанра и созданием национальных опер с последующей их сценической реализацией. Первым музыкальным профессионалом, представлявшим осетинскую вокальную культуру на российской сцене, является талантливый певец и композитор Ахполат Тегоевич Аликов (1877-1949), внесший значительный вклад в развитие музыкальной культуры Осетии.

В 1888 году его семья переселилась из селения Ольгинское в город Владикавказ, где А. Аликов поступил в реальное училище. С раннего возраста он отличался музыкальными способностями, благодаря которым обратил на себя внимание руководителя хора, посоветовавшего юному Ахполату всецело посвятить свое дарование искусству²⁴⁰.

Осетинские народные песни в его исполнении любил слушать Коста Хетагуров, живший по соседству, и по доброму совету которого одаренный юноша уехал в Тифлис, где брал уроки вокала у знаменитого чешского оперного певца И. Ратилия, а через несколько лет возвратился во Владикавказ уже профессиональным певцом. Гастролировал в Москве, Петербурге, Баку, Одессе, Варшаве. Его репертуар разнообразен: от песен собственного сочинения и народных осетинских – до произведений русской и зарубежной классики. В 1909–1911 гг. поступил на оперные курсы при Киевской консерватории. Уже во время учебы обладателя красивого баса, с опытом концертных выступлений, пригласили в киевскую оперную труппу, где он исполнял ведущие партии: Сусанина в опере Глинки «Иван Сусанин», Мефистофеля в опере Гуно «Фауст», мельника в опере Даргомыжского «Русалка» и др.

В 1917 г. из-за слабого здоровья Ахполат Николаевич вынужден был переехать в г. Пятигорск, где создал опер-

ную труппу, вел педагогическую и музыкально-общественную деятельность, продолжил которую и в дальнейшем.

В Осетии второй половины XIX – начала XX вв. начали закладываться основы самых разнообразных видов творческой деятельности. Почетное звание основоположника живописи в Осетии по праву принадлежит талантливейшему и гармоничному Коста Левановичу Хетагурову, разносторонней творческой сущности которого было трудно уместиться в какой-нибудь одной области.

Как уже упоминалось выше, с 1871 по 1881 год К. Хетагуров учился в Ставропольской губернской гимназии. Увлечшись живописью и поэзией, К. Хетагуров, будучи гимназистом, уделял мало внимания другим предметам, из-за чего был оставлен в пятом классе гимназии на второй год, лишившись, таким образом, казенного содержания. В виду своего неблагоприятного материального положения ему удалось окончить всего шесть гимназических классов. В 1881 году в жизни К.Л. Хетагурова произошло знаменательное событие – сбылась его давняя мечта: выдержав конкурсные экзамены, он поступил в Петербургскую Академию художеств²⁴¹. В письме в Академию художеств начальник Кубанской области писал, что директор Ставропольской гимназии «...замечал в нем преобладающую способность и склонность к художественной деятельности, в которой он достиг совершенства, так что его рисунки с натуры посылаются гимназией на Московскую Всероссийскую выставку, просил меня о представлении ему одной из двух стипендий, оплачиваемых из горских штрафных сумм...»²⁴². В 1883 году Коста лишился стипендии, а значит и почти всех средств к существованию. Вскоре он перестал посещать занятия, а в 1885 году вынужденно вернулся обратно в Осетию. В Академии художеств талант Хетагурова-живописца получил

новые возможности и раскрылся в полной мере. В своих работах Коста передавал все те чувства и переживания, которыми был так богат его внутренний мир. Ведущее место среди них занимали думы поэта о его народе, с любовью и тщательностью изображал он сцены из непростой народной жизни.

Так, в картине Коста Хетагурова «Горянка, идущая за водой» показывается тяжелое положение женщины-горянки. На картине – женщина с огромной посудиной на спине, идущая к горному роднику за водой. Рядом «верхом» на хворостине скачет маленький мальчик. Мать слегка придерживает его, боясь, как бы он не покатился с крутизны горы. Далеко, на дне ущелья, бушует горная река. В этой картине автор отобразил тяжелое положение женщины-горянки с ее колыбели, с младенческих лет встречающейся с лишениями и несправедливостью ²⁴³. Запоминаются своей выразительностью и такие произведения, центральный сюжет которых был также взят им из повседневной жизни, как «Гонка араки», «Каменщики», «Плачущий ангел», «Природный мост в верховьях Кубани», «Виды Большого Карачая» и многие другие.

В своих работах К. Хетагуров стремился постичь типы и характеры людей, познать прошлое во всей его истине. Живопись его была реалистична, в ней был соблюден сам дух времени. Верность общего тона и верность отношений между отдельными предметами в картинах позволяла Коста без излишней детализации точно передавать общее состояние природы, правильно расставлять предметы в пространстве и убедительно передавать на полотне подлинную жизнь. Не фиксация, а познание, раскрытие действительности – такова была задача, над разрешением которой работал Коста ²⁴⁴.

К.Л. Хетагуров прославился также и как вдумчивый

создатель театральных декораций. Однако и этот вид деятельности, несмотря на превосходный талант, не приносил ему никакой материальной выгоды. Как известно, Коста был приглашен в качестве декоратора оперетки «Хаджи-Мурат». Мастерски выполненные декорации принесли успех постановке пьесы, однако вместо обещанного вознаграждения, их автор получил только десять рублей. Также К. Хетагуров принял заказ на декорации к пьесе «Дети капитана Гранта». На представлениях восхитившего своими работами художника публика вызывала по три раза, но и за этот труд он также был рассчитан ниже всякого поденщика.

Коста Леванович Хетагуров является одним из ярчайших представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. Являясь одновременно художником, поэтом и прозаиком, драматургом и публицистом, театральным и общественным деятелем, он был истинным сыном осетинского народа, вскрывавшим его насущные проблемы и сокровенные чаяния. Имя его широко известно далеко за пределами не только Осетии, но и России.

Большой вклад в развитие осетинского изобразительного искусства внес также и первый высококвалифицированный мастер живописи в Осетии Махарбек Сафарович Туганов (1878-1958). Будучи необычайно разносторонним человеком, он был не только замечательным художником, автором многочисленных картин на исторические темы, портретистом, иллюстратором героического осетинского нартского эпоса, книжным графиком, но и прекрасным ученым, публицистом, автором множества превосходных работ в области этнографии и фольклора, археологии и искусствоведения. Им был написан ряд аналитических статей по истории осетинского народного искусства и ис-

кусства других народов Северного Кавказа, Азербайджана и Средней Азии, статьи об осетинской народной поэзии, танцах, элементах театра в осетинском народном творчестве, источниковедческая работа по средневековой истории Осетии – Алании, написанная на основе персидских, арабских, китайских и западноевропейских письменных источников XII–XV вв. н. э., а также «Географии» грузинского царевича Вахушти XVIII века и др.

Заметное, если не ведущее место, в творчестве М. Туганова занимает тема нартского эпоса. Это касается, как его аналитических работ, так и иллюстраций художника. Более того, Махарбек Туганов признан одним из лучших знатоков нартского эпоса: «Наиболее серьезным аргументом, приводимым М. С. Тугановым в подтверждение своей точки зрения, было, на наш взгляд, указание на то, что сказания о нартах есть почти у всех горских народов и особенно у кабардинцев, однако “ни один из них не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит, где и как родились нарты, кто жил до них и после них, тогда как у осетин излагается все от начала до конца”»²⁴⁵.

Окончив в 1900 году Владикавказское реальное училище, М. Туганов направился в Петербург, где после трудного конкурсного экзамена стал студентом Академии художеств и начал работать в мастерской И. Репина.

В 1905 году, не закончив Академии, Махарбек уехал в Мюнхен для изучения новейшей техники живописи, где поступил в студию выдающегося словенского художника-педагога Антона Ашбе²⁴⁶. Там же в Мюнхенской Академии он примкнул к импрессионистам. Через несколько лет, побывав в Вене и Париже, М. Туганов вернулся на родину и с того времени работал в Осетии²⁴⁷.

Следует особо заметить, что и в студенческие годы, и позже, он каждое лето проводил в горах Осетии, где соби-

рая сказания о нартах, делал этюды, писал картины по мотивам народной жизни, рисовал древние башни, склепы, храмы, капища, разнообразные предметы материальной культуры из некрополей бронзового века Кобана, Галиата, Камунты. Первая самостоятельная выставка работ М. Туганова состоялась в ноябре 1904 года.

В своих воспоминаниях о работе над картинами на тематику «Нартских сказаний» Махарбек Сафарович отмечал: «Когда, в 1907 году я вернулся в родную Осетию, то старался как можно больше рисовать всевозможные боевые башни, стариков расспрашивал о древних обычаях, об одежде, оружии и т. д. В 1910 году я решил взяться за работу над нартами. В то время нам удалось создать свой кружок художников, куда вошли местные художники, учителя рисования и любители изобразительного искусства. Нам удалось даже организовать выставку. На эту выставку я принес первым делом портреты Сослана, Урызмага и Хамыца. В этом же году вышла из печати моя первая книга на дигорском диалекте „Дигорские сказания“. Книгу иллюстрировал я сам»²⁴⁸.

Махарбек Туганов оставил богатейшее творческое наследие, включающее в себя многочисленные картины, графические листы, эскизы декораций, рисунки сцен народной жизни, костюмов, орнаментов, бесчисленное количество книжных иллюстраций, научные труды по осетинской этнографии и хореографии, искусству. Значимая часть произведений Махарбека Туганова (что хронологически обусловлено этапами его жизни) была создана им после 1917 года. Осуществление всех грандиозных замыслов этого выдающегося осетинского художника стало возможным лишь благодаря его огромному таланту, любви к родной Осетии, твердой самодисциплине и постоянному творческому горению.

§ 6. Научная деятельность

С распространением образования в осетинском обществе, с повышением общего культурного уровня, деятельность национальной интеллигенции только усиливалась, а сферы ее интересов все более и более расширялись. Неуклонно возрастающий интерес осетин к просвещению, с одной стороны, и все более открывающийся им доступ к получению светского образования в совершенно разных учебных заведениях не только на территории Осетии, но и далеко за ее пределами, с другой стороны, закономерно привели к формированию в осетинской среде зачатков научной деятельности. Оценить всю феноменальность этого явления возможно лишь учитывая контраст между мировоззрением и культурными потребностями уверенно выделяющихся из массы народной первых представителей научной интеллигенции и специфическими особенностями мировоззрения традиционного, на протяжении многих веков свойственного осетинам. С этой позиции включение осетин в научно-исследовательскую деятельность, их сопричастность к науке мировой, пусть еще в той ее первобытной форме, имеет особую ценность и является поистине революционным прорывом в традиционном национальном мышлении. Область научных интересов нарождающегося «ученого люда» была весьма обширной и затрагивала различные сферы научного познания.

Многогранной и выдающейся была деятельность одного из корифеев научного сообщества Осетии второй половины XIX – начала XX вв. Афанасия (Афако) Абрамовича Гассиева (1844-1915). В октябре 1910 года в заметке об истории Моздокского духовного училища «Владикавказские Епархиальные Ведомости» сообщали: «Полное и действительное преобразование Моздокского Духовного

Училища получило при Гассиеве Афанасие Абрамовиче (1872-1876) – человеке энергичном, деловом и образованном. Начальное образование он получил в бывшем Осетинском Владикавказском Духовном училище, которое вскоре было закрыто ввиду найденных в нем беспорядков и настроений (причем инспектор училища Томилин удавился). Затем поступил в Ставропольскую Духовную Семинарию, в качестве стипендиата общества восстановления православия на Кавказе, но оттуда должен был выйти через год и поступил по экзамену в Тифлисскую Духовную Семинарию, где пробыл всего год, будучи уволен после за участие в истории с регентом хора Утарновым, впоследствии протоиереем военного собора в Тифлисе. Отсюда Афанасий Абрамович поступил снова в Ставропольскую Семинарию, причем в богословском классе пробыл всего год, так что и весь семинарский курс прошел в пять лет. В Ставропольской семинарии он состоял одновременно лектором осетинского языка, с разрешения конференции Казанской Духовной Академии.

В сентябре 1876 года поступил в Киевскую Духовную Академию, получив по конкурсному экзамену казенную стипендию. По окончании курса в 1871 году в звании кандидата-магистра отправлен в Тифлис, в распоряжение Общества восстановления православия на Кавказе, где по приказанию Председателя Общества, Великого князя Михаила Николаевича, редактировал перевод на осетинский язык новозаветных книг, сделанный архимандритом Иосифом, настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Тифлисе, впоследствии епископом Владикавказским, и один год состоял в первой женской гимназии нештатным учителем педагогики с дидактикой физики и математики (получая до 100 р. за 18 уроков). 2 августа 1872 года на педагогическом собрании Правления Семинарии, согласно проше-

нию, был избран 20 августа Преосвященным Германом исправлять должность Смотрителя Моздокского Духовного училища, в каковой утвержден 11 января 1875 года. Тем же Преосвящ. Германом, по существу в то время праву и власти, 16 марта 1876 года уволен от должности за крупное столкновение с членом правления от Духовенства свящ. П. Смирновым (1909 г. в Нальчике). В конце того же 1876 г. в Моздоке женился на вдове Мар. Буйницкой. С ноября 1879 г. служил по главному Управлению Наместника Кавказского, сначала сверхштатно с содержанием в 100 руб. в месяц, а с мая 1878 г. и до 1 января 1889–1890 г. оставался за штатом, за упразднением должности. С 16 ноября 1893 г. до выхода в отставку в 1904 г. служил чиновником, заведывающим казенными землями и оброчными статьями в Елизаветпольской губернии»²⁴⁹.

Заметим, что по окончании Киевской духовной академии Афанасий Абрамович представил свое сочинение «Коран, его происхождение и образование» на степень кандидата богословия. Работа получила высокую оценку академического Совета и была рекомендована к печати в трудах Киевской духовной академии. А. Гассиеву была присвоена степень кандидата-магистранта. В 1871 году он был признан Советом академии магистрантом по психологии, истории философии, педагогике и основному богословию²⁵⁰.

Афанасий Гассиев тщательно исследовал два вероучения – мусульманское и христианское. Его перу принадлежит целый ряд серьезных научных изысков, среди которых особое место занимают работы «Анализ Корана, догматики и морали», «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности», «Как и почему христианство сделалось государственной религией» и др.

В работах, посвященных изучению Корана, получил

освещение огромный круг вопросов исламоведения, все богатство исламской картины мира; демонстрируются великолепные знания культурного языка ислама. Для Северного Кавказа, населенного в основном мусульманскими народами, проблематика исламской культуры обладала особой актуальностью. Для Гассиева ислам при всех его противоречиях – достойное уважения и изучения явление культурно-исторического процесса, хранящее огромный опыт духовных исканий человечества²⁵¹.

Не менее основательно подошел Афанасий Абрамович и к изучению Библии. Вопросам христианства он посвятил немалое количество своих работ. Критикуя религиозную мораль в целом, особой критике он подвергает мораль христианскую. Нравственное учение христианства, по словам Гассиева, «было рассчитано и приспособлено к низкому уровню умственного развития народов, находившихся во власти всяких суеверий», но то, что служило когда-то обманчивым средством для утешения невежественных масс, не может служить таковым при других исторических условиях²⁵².

Реакционную сущность христианского нравоучения со всеми подкрепляющими его догмами, Гассиев видел, во-первых, в том, что оно внутренне располагает и даже поощряет к нарушению нравственных обязанностей, внушаемых человеческой собственностью. Надеждами на искупление грехов допускаются в жизни самые отвратительные преступления, не укладывающиеся ни в какие рамки нравственных представлений людей; во-вторых, оно оторвано от жизни, отрицает важность земных интересов, семейных и общественных обязанностей, не признает за разумом и совестью человека право разрешать вопросы жизни и строить счастье людей на земле их же собственными силами.

В противоположность религиозной морали Гассиев утверждает научное понимание нравственности. «Указать верно цель жизни, – писал он, – значит указать истинную основу морали и правила для истинно нравственной деятельности и поведения людей. Ложная цель создает ложную мораль и неизбежно ведет к нравственной порче... Жизнь человека нужно считать самоцелью, помимо нее и выше ее нет цели и идеала. Поэтому стремиться к сохранению ее для себя и других безвредных животных составляет обязанность человека. Иными словами, цель жизни заключается в ней самой, в ее улучшении и совершенствовании, в увеличении власти человека над силами природы и общественных отношений, в улучшении благосостояния народа²⁵³.

Владея иностранными языками и обладая обширными познаниями в области истории и философии (в т. ч. и в области истории немецкой идеалистической философии и позитивных наук), в своей исследовательской работе А. А. Гассиев задействовал литературу как российских, так и зарубежных авторов, подвергая ее справедливой критике, давая собственную трактовку проблем, имеющих большое философское значение. В ответ на его статью «Новейший философский реализм об основах религии и нравственности» в газете тех лет с восхищением отмечалось: «... печатаемая статья, замечательная и своими внутренними достоинствами, замечательна особенно тем, что автор ее – А. А. Гассиев по своему происхождению закавказский осетинец, получивший высшее образование в Киевской духовной академии; философию Гербарта понимает и анализирует осетинец! Какое разительное опровержение западноевропейских теорий о расах и племенах, теорий, отрицающих во многих народностях самую даже способность понимания философских соображений!»²⁵⁴.

Научные выводы, достигнутые Афанасием Абрамовичем Гассиевым, ставят его на уровень достижений научной мысли того времени, подтверждением чему являются его работы «Торжество и гибель Христа...», «Учение Толстого», в которых он исходит из признания самого факта, что в окружающем нас мире нет ничего сверхъестественного, такого, что не укладывалось бы в рамках самой природы и не могло бы быть объяснено из нее самой. По его мнению, мировое пространство безгранично и не имеет ни начала, ни конца; в нем движется бесконечное множество миров, бытие которых нельзя обозначить временем – наше Солнце и другие солнца – звезды со своими спутниками (планетами, планетоидами и кометами). Окружающий же материальный мир не является результатом творческого акта какой-то сверхъестественной силы или воплощением «мирового духа», а существует вечно. Наша солнечная система и другие звездные скопления образовались не вдруг, а постепенно, естественно, естественным путем «существует миллионы лет, бытие их нельзя обозначить временем. Это положение находит свое подтверждение, писал, он, данными астрономической науки, показывающими необъятные размеры и расстояния звезд, солнца и других планет друг от друга и от земли. Эти данные о размерах и числе звезд убедительно доказывают, что наша Земля занимает во Вселенной самое ничтожное положение, как „песчинка в океане или в Сахаре“. В результате размышлений А. А. Гассиев приходит к выводу о том, что основа миров – вечная материя не возникла из ничего и не может обратиться в ничто, исчезнуть. Жизнь на земле возникла из неорганической материи, при особых условиях древнейшего периода земли: иной температуры, лучшем составе атмосферы, большей энергии света, электричества, магнетизма и других сил. Все явления в мире происходят по неизменным

законам». ²⁵⁵ Человек и типы его, по мнению Гассиева, образовались путем развития в течение сотен тысяч лет из низших типов, близких к высшим обезьянам, а эти последние из менее совершенных типов, в свою очередь возникших из низших промежуточных форм.

Интересны и передовые для того времени рассуждения А.А. Гассиева о возможности передачи организмами по наследству приобретенных и закрепленных ими в своем индивидуальном развитии признаков. Ученый имел твердые убеждения относительно того, что все жизненные процессы, включая и сложные явления, носят материальный характер, а прогрессивное развитие в органическом мире невозможно без допущения возможности наследования из поколения в поколение приобретенных растительными и животными организмами признаков ²⁵⁶.

Материалистические воззрения А.А. Гассиева сформировались в процессе его критического осмысления религии. В результате он пришел к отрицанию всякой религии.

Исследовательский интерес А.А. Гассиева выходил далеко за рамки какой-либо определенной дисциплины. О разноплановости его научного познания свидетельствуют его труды. Широта и критичность взглядов, творческий подход в поиске решения социальных и философских проблем ставит А.А. Гассиева в один ряд с лучшими деятелями передовой российской и зарубежной общественной и научной мысли второй половины XIX – начала XX вв.

Блистательным представителем формирующегося научного сообщества Осетии этого периода по праву можно назвать первого осетина-доктора медицины Магомета (Михаила) Асланикоевича (Аркадьевича) Мисикова (1881-1938).

Начальное образование он получил в двухклассной сельской школе, затем, в 1901 году, он поступил в Кута-

исскую классическую гимназию, по окончании курса которой продолжил обучение на медицинском факультете Императорского Новороссийского Университета в Одессе.

В январе 1908 года М. Мисиков поступил интерном в новую городскую больницу, а в июле занял место помощника прозектора.

Еще студентом Магомет работал демонстратором сначала при кафедре нормальной анатомии, затем при кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии.

С 1912 года он читал лекции по анатомии и физиологии человека в высшем фармацевтическом техникуме, фельдшерском училище и зубоврачебной школе. Тогда же он возглавил лекционный комитет Одесского научно-технического общества, лектором которого состоял, а в 1917 году – Одесскую губернскую больницу²⁵⁷.

М. А. Мисиков состоял членом Медицинского общества при Императорском Новороссийском Университете, Одесского общества врачей, Химического отдела при Одесском отделении Императорского Русского Технического общества, являлся председателем родительского комитета при женской гимназии, учрежденной В. Н. Масловой и М. Н. Градской, заведовал бесплатной лечебницей Одесского Отделения Императорского Русского Технологического Общества для семейств призванных в войска.

В 1916 году Магомет Мисиков блестяще защитил докторскую диссертацию, посвященную антропологии осетин, став первым доктором медицины в истории осетинского народа. На основе диссертационного материала была выпущена монография «Материалы для антропологии осетин», содержащая наиболее обширное на тот период этнографическое описание Осетии: историко-географический очерк, этнографические сведения, тип жилища, домашняя утварь, одежда, оружие, пища, напитки, общественный

быт, свадебные обряды, кровная месть, примирение, гостеприимство, положение женщин, занятия, сословное деление осетин. Примечательно, что работа основывалась на междисциплинарном подходе.

В процессе своего антропологического исследования, М. А. Мисиков пришел к следующим общим выводам: осетины гостеприимны, гость неприкосновенен вне дома; почитание старших у осетин развито сильно; по общественному положению женщина у осетин стоит ниже мужчин, но она не рабыня; народная медицина у осетин примитивна; Осетия когда-то имела самобытную культуру; осетины имеют большое стремление к образованию и легко усваивают его; осетины один из способных народов Кавказа²⁵⁸. Для проведения своего научного исследования М. А. Мисиков использовал черепа, взятые из могильников Даргавса и Санибы. Добыть эти черепа оказалось довольно трудным и небезопасным делом, в связи с чем им было предпринято две попытки. Таким образом, в ходе исследования Магомед Асланикоевич пришел к следующим результатам: древнеосетинские черепа мезоцефалы с наклоном к суббрахицефалии, они высокоголовы, узкоорбитны, узконосы, ширококонебны, широколицы, имеют большую вместительность²⁵⁹.

Оригинальность предпринятого Мисиковым исследования представляет его как новатора – он не только объединил биологическое (в том числе медицинское) и культурное описание своего народа, он еще вторгся в «чужую» профессию, чтобы написать этнографический «автопортрет» осетин. Он стал основателем национальных научных школ в двух областях – естественнонаучной и культурной антропологии²⁶⁰.

Первые представители интеллигенции Осетии большое внимание уделяли проблеме развития просвещения,

связывая социально-экономическое развитие с развитием культуры, науки и образования. Одним из величайших сынов Осетии, посвятивших свою жизнь этим целям, был замечательный ученый-новатор и общественный деятель, активный участник народовольческого движения 70-х годов XIX века Алихан (Алексей) Губиевич (Гаврилович) Ардасенов (1849-1917), внедрявший в сельскохозяйственное производство передовые методы и технологии, видевший эффективность их использования в повышении образовательного уровня населения. В 1867 году окончив Владикавказское горское училище, он поступил в Московское земледельческое училище, окончил которое с дипломом первой степени в 1870 году. Продолжить обучение А.Г. Ардасенов решил в Петербургском лесном институте на агрономическом отделении (1870-1874). Оставшись проживать в Петербурге, Алихан Губиевич, как и многие его сверстники, активно погрузился в революционную деятельность. За участие в народовольческом движении он был подвергнут двухлетнему одиночному тюремному заключению в Москве, а с 1877 по 1885 гг. сослан в Якутскую область, где прославился как пионер разведения овощных культур. Вернувшись на родину, он занимался бондарным ремеслом, обучился которому в ссылке. В 1886 году А. Ардасенов поступил в Тифлисскую школу садоводства и огородничества, после окончания которой стал работать лесничим в Озургети Кутаисской губернии. Там он был известен как первооткрыватель теории вертикальной зональности. Отдавшись науке, А.Г. Ардасенов составил гербарий флоры нагорной полосы Западного Закавказья, впервые открыв часть растений. В 1884 году он занял должность управляющего Боржомским имением, который привел в образцовый вид, в 1901–1903 гг. – должность ревизора Воронежского управления государственных имуществ,

а в 1903–1907 гг. – должность помощника управляющего Министерства земледелия Елизаветпольской губернии. За свою новаторскую деятельность и научные труды бывший управляющий Боржомским имением престолонаследника Великого Князя Михаила Романова был награжден серебряной медалью «Романовский знак отличия I степени» и «Золотым орденом Бухарской звезды».

Находясь на службе в Закавказье, А.Г. Ардасенов занимался пропагандой агрономических знаний, устройством показательных полей, плодовых питомников, распространением травосеяния. Всем этим вопросам он посвятил не один исследовательский труд.

Значительный период своей плодотворной научной и практической деятельности Алихан Губиевич посвятил Армении, куда приехал в годы, когда сельское хозяйство находилось в тяжелом положении, а нужда и нищета охватили большинство населения страны. В 1907 году он был назначен на должность начальника Управления земледелия и государственных имуществ Эриванской губернии и Карсской автономной области.

Исключительное трудолюбие, талант ученого, широкая просветительная деятельность снискали ему у армянских крестьян искреннее уважение и доверие. Отдавая дань учености Ардасенова, в народе его с любовью называли «Торпах генерал» («Генерал земли»).

Выход сельского хозяйства из тяжелого положения Алихан Ардасенов видел во введении в севооборот искусственных трав и корнеплодов, переходе от традиционной «трехполки» к многополью и плодопеременной системе хозяйства, наиболее отвечающей условиям малоземельного края. Произведя краткий анализ состояния крестьянского хозяйства Эриванской губернии, Ардасенов решил с помощью самих же крестьян организовать опытные

посевы искусственных трав: каждое из 220 крестьянских хозяйств Армении получало семена, письменную инструкцию на родном языке с подробным указанием порядка посева и уборки урожая. Регулярно он осматривал посевы, давал советы, делал записи. С каждым годом таких хозяйств становилось все больше. Однако цель, поставленная ученым, была шире – найти такое кормовое растение, которое могло бы расти без орошения на сухих склонах высоких гор. В результате трехлетних опытов, она была найдена – эспарцет. Идея ученого оказалась близкой и понятной крестьянам, которые сами пришли к убеждению, что эспарцет выгоднее хлеба. Добрая слава о «Торпах генерале» прокатилась по всей Армении. Для всех он находил время, мудрый совет, оказывал практическую помощь²⁶¹.

В круг научных и практических интересов Ардасенова в Армении входило также лесоводство и садоводство. Это благодаря его усилиям во всех лесничествах были созданы лесопитомники, налажен строгий хозяйственный порядок. Он же дал научное обоснование целесообразности превращения Сардарского (господского) сада в обширный и богатый питомник с опытно-испытательными полями полезных фруктовых насаждений, при которых создавались народные школы, проводились уроки практических знаний.

Также ученый серьезно занимался и вопросами охраны природы, луговодства, пастбищ, организации пожарной стражи в лесах, садоводством и болезнями винограда, нагорно-луговой растительностью (Гербарий Ардасенова), сельскими школами для народа.

Научные достижения в областях земледелия, лесоводства и общественных наук А. Г. Ардасенова трудно переоценить. В первые в науке он обосновал теорию о вертикальных природных и климатических зонах в горах, с учетом

которых определил основные задачи земледелия и агротехники для различных зон. Опытным путем он разработал систему выращивания кормовых трав в горах (клевер, люцерна, эспарцет), объяснил значение микроорганизмов на корнях бобовых растений, обосновал приоритетность фермерского крестьянского хозяйства. Также А.Г. Ардасеновым было обрисовано состояние кавказских лесов и представлены соображения по их сохранению и размножению, объяснена причина лесных пожаров, «положение государственных лесов в Закавказском крае»²⁶².

В 1896 году под псевдонимом «В.Н. Л.» (народовольческие символы «Вера. Надежда. Любовь») в Тифлисе вышла в свет книга «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», посвященная особенностям развития капитализма на Северном Кавказе и ставшая в последствии очень востребованным авторитетным источником, т. к. ни один историк, социолог, экономист и этнограф, изучающий жизнь горцев Северного Кавказа в пореформенную эпоху, не обходился без этой работы. Этот труд стал плодом тонких наблюдений и глубокого анализа социально-экономической жизни Северного Кавказа в целом и Осетии в частности.

Рассуждая на вопрос о том, изберут ли горцы самобытный путь развития или поддадутся общероссийским капиталистическим тенденциям, он пришел к выводу, что горца начинают захватывать волны того могущественного процесса, который так победоносно и властно хозяйничает уже в России.

В первой части работы Ардасеновым дается яркая характеристика социально-экономического положения и культурно-хозяйственной жизни народов пореформенного Северного Кавказа. Так он заметил, что «сначала военнородовые общины представляются свободными и независимыми друг от друга, но с течением времени единичные

личности и роды, вследствие разных благоприятных обстоятельств, начали выделяться из массы, приобретать влияние и понемногу стремиться к гегемонии», что, по его мнению, привело к образованию привилегированной сословной касты, которая в социально-экономическом отношении низводила низшие сословия до положения рабов.

Во второй, главной части своей работы, А. Г. Ардасенов осветил новые экономические процессы в жизни горцев последней четверти XIX века, факт неизбежного распада феодально-крепостнических устоев под влиянием развития новых, капиталистических отношений: «В настоящее время туземцы Северного Кавказа вступают в новый период жизни. Современная торгово-промышленная жизнь начинает касаться их все более и более благодаря улучшенным путям сообщения, в особенности железным дорогам, сблизившим пространства и народы»²⁶³.

Со смешанными чувствами отмечал Ардасенов изменения, происходящие в жизни горца: «...ингуша, чеченца, осетина в особенности можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни ищущими всюду работы-приложения для своих рук. При этом они не брезгают уже никакою должностью: их можно видеть в гостиницах, трактирах, в передней барина, на вокзалах железных дорог, в канцеляриях, в полиции, в ямщиках, в магазинах в качестве мальчиков... С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги произведения мануфактурной заводской промышленности вытесняют всюду местные изделия, убивая кустарные промыслы страны. Железные изделия, доставлявшиеся местными кустарями, сделались покупными. Выгода легкой литовки (сравнительно с тяжелой туземной косой, которую можно косить в обе стороны) слишком очевидна, чтобы ее не покупать. То же самое и во всем. Лучшие оружейники-туземцы не находят себе работы»²⁶⁴.

Круг научных интересов А.Г. Ардасенова весьма разнообразен и удивляет своей широтой. Так, например, им были опубликованы работы «Высшее сословие осетин Куртатинского общества», «К вопросу о Кавказских алфавитах». Общее же количество принадлежащих его перу работ подсчитать довольно затруднительно, т. к. многие из них он подписывал разными псевдонимами. А.Г. Ардасенов был не только ярким ученым-энтузиастом, но и замечательным человеком. Современники отзывались об Алексее Ардасенове, как о «человеке долга в лучшем и благороднейшем смысле этого слова», горячо любящим свой народ и широко оказывающим ему помощь словом и делом, сочетающим в себе «трезвый реализм мысли, кипучую энергию, огромную способность трудиться, делать с терпением то часто скучное, прозаическое дело, на которое всегда находится так мало охотников, но от умного выполнения которого чаще всего зависит успех самых широких начинаний, и смелую инициативу в довершение громадного организаторского таланта»²⁶⁵.

Период второй половины XIX – начала XX вв. был отмечен зарождением в Осетии и технической интеллигенции. Ярким ее представителем является блестящий ученый-инженер Бей-Булат (Бимболат) Долатмурзаевич Датиев (1857-1919), родившийся в с. Салугардан в семье Датиева Долатмурзы Мысостовича – одного из первых переселенцев из с. Горная Карца, активного участника русско-турецкой войны, по ходатайству которого Бей-Булат в 1865 году был определен в пансион Владикавказского горского окружного училища, где проучился два года. По распоряжению начальника Терской области, Бей-Булат Датиев, как один из лучших воспитанников пансиона, был направлен для продолжения учебы в Ставропольскую классическую гимназию, где был зачислен сразу во второй класс. В 1875 году

Б. Датиев успешно окончил гимназию и поступил в Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения. Во время учебы в институте он использовал все возможности для получения основательных знаний. Уже со второго курса Бей-Булат являлся членом научно-технического кружка. В 1880 году он окончил институт и получил назначение на Либаво-Роменскую железную дорогу, на которой прошел почти все инженерные должности. Став ее начальником, Бей-Булат Долатмурзаевич реализовал себя как руководитель, вооруженный глубокими знаниями и талантом организатора. За неполные 3 года его деятельности на этом посту Либаво-Роменская железная дорога из убыточной превратилась в процветающую. Полагаясь на знания и опыт талантливого руководителя-осетина, министр путей сообщения предложил Бей-Булату Долатмурзаевичу возглавить северные железные дороги, несколько лет пребывающие в запущении. А в начале 1906 года Б. Датиеву было предложено перейти в Министерство путей сообщения Российской империи с целью распространения своей эрудиции и богатого опыта на всех российских железных дорогах. Так впервые в истории одним из руководителей российского государства стал осетин – действительный статский советник Датиев Бей-Булат Долатмурзаевич. На занимаемой должности он демонстрировал прекрасные знания в области проектирования, финансирования и строительства железнодорожных объектов. Далее последовало приглашение Датиева, как опытного руководителя и знатока финансово-экономических особенностей железнодорожного хозяйства, на работу в министерство финансов России. Позднее он был делегирован в высший государственный орган – Госсовет. За добросовестную службу и высокий профессионализм Б.Д. Датиев был награжден орденом Святого Станислава. Выйдя в 1913 году в отставку,

он переехал в Москву, где был приглашен в Совет управления северных железных дорог.

Находясь, волею судьбы, далеко от Осетии, Бей-Булат Долатмурзаевич никогда не переставал заботиться о родном народе. Согласно его завещанию весь вложенный им в Государственный банк неприкосновенный капитал, должен был поступить в ведение Министерства народного просвещения или того учебного округа, в который бы вошла Терская область с осетинским населением. В завещании указывалось: «...Из процентов этого капитала обрзуется 4 равных стипендий: одна – имени отца моего, Долатмурзы Датиева, другая – имени генерала Инуса Датиева, третья – имени брата моего Кавдына Датиева, четвертая – моего имени, инженера путей сообщения, действительного статского советника... Проценты через каждые пятьдесят лет употреблять на цели: постройку школ, общежитий, храмов и тому подобное в селении Салугардан, городе Владикавказе и обязательно в селении Верхняя Карца»²⁶⁶. Бедным жителям его малой родины, селения Салугардан, Б.Д. Датиев завещал раздать после его смерти 2 тысячи рублей.

Бей-Булат Датиев является автором великолепно-го научно-практического труда «Практические указания для удешевления эксплуатации и построек железных дорог», в котором был проведен тщательный анализ состояния российских железных дорог, даны рекомендации по устранению их недостатков и произведены подсчеты экономического эффекта от их реализации. Мероприятия, предлагаемые автором книги, способствовали достижению мировых стандартов в строительстве железных дорог в России с экономией капитальных вложений на сумму более 100 млн. рублей золотом.

Свой вклад в становление и развитие в Осетии науч-

ной деятельности внесли многие просвещенные осетины. Среди них был и прапорщик, помощник пристава горских народов, получивший прекрасное образование, Петр Жукаев, участвующий в разработке осетинского алфавита и осетинской письменности, консультировавший по этнографическим вопросам профессора Всеволода Миллера, принимавший в своем доме Лермонтова и Дюма.

Одним из важных полей деятельности Петра Жукаева было стремление дать осетинской молодежи европейское образование. Он, как мог, содействовал определению их в средние и высшие учебные заведения – гимназии, реальные училища кадетские корпуса, университеты.

Старший сын Жукаева, Иван, окончил Петербургский университет, двое младших сыновей учились в кадетском корпусе. Двое старших дочерей окончили заведение Св. Нины в Тифлисе, младшая дочь окончила Ольгинскую женскую школу.

Дом Жукаевых во Владикавказе стал центром общения интеллигенции Владикавказа, а после смерти Петра Жукаева его дело продолжили старшие дети: Иван и Ирина. В доме у Жукаевых собирались студенты, врачи, адвокаты, писатели, представители прогрессивной молодежи. Предметом их жарких дискуссий были судьбы России и Осетии в ее составе.

П. Жукаев являлся ближайшим помощником академика А. М. Шегрена. В предисловии к своей знаменитой «Осетинской грамматике» академик писал, что практическое изучение осетинского языка он совершил под главным руководством природного осетина, помощника осетинского пристава Петра Жукаева, к которому он был обязан первым положительным знаниям тагаурского наречия во всем его объеме. Также Петр Жукаев был автором одной из первых осетинских азбук на основе русской гражданской графики.

На протяжении 40–50 лет Петр Жукаев служил переводчиком при владикавказских комендантах. Образованнейший офицер-переводчик, он свободно владел русским, грузинским и осетинским языками²⁶⁷.

§7. Деятельность государственных чиновников

Во второй половине XIX – начале XX вв. довольно показательным новшеством модернизирующейся Осетии стало появление чиновников из числа осетин, занимающих различные должности в системе государственного управления. Как сообщал М. Лысенко в газете «Терские ведомости», «много осетин есть уже с высшим образованием, занимающих выдающиеся административные должности, есть и прославившиеся на поприще учебной и вообще культурной деятельности...»²⁶⁸.

К одним из ярчайших представителей молодой плеяды осетинских чиновников относится целый ряд выходцев одной из старейших фамилий Владикавказского аула – Баевых, давшей своему народу глубоко интеллигентных и в высшей степени патриотичных сынов и дочерей.

Интересна выдающаяся личность и деятельность одного из родоначальников этой фамилии, подпоручика милиции Хусины (Георгия) Баевича Баева (1794-1874), который по собственному желанию 1 апреля 1817 года поступил на службу к экзарху Грузии митрополиту Ионе переводчиком грузинского языка при проповедниках.

Переводчик при экзархе Грузии и владикавказском коменданте, храбрый офицер и доверенное лицо крестьян, неизменно избиравшийся во все народные deputации и представительства, Хусина Баев дал своим детям хорошее

образование, наличие которого и личный пример уважаемого в народе отца позволили и им принести существенную пользу как осетинскому, так российскому обществу.

К службе в милиции Х. Баев приступил в январе 1825 года, а через пять лет по распоряжению начальства был прикомандирован для несения службы к коменданту укрепления Владикавказа генерал-майору князю Абхазову.

Князь Абхазов, назначив Х. Баева членом Миссии, отправил его в горскую часть Ингушевского округа при миссионере Шио Дуали-Швили. В этой миссии 10 июня 1833 года некоторые члены были «побиты непокорными горцами, а он был пленен». Из плена Х. Баев вернулся 4 июля 1833 года. Во время очередной командировки 3 декабря 1834 года, в результате падения с лошади, Х. Баев вышиб себе плечо и получил перелом кости.

31 октября 1845 года Хусина был откомандирован в депутацию в город Санкт-Петербург для отдания «верноподданических чувств» осетин, за что и был произведен в прапорщики. 19 сентября 1854 года он отправляется для несения службы в депутацию при канцелярии Начальника Владикавказского военного округа по разбору прав туземского населения, а 3 января 1862 года он назначается депутатом при Управлении Военного Осетинского округа по горскому народному суду. За отличие по службе произведен в подпоручики милиции, о чем объявлено в Высочайшем приказе 18-го марта 1864 года.

В период усердной службы Х. Баев был удостоен бронзовой медали на Андреевской ленте в память минувшей войны 1853–1856 гг., серебряной – за покорение Чечни и Дагестана в 1857 и 1859 гг. и крестом «За службу на Кавказе»²⁶⁹.

По фамильному преданию, Хусина Баев, находясь на приеме у царя в составе депутации, дерзко заметил, что он

богаче самого царя, поскольку у того только один сын, а у него, Хусины, семь сыновей. «Но я могу поделиться с тобой своим богатством, – сказал мудрый осетин, – выучи их, и они будут тебе служить, как твой сын, а в их лице тебе будет служить и Осетия»...

И действительно, потомки рода Баевых – это мужественные, образованные люди: Георгиевский кавалер, герой русско-турецкой войны и Туркестанской компании, пожизненный знаменосец штандарта, пожалованного императором осетинским сотням, участвовавшим в Дунайской войне²⁷⁰, Захар (Заурбек) Романович (Балоевич) Баев; генерал-лейтенант царской армии Пшма (Павел) Григорьевич (Ягорович) Баев; блестящий финансист, управлявший Сибирским банком царской России Лев (Леуан) Романович (Балоевич) Баев; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., герой Шипки Александр Романович (Балоевич) Баев; штабс-ротмистр Михаил Михайлович Баев; полковник генерального штаба, командир осетинской пешей бригады Алексей (Дзандар) Васильевич Баев, занявшийся после выхода в отставку предпринимательской деятельностью, построивший и открывший в с. Ольгинском мукомольную мельницу; профессор астрономии при Московском государственном университете Константин (Алмахсит) Львович (Леуанович) Баев; учительница, одна из первых участниц любительских спектаклей в с. Ольгинском, Ольга Александровна Баева; профессор математики Андрей Васильевич Баев; известный юрист своего времени, увлекающийся публицистикой, Измаил Васильевич Баев; легендарный революционер Чермен Васильевич Баев; замечательный ветеринарный врач, организатор ветеринарной службы Осетии, добрый и отзывчивый человек, Петр Александрович Баев; его родная сестра Ольга, квалифицированный акушер-гинеколог, много сил и зна-

ний отдавая становлению в Осетии гинекологической службы, городской голова Георгий (Гаппо) Васильевич Баев.

Особых успехов в карьере государственного чиновника добился генерал-лейтенант Михаил (Гадо) Георгиевич (Хусинович) Баев (1837–1895). Получив солидное образование, он первым из осетин окончил Академию Генерального штаба и на протяжении всей своей жизни совмещал военную службу с серьезной научной работой в области истории, географии, этнографии, проявляя огромный интерес к правоведению и литературе.

Природный ум, энциклопедическая образованность, обширные познания и несгибаемая воля обусловили множество ответственных поручений, которые командование возлагало на него. Значительное время Михаил состоял чиновником особых поручений при Министерстве финансов по делам карантинно-таможенной части на Кавказе. Не менее ответственным был его пост начальника топографической службы Кавказского военного округа. Служба на Кавказе во второй половине XIX века, отличалась постоянно сохранявшейся опасностью нападения соседних государств, в связи с чем огромная ответственность лежала на Михаиле Баеве, который по характеру своей должности не имел права на ошибки в создании точных и подробных топографических карт сложной территории Кавказа.

В это же время Михаил Баев много и успешно занимался научной работой, о чем свидетельствует следующий факт. Как известно, в пятидесятых годах XIX столетия на Кавказе был открыт филиал Русского географического общества, председателем которого был избран Михаил Георгиевич Баев. Старейшее в России географическое общество, овеянное славой таких великих ученых географов-путешественников как Семенов-Тяньшанский, Миклухо-Маклай,

Пржевальский, Козлов, Роборовский и другие, проводило работу и на Кавказе. Избрание на пост председателя, бесспорно, свидетельствовало о признании российскими учеными научных заслуг Михаила Баева.

Знание истории, географии, топографии и языков, огромная общая эрудиция позволили не только отлично справиться с очередным назначением на пост начальника Бессарабского военного округа, но и возглавить две экспедиции по установлению границ России с Персией и Афганистаном. Его ум, находчивость, знания, мужество и дипломатические способности помогли в выполнении этой важной и нелегкой задачи. При этом необходимо отметить глубокий творческий характер в выполнении всех порученных заданий. Так в подробном отчете о проведенных экспедициях мы находим не только пространное описание географического положения, состояния хозяйства и населения пограничной полосы как с русской, так и зарубежной стороны, но и соответствующий анализ. Особый интерес вызывает принадлежащий перу М. Баева очерк «Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 г.».

Изучая личность Михаила Баева следует отметить не только его профессионализм, но и его душевные качества, поскольку он был чрезвычайно открытым, в высшей степени интересным собеседником и сердечным человеком. Рано потеряв единственного сына, он все свое внимание сосредоточил на детях родного брата Баева Василия.

Михаил Баев никогда не оставлял без заботы и внимания своих соотечественников. Особой заботой окружал он находившуюся на учебе в Петербурге осетинскую молодежь. Очень признательны за оказанную им помощь были Андукапар Хетагуров, Хасанбек Тускаев, Братья Шанаевы и многие другие²⁷¹.

Этот замечательный человек, его яркая индивидуальность и высокообразованность позволяют относить его к тем выдающимся деятелям Осетии, славное имя которых, без преувеличения, должна помнить и чтить вся Россия.

Большое участие в судьбе родного осетинского народа сыграл племянник Михаила Георгиевича Баева – Гаппо (Георгий) Васильевич Баев, который примером всей своей жизни заслужил право называться нравственным эталоном Осетии.

Гаппо Баев – один из выдающихся представителей осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков, просветитель и гуманист, родился во Владикавказе в 1870 году. В 1894 году он стал инициатором подачи начальнику Терской области просьбы о введении земских учреждений в крае, выработанных с учетом местных условий.

В 1899 году при активном содействии Гаппо Баева был издан «Ирон фандыр» Коста Хетагурова.

В 1905 году одним из первых коренных жителей Г. В. Баев вошел в Городскую Думу и одновременно стал вице-бургомистром, т.е. городским головой, и работал в этой должности до 1920 года.

В 1920 году Г. В. Баев переселился в Тифлис, откуда в 1922 году был вынужден уехать в Берлин.

С мая 1926 года и до конца своих дней Г. В. Баев работал в университете имени Гумбольдта в Берлине, где читал лекции по осетинскому языку слушателям семинара по восточным языкам.

В народную память Гаппо Васильевич Баев вошел не только как один из первых высокопоставленных осетинчиновников, но и как выдающийся публицист, литературовед, фольклорист, первоиздатель «Ирон фандыр», переводчик Библии на осетинский язык, адвокат, популярнейший в Осетии человек своего времени.

Вошел в историю и небезыңтересный случай из жизни Гаппо. После выхода произведения «Ирон фандыр» («Осетинская лира»), ее автор, Коста Хетагуров, заболел. Узнав об этом, Гаппо Васильевич заехал за ним на «линейке» и отвез в село Ольгинское к своим родителям, где за Коста ухаживали мать Гаппо Тотырджан и его сестры Залихан и Анна. Через месяц Коста встал на ноги, сердечно поблагодарил родных Гаппо Баева и вместе с ним вернулся во Владикавказ.

Кроме «Ирон фандыра» Гаппо способствовал выпуску поэмы А. З. Кубалова «Афхардты Хасана», сборника стихов «Галабу», осетинских сказок, пословиц, загадок.

Немало он написал исследований об осетинской литературе: статьи о творчестве А. Кубалова, Г. Цаголова, Ц. Амбалова и многое другое.

Гаппо вел большую культурно-просветительскую работу, был одним из организаторов «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области», состоял и его председателем. Он является родоначальником книгоиздания в Осетии и учредителем издательского общества «Ир», организатором кредитных товариществ, сельских банков, общественных амбаров. Он добился и права пользования кредитами госбанка крестьянством, среди которого он утверждал гражданский мир и согласие.

Круг интересов Г. Баева был весьма широк: он рассматривал вопросы о роли осетинской интеллигенции, письменности, религии, осетинском конном дивизионе и т. д. В 1915 году, занимая пост городского головы Владикавказа, Гаппо написал брошюру «Боевая служба осетин», посвященную подвигам славных сынов Осетии, участвовавших в составе русской армии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поведение которых, согласно оценке гене-

рала Скобелева, «по беспримерному самоотвержению и рыцарской храбрости» было «выше всякой похвалы».

Народная любовь и уважение к Г.В. Баеву очень хорошо отражены в письме известного осетинского издателя Ельбуздуко Гутнова: «Глубокоуважаемый Гаппо! Я вновь должен отблагодарить от глубины души. У меня опять большой шаг вперед, если не ошибаюсь. Но я Вас вновь вспомнил и еще и вечно должен благодарить. Вот все, что могу выразить Вам за данный Вами мне путь, т. е. дорогу к истинному труду. Я тружусь, и, трудясь, я в глубине души всегда вспоминаю Вас и искренно благодарю! Никогда я не забуду Вас и буду утверждать, что только благодаря Вас я стал на истинной дороге к жизни и труду.

Я получил новую карьеру в министерстве финансов; карьера, которую редко и очень редко удастся получить «обыкновенному, смертному наборщику». Ради Бога! Вы не осуждайте меня, если я так сильно восторгаюсь. В глубине души я благодарю только Вас! И думаю, что я должен оправдать свое назначение и докажу, что осетин, родившийся в глубине гор Кавказа, под скалами, может выйти также свободно и стать на ряду с европейским пролетарием, который нас принимает так радостно в ряды свои, меня принимают, как осетина, очень любезно, но и за эту любезность могу ответить также любезно.

Зæрдиаг арфæ дин кæнин дзæбæхдзинадæн!

Если когда-нибудь я Вам нужен буду, я отзовусь чисто-сердечно.

Искренне уважающий Вас

Ел. Гутнов

Мой адрес:

СПб, Типография Министерства финансов, Галерная, 24
Ельбуздуко Гутнову

P.S. Я не упомянул гонорар 80 р. в мес.»²⁷².

А скольким еще людям оказал поддержку прославленный градоначальник – выдающийся представитель осетинской интеллигенции, принесший немалую пользу не только своему народу, но и национальным культурам других народов, населявших дореволюционную Терскую область!

Центральный государственный архив РСО – А, в числе прочих документов, хранит послужные списки первых осетинских чиновников, отличившихся своей усердной службой во благо России, среди которых выделяется фигура столоначальника гражданского отделения канцелярии Начальника Терской области губернского секретаря Иналука Гадоевича Тхостова.

И.Г. Тхостов, окончил Ставропольскую гимназию в 1859 году. В VI классе он участвовал в конкурсе с сочинением на тему «Кавказ по Пушкину, Лермонтову и Марлинскому» и получил вторую награду, невольно послужив поводом к журнально-газетной перепалке; на гимназическом акте в 1858 году Тхостов прочитал свое сочинение «Осетинская ворожея»²⁷³.

После Ставропольской гимназии для получения дальнейшего образования он отправился в Москву. По окончании полного курса юридических наук в Московском Императорском Университете, 24 июля 1866 года, И.Г. Тхостов поступил на службу Губернским секретарем с назначением на должность Присяжного ходатая по делам туземцев Терской области. В 1864 году он был командирован для освидетельствования почтовых станций Камбилеевской, Назрановской и Слепцовой, затем для осмотра почтовых станций от Владикавказа до укрепления Хасавьюрта, а после этого – вновь для приведения в контрактное состояние недостатков на станциях Камбилеевской, Назрановской и Слепцовой, что и выполнил в точности.

Позднее, в сентябре 1868 года, по упразднении должно-

сти Присяжного ходатая по делам туземцев Терской области, И.Г. Тхостов назначается столоначальником гражданского отделения Канцелярии начальника Терской области с допущением к исправлению должности советника в Терском областном суде. Позже он отправляется в командировку для осмотра почтовых станций от ст. Архонской до ст. Прохладной и приведения их в лучшее состояние. «За отлично-усердную службу» в августе 1868 года он был Всемилостивейшее награжден орденом Св. Станислава 3-й степени²⁷⁴.

И.Г. Тхостова увлекало изучение истории родного народа, особенностей его быта и мировоззрения. Влекомый своей познавательной страстью, он занимался публикацией своих небольших зарисовок по этим вопросам. Так, наиболее известными являются его работы «Верования осетин», «Знахари и знахарство в Осетии», «Из заметок о тагаурцах», вышедшие в свет в номерах газеты «Терские ведомости».

Своим творчеством Иналук Гадоевич заинтересовал ученого В.Ф. Миллера, который наряду с другими представителями осетинской интеллигенции, привлек его к сотрудничеству над собиранием осетинских народных текстов²⁷⁵.

Незурядной была профессиональная и общественная деятельность Ибрагима Бойевича Шанаева (1848 г. р.), окончившего курс наук в Санкт-Петербургском земледельческом институте и ставшего специалистом в области сельского хозяйства и лесоводства.

Служебная карьера И.Б. Шанаева началась с должности младшего делопроизводителя. Далее последовала должность исправляющего во Владикавказском лесничестве, в 1876 году – коллежского секретаря со старшинством, в 1878 году – должность лесного ревизора на правах губернского лесничего, позднее – должность исправляю-

щего лесного ревизора Управления государственными имуществами Эриванской губернии²⁷⁶, а в 1880 году Указом правительствующего сената за выслугу И. Шанаев был произведен в высшую лигу в титулярные советники со старшинством. Через год согласно приказа по Управлению Наместника Кавказского округа Ибрагим Бойевич Шанаев назначается исправляющим должность ученого лесничего Управления государственным имуществом при главном Управлении наместника Кавказского, а в 1881 году – на должность лесного ревизора на правах губернского лесничего Терской Области.

После ряда повышений, И.Б. Шанаев получил должность Уполномоченного старшего советника, которая и стала его последним назначением. Заслуги Ибрагима перед Отчиной не раз были отмечены наградами, так за отлично-усердную службу он был удостоен ордена Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, медалью в память царствования Императора Александра III, особым знаком в ознаменование 100-летия лесного Департамента. Участвовал Ибрагим Бойевич Шанаев и в общественной жизни Владикавказа, был очень дружен с Коста Хетагуровым, являлся членом Владикавказского кружка.

С распространением просвещения в Осетии, повышения уровня грамотности, все больше осетин стало привлекаться к исполнению руководящих должностей. Своими организаторскими способностями отличился и купец 2-й гильдии Соломон Алдатов, исполнявший должность Моздокского городского головы.

Соломон Матвеевич (1847 г. р.) придерживался армяно-григорианского вероисповедания. Образование получил в Моздокском городском училище. По выбору Моздокского избирательного собрания 17 февраля 1881 года был избран гласным Моздокской городской Думы. В апре-

ле того же года он избирается товарищем директора Моздокского городского общественного банка, а в феврале 1886 года – директором Моздокского городского общественного банка, в должности которого прослужил вплоть до 1888 года. По балтировке Моздокской городской Думы, состоявшейся 26 ноября 1893 года, Соломон Алдатов становится Моздокским городским головою. Помимо этого, с 1809 года он состоял членом Моздокской санитарной комиссии, с 1890 года – директором Моздокского тюремного отделения, председателем Моздокского сиротского суда, почетным попечителем Моздокского женского Александровского училища, блюстителем Моздокского Кирилло-Мифодиевского приходского училища. Также Соломон Алдатов в 1894 году был избран председателем Моздокского благотворительного общества и членом депутации от города Моздока «для возложения венка на гроб в Бозе почившего Государя Императора Александра III и принесения Их Императорским Величествам Государю Императору Николаю Александровичу и Государыне Императрице Александры Федоровны по случаю их бракосочетания, и в память этого события награжден настольною серебряною медалью». Избирался Соломон Алдатов и председателем комиссии по постройке здания для Моздокского городского трехклассного училища, председателем Ликвидационной комиссии по делам Моздокского городского общественного банка, блюстителем Моздокского Кирилло-Мифодиевского училища и попечителем находящегося при оном второштатного училища. Добросовестная профессиональная деятельность С.М. Алдатова была отмечена несколькими наградами. Среди них серебряная медаль на ленте ордена Св. Александра Невского, темно-бронзовая медаль на ленте из государственных цветов, серебряная медаль для ношения на Станиславской ленте и настольная серебряная медаль²⁷⁷.

Глава III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В период второй половины XIX – начала XX вв., вошедшего в историю как эпоха национального возрождения, художественное творчество и письменная культура превратились в неотъемлемую часть политической жизни. Поворот традиционного осетинского общества к просвещению, специализация отдельных сфер культурной деятельности, появление профессиональной литературы и искусства происходили на фоне национальной консолидации и неизбежного осознания национальных интересов.

Главным фактором консолидации, опорой национального самосознания стала формирующаяся национальная осетинская культура.

Определяющая роль в процессе просвещения осетин в указанный период по праву принадлежит зарождающейся осетинской интеллигенции, принявшей активное участие в приобщении осетин к цивилизованному ведению хозяйства, повышению их общего социокультурного уровня.

Надеясь на глубокую модернизацию традиционного уклада горской жизни, с созданием письменности и литературы на родном языке, интеллигенция стремилась дать импульс развитию национальной культуры, охватить просвещенческими акциями все слои горского населения. Она мечтала увидеть свой народ равным среди всех просвещенных наций Европы и России ²⁷⁸.

В центре внимания осетинских интеллигентов находились такие сферы общественной жизни, как образование, здравоохранение, наука, культура, досуг и др. Именно

представители молодой интеллигенции стояли у истоков возникновения в Осетии самых разнообразных обществ, направленных на распространение научных знаний среди осетин и других соседних народов, оказание благотворительной помощи, развитие национального искусства, литературы и печати. Осетинская интеллигенция выступила выразителем общенародных интересов и «воплощением Нового времени, взломавшего социальные и территориальные перегородки. Вместе с интеллигенцией родился новый облик осетинского общества»²⁷⁹.

Являясь мыслящей средой, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности»²⁸⁰, интеллигенцию правомерно рассматривать как «верхний слой» социального духа, его «сливки», его «цвет»²⁸¹. Она «раньше и лучше других познакомилась с европейскими теориями общественного развития»²⁸² и поспешила преобразовать свои знания в жизнь родного народа.

Именно представители зарождающейся осетинской интеллигенции стояли у истоков формирования «новой» национальной культуры, ставшей своеобразным симбиозом культурных образцов – европейских, российских и традиционных осетинских, подвергнувшихся трансформации в условиях политических и социально-экономических преобразований, приведших к расширению горизонтов народного познания.

Гаппо Баев, в связи с этим, писал: «Большое участие приняла наша интеллигенция и в народных делах, руководя народом своими советами, возбуждая ходатайства, подавая петиции о нуждах своего племени правительству. На народных сборах, этих своего рода земских собраниях, интеллигенция принимала деятельное участие и, просматривая старые народные приговоры, а также и новейшие, нельзя не видеть работу интеллигенции. Да и кому же не

знать лучше истинные нужды своего народа, его потребности в данную минуту, иметь возможность все это обосновывать на знании законодательства, статистических данных, как не народной интеллигенции.

При разрешении поземельного вопроса в 60-х годах, при введении судебных учреждений в нашем крае наша интеллигенция проявила много заботы о наилучшем разрешении этих вопросов и в отличие от остального горского населения на Осетию были распространены действия общих мирных судебных учреждений, что не могло не отразиться самым благотворным образом на деле приобщения осетин к благам русской культуры.

Даже в таком щекотливом вопросе, как сословный, который расколол нашу в общем демократическую интеллигенцию на два резко противоположных лагеря, интеллигенция вышла с честью. Часть ее уже полвека борется против создания законодательным путем особого привилегированного класса над общей массой народа, вполне основательно полагая, что такое разделение маленького племени на два враждебных сословия привело бы его к гибели, к нескончаемой вражде. Но эта последняя борьба никогда не мешала спланиваться обоим лагерям для отстаивания истинных нужд, чести и доброго имени своего племени там, где это было нужно. Большое участие принимала наша интеллигенция в деятельности „Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области“, которое за 22 года своего существования раздало на 25 тыс. руб. пособий учащимся в высших, средних, технических, женских и других учебных заведениях, а также соорудило в городе Владикавказе здание будущего Горского Пушкинского общежития с подготовительной школой в средние учебные заведения для всех горцев Терской области общей стоимостью в 30 тыс. руб.

По инициативе нашей интеллигенции началось у нас и кооперативное движение. Так, в 70-х годах по инициативе священника А. Цаликова была основана Ардонская кредитная касса, существующая и по настоящее время и приносящая, несомненно, огромную пользу этому обществу. В сел. Ольгинском учрежден первый в России всесословный сельский банк. Мы верим, что подобно тому, как Осетия покрылась храмами Божиими и школами, также она покроется и сетью народных кредитных кооперативных учреждений.

Важное значение для каждой народности имеет научное изучение ее жизни. Русские ученые широко пользовались услугами образованных осетин и при их сотрудничестве были изданы проф. Миллером „Осетинские этюды“, 5 книг, посвященных изучению осетинского языка, народной поэзии и истории; проф. М. М. Ковалевским „Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении“, 2 тома; графиней Уваровой „Археология Осетии“. Сами осетины также работали все время на почве научного изучения своей народности.

Вся эта огромная работа, потребовавшая столько материальных и духовных сил, несомненно, могла бы принести более существенную пользу народу, если бы у нас было настоящее сельское самоуправление и в особенности земские учреждения...

Говорить о тех тормозах, которые стояли на пути этой благородной работы нашей интеллигенции, – и грустно и печально, они те же, которые переиспытала и русская интеллигенция за последние 25 лет, и которые принесли столько зла русскому народу»²⁸³.

Бесценный вклад в развитие общественной жизни, общественно-культурной мысли Осетии, ее интеллектуальной мощи, внесла передовая осетинская интеллигенция

– А. Колиев, А. Гассиев, И. Кусов, К. Хетагуров, М. Гарданов, Х. Уруймагов, С. Кокиев, Г. Баев, Г. Цаголов, В. Цораев, А. Гассиев, Л. Газданов, А. Кануков, А. Ардасенов, братья Джантемир, Гацыр и Гуцыр Шанаевы и многие другие. Объектом дискуссий становились актуальные вопросы, от решения которых зависела дальнейшая судьба осетинского народа. Одной из насущных проблем, жарко обсуждаемой на страницах прессы тех лет, было распространение образования среди осетинских женщин.

Изначально приходилось сталкиваться с непониманием идеи женского образования как среди простого народа, так и среди разного уровня чиновников. Отстаиванию своих новаторских просветительских позиций многие из осетин-интеллигентов посвятили свою жизнь.

Наиболее яркой фигурой в этом отношении стал священник, инспектор Владикавказского духовного училища, переводчик, поэт и общественный деятель Аксо Колиев, организовавший в 1861 году в своем доме женскую школу, которая в 1866 году была преобразована во Владикавказскую Ольгинскую осетинскую женскую школу, а позднее, в 1891 году, Ольгинская женская школа была переименована во Владикавказский женский осетинский приют с училищем²⁸⁴. Свое название школа получила в честь княгини Ольги Федоровны, попечительницы «Общества восстановления христианства на Кавказе».

Женская школа Колиева оказала огромное влияние на приобщение Осетии к благам русской и общеевропейской культуры и эмансипацию осетинки, и в сердцах соплеменников встретила большую поддержку и одобрение²⁸⁵.

Поступок А. Колиева – открытие женской школы в собственном доме – был беспрецедентным шагом, наполненным истинным патриотизмом и заботой о своем народе. В начале 1863 года Аксо Колиев лично обратился в Комитет

«Общества восстановления православного христианства на Кавказе» с рапортом о состоянии своей школы, в котором указывал на то, что учреждение школы для девиц может иметь важное значение в деле общественного образования осетин и на усердное отношение к учебе: «Учрежденную мною с полгода назад школу посещают постоянно не менее 16 девиц, которые с усердием и любовью занимаются учением осетинской азбуки... то служит залогом, что число их, когда школа получит правильное устройство, увеличится».

Чтобы наладить прочное существование школы, Колиев решил увеличить для начала дела количество учащихся до 20–25 человек и взять двух учителей: учителя осетинского языка, который бы одновременно обучал начаткам христианского вероучения, и учительницу для обучения девочек рукоделию.

Однако для осуществления этого своего плана Колиев, по-видимому, не располагал личными средствами. Поэтому он обратился в Комитет «Общества» с настоятельной просьбой взять на себя выплату жалования двум учителям по 200 рублей в год и расходы в 100 рублей в год на приобретение материалов для занятий по рукоделию. Все остальные заботы о школе и расходы на школьные нужды А. Колиев брал на себя.

Женская школа пользовалась большой популярностью среди осетин. Горцы с большой охотой отдавали своих девочек именно в эту школу. «Во все время существования, – писал в 1897 году Коста Хетагуров, школа пользовалась необыкновенной любовью и доверием осетин. Она не могла вмещать всех желающих учиться в ней... она становилась насущной потребностью всего народа». Из стен этой школы за время ее существования вышли сотни интеллигентных осетинок – превосходных народных учительниц,

примерных тружениц-матерей семейств. Благодаря ее возникновению и самоотверженному труду во благо родного народа женщины Осетии получили доступ к образованию первыми на Северном Кавказе²⁸⁶.

11 августа 1866 Аксо Колиев скончался и был погребен в Осетинской Рождества богородичной церкви, где над его прахом внутри на северной стороне храма была прикреплена мраморная доска с надписью золотыми буквами: «Нæ фыд Аксо! Рухсаг у, рухсаг у, рухсаг у! Дзæнæты бад, æгас Ир дæ бузныг стæм! Здесь покоится прах первого осетинского иерея и протоиерея Алексея Колиева»²⁸⁷.

Активным, самоотверженным сторонником развития женского образования в Осетии также стал и Харитон Александрович Уруймагов (1854–1919) – один из передовых осетинских учителей второй половины XIX – начала XX вв., преподававший во многих школах Северной Осетии. В воспоминаниях современников Харитон Александрович сохранился как «очень опытный педагог и воспитатель молодого поколения,...очень развитый, хороший собеседник, остроумный и всегда веселый»²⁸⁸. О нем отзывались как об «участнике революционных событий 1905 года, вожаке осетинского демократического учительства, убежденном стороннике светской школы и таким же противником школы, привязанной к церкви, сидевшем за свои передовые убеждения в царских тюрьмах»²⁸⁹.

Являясь сторонником и подвижником женского образования, он регулярно публиковал свои статьи в местной и краевой прессе.

Воспитание и обучение женщин, расширение их умственного кругозора, прав и значения их в обществе Х. Уруймагов признавал вопросами первостепенной важности для всех народов. Умственно развитая женщина, по его мнению, способна внести в семью «сознание челове-

ского достоинства», поднять «нравственный уровень ее». Женщина, которая знает, что в случае нужды она прокормит себя и детей трудом, не будет демоном-искусителем мужа, заставляющим его продать правду и честь за средства для содержания ее и детей. Такая женщина, правильно воспитывая своих детей, укажет им, детям, правильный путь к самостоятельному труду²⁹⁰.

Отстаивая на страницах газет свои позиции, Харитон Александрович убеждал читателей в том, что «женские школы дадут горной Осетии образованных матерей, сердце которых будет служить прочным фундаментом для народного образования». Женские школы среди горцев-осетин, если их открыть и устроить на началах, удовлетворяющих разумным требованиям педагогики, окажут населению громадные услуги в деле начального воспитания. Под надзором опытных и любящих свое дело учительниц, в девочках будут укрепляться сознательно добрые привычки, стремления к добру и любовь к умственному самоусовершенствованию и к окружающим людям – обществу.

Х. Уруймагов осознавал, что появление женских школ не сразу изменит существующие условия жизни осетин, но, работая и действуя постепенно, они станут оказывать свое благотворное влияние на подрастающие поколения. Выпуская своих питомиц и определяя их в средние женские учебные заведения, школы эти наградят Осетию образованными лицами, великое значение которых в деле воспитания признано всеми, и благодетельная воспитательная сила коих считается истиною, не требующей никаких доказательств²⁹¹.

Хотелось бы отметить, что осознание необходимости организации женского образования в Осетии во второй половине XIX – начале XX вв. приобрело необратимый ха-

рактар, и раз возникнув, женская школа ни на миг не прекратила своего развития, со временем превратившись в насущную потребность осетинского народа. Осетинская интеллигенция, в свою очередь, выступила в роли подвижника этого процесса, бескорыстно и самоотверженно борясь за светлое будущее осетинской женщины, в котором она видела залог прогрессивного развития всего народа.

Ярым сторонником распространения женского образования был и Коста Хетагуров, попавший в опалу царской администрации из-за Владикавказского женского приюта. Об этом факте вспоминал Гиго Дзасохов в своем кратком критико-биографическом очерке о К. Хетагурове: «...Осетия чуть не лишилась этого единственного рассадника подобия среднего образования, по капризу тогдашнего начальника области г. Каханова. Группа осетин во главе с Коста обратилась тогда к великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой оставить приют осетинам. Приют остался открытым, но группа осетин, хлопотавшая об этом, пострадала. Коста же был выслан из Владикавказского округа. Он много писал в „Северном Кавказе“ и в „Петербургских ведомостях“ о неурядицах на Северном Кавказе. Этими статьями он особенно озлобил против себя администрацию, и он был выслан вторично из Терской области, но на этот раз в Херсон, сроком на пять лет. Означенного срока он не побыл в ссылке, так как выяснилась незаконность такой кары. Поводом к ссылке послужило то, что какой-то Коста Хетагуров в пьяном виде во Владикавказе ночью оказал сопротивление полицейской страже. Это преступление было приписано поэту Коста, который к тому же был аттестован начальником Терской области Кахановым как „вредный для общественного спокойствия“. По предложению г. Каханова и состоялась ссылка. Только после подачи протеста на Высочайшее имя удалось Коста выснить

всю незаконность случившегося с ним „недоразумения“ и получить свободу проживания везде за исключением Владикавказского округа. В ссылке он побыл с июня 1899 г. по март 1900 г.»²⁹².

Мировоззрение К.Л. Хетагурова вызывает особый интерес у исследователей. Объектом его философского осмысления является широкий круг явлений национальной действительности: искусство, природа, экономика, наука, быт, история и т. д. Он считал, что основу понятия «культура» составляет культура духовная, которая включает в себя важнейшие составляющие – нравственность, науку, искусство, политику, хозяйство. Разграничивая культуру и цивилизацию, к последней он относил одежду, жилище, пути сообщения, технику, промышленность. Подлинная культура, по его мнению, всегда формируется на конкретной национальной почве. Основным критерием в оценке того или иного явления национальной культуры служит внутренняя сопричастность данного явления сущности народной жизни, народного духа. Ценностные основы философии К.Л. Хетагурова, способствующие возрождению Осетии, заключаются в просвещении, в приобщении осетин к мировой культуре посредством русской культуры в процессе гуманизации и эмансипации общественного сознания, в создании человеческих условий существования для горцев. В уравнивании их в правах с русским населением края в повседневной жизни²⁹³. Одним из центральных понятий в системе культуры К.Л. Хетагурова является понятие творчества: истинное творчество возможно только при очевидности акта непосредственного переживания предмета, утверждения в нем человеческой души, поскольку именно она и есть для Коста основной предмет познания²⁹⁴. Весь творческий путь этого выдающегося представителя осетинской интеллигенции был посвящен

познанию не только души человека как такового, но и души народной, которой он восхищался и сопереживал.

Любовь к родному народу, стремление облегчить его жизнь, внести в нее больше светлых красок отличала многих представителей осетинской интеллигенции как народных заступников. Одним из ярких общественных деятелей, радеющих за лучшую жизнь для родного народа, был близкий родственник упомянутого выше врача Лаврентия Газданова Гургоко (Ефим) Тепсырович (Павлович) Газданов (1843 г. р.) – народник-семидесятник, член клуба «Кавказец» в Петербурге, создатель Владикавказского народнического кружка, осуществившего в Осетии знаменитую и трогательную идею «хождения в народ» – с нелегальной библиотекой и школой для бедных детей на Осетинской слободке²⁹⁵.

Кружки народников, созданные в 1869 г., вначале преследовали главным образом культурные цели. Они ограничивали свою работу углубленным самообразованием членов и распространением революционных брошюр.

Кружок «чайковцев» в своих рядах объединил наиболее деятельные элементы тогдашней революционной России. Без преувеличения можно сказать, что наиболее крупные фигуры последующего революционного движения вышли из рядов этого кружка. Общей платформой кружка являлось объединение всех единомышленников под единым принципом, – обязательной выработки для революционной деятельности сознательной, теоретически подготовленной личности²⁹⁶.

Позже, живя во Владикавказе, Ефим Павлович Газданов активно участвовал в общественной жизни города, являясь действительным членом «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области».

В послужном списке лесного кондуктора на правах помощника лесничего во Владикавказском лесничестве Ефима Павловича Газданова имеются сведения о том, что в августе 1869 года он окончил курс наук в Ставропольской классической гимназии кавказским воспитанником, после чего Е. Газданов продолжил обучение в Санкт-Петербургском практическом технологическом институте, по окончании 2-го курса которого поступил на службу, «с соизволения Государя Великого Князя Наместника Кавказского», лесным кондуктором на правах помощника лесничего во Владикавказском лесничестве.

В Петербурге он познакомился с выпускницей фельдшерско-акушерской школы при Калининской больнице Меланией Яковлевной Бузиловой, вскоре ставшей его женой. Очевидно, что М.Я. Бузилова оказала большое влияние на его мировоззрение. К тому времени она имела уже немалый стаж «хождения в народ». Некоторое время после окончания школы М.Я. Бузилова, работая в земской больнице под Псковом, поселилась в имении либеральных помещиков Назимовых. С младшей дочерью Назимовых Варварой Владимировной они ходили по крестьянским дворам, распространяли книжки, оказывали материальную и медицинскую помощь.

Приехав на родину, Газданов и Бузилова стали активными членами известного Владикавказского кружка революционных народников. Одной из важнейших акций этой организации явилась переброска из Петербурга книг для создания во Владикавказе нелегальной библиотеки. Книги доставили на Терек Е.П. Газданов и Ольга Казбек²⁹⁷. Членами Владикавказского народнического кружка также были А. Ардасенов, М. Кизер, Д. Сохиев, Х. Тускаев, Л. Серебрякова, В. Вертепов, П. Годжиев, А. Айдаров, Д. Голиев, Е.О. Казбек, Н. Лавров и другие.

Вполне закономерно то обстоятельство, что дочери Ефима и Меланьи Газдановых также пополнили растущие ряды осетинской интеллигенции, став на учительской путь.

К началу XX века в Осетии сформировались объективные предпосылки для возникновения национальной периодической печати. Заметим, что издательская деятельность городских осетин развивалась в тесной взаимосвязи с литературным процессом.

Редактором первого журнала на осетинском языке «Зонд», а также газеты «Хабар» был автор осетинского букваря «Райдиан чыныг» Алмахсид Кануков (1866–1918). Получив отличное образование в Нальчикской горской школе, Владикавказском реальном училище, Второй Харьковской гимназии, А. Кануков занимался просветительской и педагогической деятельностью, стараясь внести свой вклад в развитие общественно-культурной среды Осетии.

В 1911 году совместно с С. Такоевым, К. Дигуровым и А. Джанаевым-Хетагуровым Алмахсид Адиль-Гиреевич обратился в Местное по делам об обществах и союзах Присутствие с заявлением о регистрации Владикавказского осетинского литературно-музыкального драматического кружка, который должен был стать центром сближения осетин-литераторов, любителей музыки и осетинского драматического искусства, содействовать развитию осетинской литературы, музыки, драмы.

Городские осетины выражали готовность к проведению литературных вечеров, музыкально-драматических собраний, публичных выступлений, семейных вечеров²⁹⁸. Однако, опасаясь того, что Общество «имеет целью развитие только исключительно осетинской национальности», «направлено к обособлению осетинских национальных

интересов», местная администрация отказала обществу в регистрации²⁹⁹.

Активное участие принимал Алмахсид Кануков и в деятельности осетинского издательского общества «Ир», являясь одновременно его секретарем. Председателем общества был присяжный поверенный Александр Захарьевич Кубалов. Одной из первейших задач общества было широкое просвещение всего осетинского народа. Члены общества надеялись на то, что «только нарождающаяся осетинская литература найдет в нем могучего двигателя». Своей ближайшей целью Общество ставило издание газеты на осетинском языке, способной стать лучшей просветительской школой для народа по коренным вопросам современной жизни, которая должна «объединить всех нас, разбросанных по всей России, в развитии родной литературы, приобщить к культуре всю массу осетинского народа, развить его самосознание, поднять его моральный и духовный уровень»³⁰⁰. Газета «Хабар», выходившая на осетинском и русском языках под редакцией А. Канукова, также ставила перед собой просветительские задачи. В ней публиковались статьи по осетинской литературе, переводы произведений русской классики.

Анализируя общественно-культурную деятельность А. Канукова, представляется справедливым утверждать, что он, как и многие образованные осетины, признавал бесспорную важность образования в жизни горцев. Алмахсид Адиль-Гиреевич Кануков искренне считал, что «школа должна составлять для людей главнейшую необходимость»³⁰¹.

Значимый вклад в развитие просвещения, развития общественно-культурной жизни Осетии второй половины XIX – начала XX вв. внесли несколько представителей фамилии Шанаевых.

К наиболее известным среди них, ставшими крупными фигурами в деле развития формирующейся под влиянием общественно-политических процессов XIX–XX вв. национальной осетинской культуры, можно отнести Индриса, Гацыра, Джантемира и Гуцыра Шанаевых, прославившихся своей активной просветительской деятельностью.

Индрис Дудаевич Шанаев (1839–1897) являлся участником Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Свою военную карьеру начал рядовым в Навагинском (75-ом пехотном) полку. В 1857 году, за отличие и мужество во время военных действий на Кавказе, он был произведен в унтер-офицеры, в 1859 году – в прапорщики, а в 1864 году – в подпоручики. В 1865 году Индрис Дудаевич был назначен командиром роты, а в 1867 году стал поручиком. Согласно разрешению Его Императорского Высочества в 1872 году он был прикомандирован к Владикавказскому полку Терского казачьего войска в качестве заведующего полковой учебной командой. За отличную службу на Кавказе, проявленное мужество и отвагу Индрис Шанаев удостоился орденом, установленным для мусульман, а также орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, знака отличия военного ордена 4-й степени, тремя медалями и крестом за службу на Кавказе³⁰². Также он являлся обладателем орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, персидского ордена Льва и Солнца 2-й и 3-й степени.

И. Шанаев был всегда подтянутым, разумно настойчивым при исполнении самых сложных и опасных поручений, отличался необыкновенной элегантностью, изяществом манер и обращения, мягкостью речи и скромностью. В аттестационном списке за 1858 год среди отличительных черт его характера были отмечены твердость, заботливость, энергия.

И.Д. Шанаев входил в группу лиц, стоящих у истоков основания газеты «Казбек», а также в число организаторов «Общества взаимопомощи молодым горцам», сотрудничал с «Обществом восстановления христианства на Кавказе». Его стремление изменить в лучшую сторону неудовлетворительное состояние осетинской письменности легло в основу его дружбы и совместной деятельности с известным ученым В.Ф. Миллером, привлечшим Индриса к работе над фундаментальным трудом «Русско-осетино-немецкий словарь». Вместе со своими единомышленниками он собирал народные сказки, песни, предания, изучал народные обычаи осетин. Результатом этой работы явилась новая осетинская азбука, составленная В.Ф. Миллером, значительно упрощенная и более приближающая язык к письменам. Многие образцы народного творчества, собранные Шанаевым и его друзьями-молодыми исследователями печатались в «Терских ведомостях», «Кавказском сборнике», «Тереке»; их труды выходили также и отдельными книжками. Индрис Дудаевич Шанаев искренне любил свой народ, хорошо знал его историю и бережно относился к традициям и языку. Постоянными спутниками его жизни были снисходительное отношение к чужим слабостям и строгость к себе. Люди, жившие с ним в одно время и знавшие не понаслышке о замечательных качествах его личности, отзывались о нем как об «истинном интеллигенте, работнике мысли». Светлое имя Индриса Шанаева навсегда вошло в историю Осетии.

Осетинская интеллигенция никогда не оставалась в стороне и от общественно-политических процессов, происходящих как в Осетии, так и в России. Не стало исключением и освободительное движение в Осетии во второй половине XIX века. В эти годы общественная мысль и демократическое движение развивалось под влиянием

российского революционного народничества. В формирование национального самосознания осетинского народа большой вклад внесла интеллигенция. Ее обращение к традиционной культуре, к проблемам сохранения родного языка, интерес к устному народному творчеству говорили о стремлении объединить общественные силы для борьбы с самодержавием.

К достижению этих целей были направлены усилия братьев Шанаевых – Гацыра (1825–1880 гг.), Гуцыра (1834 г.) и Джантемира (1848–1928 гг.), деятельность которых во благо родного народа можно без преувеличения назвать ратным подвигом.

Очень рано, еще в восемнадцатилетнем возрасте, Гацыр Текаевич Шанаев был призван на службу в армию. Благодаря высоким личностным качествам, он начал довольно быстрое продвижение по служебной лестнице. За участие в Крымской войне (1855 г.) Гацыр Текаевич был отмечен орденами «За отвагу», а за службу на Кавказе – Георгиевским крестом.

Однако пошатнувшееся здоровье вынудило Гацыра расстаться с военной службой, по окончании которой он вплотную занялся просветительской деятельностью. С огромным интересом переводил он на русский язык собранные им во всех горных ущельях Осетии сказки, повествования, легенды, нартские сказания.

Средний брат Шанаевых, Гуцыр (1836), окончивший Павловский кадетский корпус, участвовавший в русско-турецкой войне, выйдя в отставку, получил юридическое образование. Еще во время учебы он стал писать свои работы по истории и этнографии. В 1882 году впервые Гуцыр заговорил об организации «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев», основной целью которого было содействие школьному

образованию, открытию школ для горцев, оказанию материальной помощи учащимся.

В 1883 году Гуцыр Текаевич переехал в Екатеринослав, где служил привилегированным членом окружного суда. Однако и находясь на далеком расстоянии от Осетии он оказывает действенную помощь обществу, призывая своих знакомых оказать материальную поддержку³⁰³. Большой интерес представляет его труд «Кое-что о горцах», в котором автор раскрывает свои взгляды на более успешное духовное развитие осетин по сравнению с другими горцами, на воинские законы, на значение для народа распространения образования, на значимость утверждения института гражданственности среди горцев.

Так, с радостью он отмечал стремление осетин к образованию, их успехи на этом поприще³⁰⁴. Он ратовал за то, чтобы Россия открыла путь горцам к умственному развитию и знанию русского языка, что позволило бы им «уяснить себе превосходство новых форм жизни над отжившими условиями быта»³⁰⁵.

Вместе с Гуцыром у истоков создания «Общества по распространению технических знаний и сведений и сведений среди горцев Терской области» стоял и его младший брат Джантемир, являвшийся членом организованного осетинскими народниками во Владикавказе первого кружка и занимавший очень активную социальную позицию, внесший значимый вклад в развитие общественно-культурной мысли осетинского народа.

Джантемир Шанаев окончил Владикавказскую школу военных воспитанников, в 1868 году Ставропольскую гимназию, а в 1874 году – юридический факультет Одесского университета. Будучи студентом университета, он увлекся культурно-просветительской деятельностью. Им были собраны и изданы «Осетинские народные сказания»: «Со-

зырко», «Алагата», «Как Сырдон поссорился с Алымбеком», «Как родился Батраз», «Сослан» и мн. др., которые были опубликованы в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Тогда же Джантемир написал и очерк «Свадьба у северных осетин». Также он является автором очерка «Присяга по обычному праву осетин». Позднее он стал «процветающим владикавказским адвокатом, с солидным счетом в банке, с земельными владениями»³⁰⁶. По прошествии пятидесяти лет Владикавказская адвокатура направила на имя Джантемира Шанаева поздравительный адрес, в котором выражала благодарность за добросовестный труд адвоката Шанаева. В частности, в адресе говорилось, что Дж. Шанаев вступил на поприще адвокатской деятельности в период, когда адвокатское сословие только зарождалось, и на протяжении всех пятидесяти лет Джантемир Текаевич неизменно стоял на своем посту, сохраняя непоколебимую веру в торжество правды и права, всегда являл пример корректного отношения к противникам на суде, считая, что судебный спор адвокатов должен быть благородным турниром, уважающих себя и судебное место борцов, оружие которых – закон.

Его перу принадлежит ряд замечательных этнографических очерков из жизни осетин. Культурно-просветительская работа Шанаева Дж. Т. в истории общественной мысли в Осетии занимает видное место. Его литературно-публицистическое творчество приносило свежую политическую струю в общественную мысль Осетии³⁰⁷. Способствуя сохранению нартского эпоса и памятников осетинского фольклора, он ставил во главу угла свободу и человеческое достоинство, подвигая, таким образом, народ на борьбу за свободу и независимость.

Большое участие в судьбе родного народа принимал и упоминавшийся нами выше надворный советник Элкан

Таусултанович Шанаев. Как и его родственники, Элакан Таусултанович также занимал активную гражданскую позицию, не оставаясь в стороне от процессов, происходящих в осетинском социуме, искренне стремился принести пользу в деле народного просвещения. Так, в письме к своим единомышленникам в Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, датированном 26.11.1910 г. он писал: «...Каждый, даже интеллигентный горец, претендующий, в душе, разумеется, на добропорядочность, – если только на деле у него здоровая логика и чувство самосознания не дремлет, – раз глаза хотя бы полуоткрылись на явления общественной жизни, где беспардонно сталкиваются интересы земного благополучия дикаря-горца с таковыми несравненно более культурных конкурентов, жизнеспособных приметных народностей, – то он должен раз и навсегда понять глубоко, что для аборигенов гор остался в той всеобщей сутолоке борьбы, – без порохи и свинца, – но борьбы страшной на жизнь и смерть, – остался единственный путь – просвещение. Отсюда понятно, что Общество наше, – своего рода святыня, при том единственная, куда, как к светлему фокусу, должны направляться все наши наилучшие пожелания и все разумно-одобренное обязано стремиться, в веселом, братском, благородном соревновании, как пчелы в общий улей, вносить то, что по силам каждому и каждой»³⁰⁸. В ответ на призыв выше упомянутого «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» об оказании посильной материальной помощи для «скорейшего покрытия солидных долгов» Элан Таусултанович добровольно национализировал все свое наследное имущество, накопленное его дедом – знаменитым поручиком Карасе и отцом, участником русско-турецкой войны. Так, в этом же

письме указывается: «...В высшей степени рациональное предложение Председателя и членов правления общества, – этого, скажу без лести, – просвещенно-трудолюбивого ядра всей горской интеллигенции, – между прочим, и меня удостоило обращения за содействием к проведению в жизнь такой прекрасной меры, как чтобы „каждое село, соответственно средствам и числу жителей, могло бы вносить в смету ежегодно ту или иную сумму, необременительную для населения – примерно от 50–100 рублей“. ... будучи в здравом уме, при полной памяти, – официально заявляю Правлению Общества о решении моем в настоящее время отдать таковому в вечное пользование и распоряжение все, что найдется у меня в Шанаевском селении, за исключением аульного земельного пая, которым пользовался и впредь предоставляю сиротам-родственникам малолеткам, – до их совершеннолетия.

Сверх того, в нагорной полосе, в селении Кани, считаются за мной покосные и пахотные участки... У меня родилось желание отдать угоды в горах тоже Обществу... все то малое, чем я могу сейчас прийти на помощь жаждущим знаний юным бедным собратьям...»³⁰⁹.

Помимо врачебного таланта Элкан Шанаев обладал и талантом писательским. Волею обстоятельств, большая часть его творческого наследия не сохранилась. Однако по дошедшим до нас произведениям можно смело судить о мастерском владении Элкана русским словом. Одной из любопытных страниц его биографии является написание поэмы «Арабы», опубликованной в 1911 году в газете «Терек», и свидетельствующей о многогранности его интересов и способностей³¹⁰.

Среди прославленных осетин значится и имя генерала-просветителя Инала Тегаевича Кусова (1847–1917), председателя Правления и с 1912 года пожизненного чле-

на «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», который в 1913 году вместе с Созырыко Хорановым и Федором Гусовым вошел в состав депутации горцев, командированных в Санкт – Петербург для участия в торжествах в честь 300-летия дома Романовых³¹¹. В докладе члена «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» А. Айдарова, посвященном памяти Инала Тегаевича, говорится о том, что И. Кусов «много потрудился на пользу общества и для просвещения горского юношества, а также и на других поприщах служебной и общественной деятельности». Воспитание он получил во Владикавказской школе военных воспитанников. Еще во время учебы Инал выделялся необычной сообразительностью и жадой знаний, ловкостью и умением в обращении с оружием и конем³¹². По окончании с отличием курса в Кавказской учебной роте в июле 1861 года И. Кусов поступил на службу в Лейб – Гвардии Кавказский эскадрон Конвоя оруженосцем, где через полтора года был произведен в первый офицерский чин с переводом в Кабардинский пехотный полк с прикомандированием к Тенгинскому полку.

Почти вся его военная служба до самой отставки проходила на Кавказе и в Закавказье. Из Тенгинского полка в августе 1870 года Инал Тегаевич был переведен по собственному желанию в Нижегородский Драгунский полк, в котором прослужил около 20 лет, состоя последовательно Начальником учебной команды, командиром роты и эскадрона, помощником командира полка, несколько раз командовал полком, отбывал с ним всю русско-турецкую войну 1877–1878 гг., где после взятия орудий в деле под Бегли-Ахметом 18 мая 1877 года был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

19 октября уже в чине полковника переведен коман-

диром I Лабинского полка Кубанского войска. 3 ноября 1900 года произведен в генерал-майоры с назначением командиром I бригады I Кавказской казачьей дивизии, 6 декабря – произведен в генерал-лейтенанты.

И. Т. Кусов был уволен в отставку по болезни с пенсией и мундиром, присвоенным 17-му Нижегородскому драгунскому полку, в котором он начал свою кавалерийскую службу и проявил свою лихую горскую отвагу, участвуя во многих боях с турецкой армией.

По выходе в отставку И. Т. Кусов посвятил последние годы своей жизни полезной общественной деятельности. С самого основания нашего общества он состоит его пожизненным членом, а с 1909 года вошел деятельным членом в состав правления, с 1912 года по день кончины состоял бессменным председателем Правления.

Занимая должность председателя Правления «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», не смотря на свой преклонный возраст, Инал Тегоевич Кусов часто объезжал селения и города области, пропагандируя идею Общества, собирал пожертвования, устраивал вечера и вообще всеми способами старался поставить дело Общества на должную высоту и расширить его цели и задачи....Благодаря его неустанной энергичной деятельности построенный капитальный дом Общества, где помещается 2-е Реальное училище и в котором предназначено открытие общежития с подготовительной школой, совершенно был освобожден от банковских и других долгов. Заветною мечтою И. Т. Кусова было личное осуществление этого просветительного начинания. Также докладчик особо отмечает, что И. Т. Кусов горячо любил свой родной край, чтит старые его традиции и никогда не порывал связи с близким ему народом, который справедливо им гордился³¹³.

В 1902 году генерал-майор И. Кусов, являясь почетным блюстителем Карджинского сельского училища, опубликовал в «Терских ведомостях» статью «Просвещение на Кавказе», в которой он обращал внимание широкой общественности и правительства на бедственное положение, складывающееся в системе народного просвещения. «На 10000 жителей, – писал Кусов, – приходится 179 учащихся, то есть почти в 8–9 раз меньше, чем должно быть при обязательном школьном обучении».

И. Т. Кусов вместе с передовой интеллигенцией края горячо ратовал за всеобщее образование. Большое внимание уделял Инал Тегаевич и положению с педагогическими кадрами, повышению их квалификации³¹⁴.

Помимо просветительской деятельности, направленной на улучшение социально-культурного положения земляков, осетины-интеллигенты второй половины XIX – начала XX вв. активное участие принимали и в социально-политической сфере их жизни. Самым неоднозначным в этом отношении их представителем, пожалуй, можно назвать такого, без сомнения, яркого человека, как генерал-майор Мусса Кундухов (1818–1889).

В 1857–1859 годах он являлся начальником Военно-Осетинского округа, затем в течение трех лет состоял начальником Военно-Чеченского округа, но с этой должности был смещен из-за подозрений связи его с сектой зиккрисов «Кунта-шейха»³¹⁵. Состоя в должности начальника Военно-Осетинского округа М. Кундухов боролся с вредными и разорительными обычаями осетин. Известен его циркуляр об урегулировании этих обычаев и о совершенной отмене некоторых наиболее вредных из них³¹⁶.

Волею обстоятельств Муссе Кундухову было суждено сыграть заметную роль в кавказской военной и общественно-политической жизни середины XIX века в каче-

стве организатора переселения в Османскую империю в 1865 году примерно пяти тысяч чеченских и других горских семейств (хотя до этого он был ярким противником переселения и всячески препятствовал этому: партию переселенцев он направил, вместо удобного Дарьяльского ущелья, по Алагирскому, чтобы трудный путь заставил их повернуть обратно). Это событие стало переломным моментом и в его личной судьбе, и профессиональной карьере, разделив их на две неравнозначные части – до- и послеэмиграционную³¹⁷.

Отметим, что и до сих пор нет однозначного ответа на вопрос о мотивации его действий, мы вправе лишь предполагать – руководствовался ли он корыстными соображениями или, напротив, им действительно двигали благородные намерения во имя блага кавказских народов.

К важным психологическим факторам, сподвигшим М. Кундухова к участию в организации переселения горцев в Турцию, Чочиев Г. В. относит «нараставшее разочарование в политике российской администрации в регионе, убеждение в невозможности реализации в существующих условиях своих способностей и немалых амбиций (в том числе, в сфере гражданского управления горскими народами и их просвещения) и укрепившиеся, в особенности в ходе его визита в Стамбул летом 1864 года, иллюзий относительно перспективного превращения в Османской империи в ключевую фигуру во взаимоотношениях между Портой и массами хлынувших на ее территорию северокавказских переселенцев – этим „Кавказом в изгнании“, который стремительно и драматично формировался в данные годы»³¹⁸.

Командующий же войсками Терской области М. Лорис-Меликов в письме к начальнику Главного штаба Кавказской армии от 7 мая 1864 года за № 34 сообщал, что при

переселении М. Кундухов руководствовался гуманными соображениями – избавить горское население от последствий восстания, в возможности которого М. Кундухов был глубоко уверен: «Побуждения, руководящие в этом деле генералом Кундуховым были высказаны им мне прямо. Облегчая переселением в Турцию заботы правительства, он думает этой мерой спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания. Давнее убеждение его в неизбежности такого восстания на Восточном Кавказе, полагаю, известны и Вашему правительству»³¹⁹. Также в этой связи М. Лорис-Меликов свидетельствовал, что «...Кундухов не раз высказывал уверенность, что турецкое правительство поручит ему управление переселившимися в Азиатскую Турцию горцами и что главною заботою его при этом будет – стянув горское население в одно место, образовать отдельную область сначала на особых правах, а потом с известной степенью независимости»³²⁰.

В свое время, небезызвестные представители осетинской интеллигенции, Ахмет Дударов и Джантемир Шанаев, на основании живых воспоминаний близких к М. Кундухову лиц передавали³²¹, что М. Кундухов был во главе заговора, готовящего восстание горцев против русских за свое освобождение и независимость. В заговоре принимали еще участие представители других народностей.

Как указывал Г.А. Дзагуров, «если бы М. Кундухов не был предан интересам горцев, он в казачьих песнях не был бы заклеямен „изменником“ (сообщение Ахмета Дударова) и не рыдал бы в Турции при звуках осетинского пения: несмотря на высокое положение, он все время тосковал по родине. Особо он тосковал потому, что ему не удалось поселить горцев на границе Турции и России, чтобы легче их было двинуть на врагов. Лорис-Меликов оказался пред-

усмотрительней и категорически запротестовал против такого предложения турецкого правительства»³²². По мнению Иналука Канукова, М. Кундухов вынужден был взяться за это переселение. Лорис-Меликов предложил М. Кундухову выбрать одно: или увести с собой весь единомышленный с ним беспокойный антигосударственный элемент в Турцию, или примириться с тем, как правительство сметет с лица земли весь этот обнаружившийся антигосударственный элемент³²³.

Таким образом, представляется не вполне корректным выносить какую-либо категорическую оценку внутренним переживаниям Муссы Кундухова по поводу инициированного им эмиграционного процесса кавказских горцев в 1865 году и иллюзорности связанных с ним надежд и ожиданий. Как справедливо подчеркивает Г.В. Чочиев, «...ему не удалось ни стать признанным лидером северокавказского диаспорного сообщества, ни тем более вернуться во главе мухаджирских подразделений под Османскими знаменами на Кавказ для его „освобождения“ от власти русских. В сущности самое большее, чего смог добиться М. Кундухов на новой родине, – это подтвердить свою репутацию талантливого и храброго генерала в глазах Османского руководства и стать одним из квалифицированных исполнителей его военно-политических решений в конкретном регионе империи»³²⁴.

В изучении истории формирования осетинской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. следует выделить и другого выдающегося ее представителя – Михаила (Муссу) Ильича Канукова (1878 г. р.).

Мусса Кануков родился в осетинском селении Карджин и прожил насыщенную долгую 90-летнюю жизнь. В 1897 году он окончил Ставропольскую гимназию и в том же году поступил на медицинский факультет Киевского уни-

верситета Святого Владимира, где проучился девять лет. Он был активным участником революционного движения, в виду чего не раз был преследуем властью. Устроившись после революции 1905 года земским врачом в небольшом украинском селе Маячка Полтавского земства, он наладил связи с революционной крестьянской организацией и стал одним из руководителей местного революционного «Крестьянского союза»³²⁵. Из-за активной революционной деятельности современники прозвали врача М.И. Канукова «Красный доктор».

Активное участие в общественной жизни родной Осетии принимал упомянутый выше доктор Лаврентий Газданов.

В частности, Лаврентий Борисович Газданов ратовал за вовлечение молодежи всей Терской области, всего Кавказа в образовательный процесс, так как осознавал, что только образование может привести народ к более светлой, благополучной жизни. В связи с этим он принимал активное участие в деятельности «Владикавказского общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», издававшего пособия нуждающимся горцам из числа студентов и учащихся средних учебных заведений по всей России, членом Правления которого он являлся.

Лаврентий Газданов твердо стоял и боролся за прочный мир между народами многонационального Терека. Эта борьба была одной из отличительных его черт, как передового общественного деятеля, кровно связанного с интересами трудового народа без различия языка и вероисповедания.

В непростые дни революции 1905 г. вышла первая осетинская газета «Ирон газет»³²⁶, что говорило об огромном скачке осетинской интеллигенции в «царство свободной

мысли и культуры». В числе других передовых представителей осетинской демократической интеллигенции, у истоков этой газеты стоял и доктор Газданов. Участие в ее издании, учитывая всю сложность общественно-политической ситуации того времени, вполне справедливо можно считать подвигом во имя культуры осетинского народа.

Формально оставаясь беспартийным, доктор Газданов открыто выражал свое сочувствие Плеханову и его группе.

В национальной войне на Тереке, Лаврентий занимал твердую и последовательную позицию по ее скорейшей ликвидации и восстановлению прочного мира между народами Терека. В своих выступлениях он постоянно повторял, что «только стремлением всех (на Тереке) к мирному сожительству можно обеспечить развитие края»; он считал, что только сами народы должны решать вопросы мирной жизни ³²⁷.

Активным участником революционных событий в России в начале XX века был Ахмед (Ахмет) Тембулатович Цаликов (1882–1928) – одна из самых ярких фигур начала XX века не только Осетии, но и России. Он родился в с. Ногкау Алагирского района Северной Осетии. Окончив Ставропольскую классическую гимназию, в 1899 году он поступил на юридический факультет Московского университета, где принимал участие в студенческом движении. После университета Ахмед Цаликов окунулся в самую гущу острой политической и идеологической борьбы в России.

Член РСДРП, он был несколько раз арестован. После поражения революции 1905–1907 гг. выступил за созыв беспартийного рабочего съезда, за что подвергся критике со стороны В. И. Ленина.

Ахмед Цаликов координировал деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов

РСДРП. Пропагандировал идеи национального возрождения мусульман, был членом бюро при мусульманской фракции 4-й Государственной Думы.

В 1917 году он возглавил Всероссийский мусульманский Совет (Милли Шуро). Одновременно служил помощником присяжного поверенного в Петрограде. С июня по декабрь 1917 года был редактором газеты «Известия Всероссийского Мусульманского Совета», которая выходила в Петрограде.

Являясь председателем фракции IV Государственной Думы, он решал вопросы, связанные с судьбой 40-миллионного мусульманского населения Российской Империи. Вместе со своими соратниками по бюро мусульманской фракции IV Государственной Думы А.Т. Цаликов сразу после февральской буржуазной революции начал подготовку I съезда мусульманских народов России в Москве.

На подготовку I съезда мусульман России ушло более 1,5 месяца, и это потребовало от организаторов стольких затрат энергии, что труд этот без преувеличения можно назвать титаническим ³²⁸.

С мая 1917 года Ахмед Цаликов принимал активное участие во всех Всероссийских мусульманских съездах, на которых всегда выступал с речами, обнажая острые проблемы мусульман России и представляя пути их решения. Так на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве (где он был избран в Президиум), выступая с докладом о национально-государственном устройстве России, он отклонил принцип конфедерации и федерации на основе территориальных автономий, выразив уверенность в том, что мусульмане не захотят отделяться от России. Единственно приемлемой формой национального самоопределения мусульман страны он считал национально-культурную автономию. Россия, на его взгляд, должна

представлять децентрализованную, демократическую парламентскую республику, а культурно-национальная автономия мусульман России должна быть гарантирована конституцией страны как публично-правовой институт³²⁹. Благодаря А. Цаликову была принята резолюция, в которой утверждалось, что мусульмане России протестуют «против империалистической политики, где бы и в чём бы она ни выражалась», выступают «за мир без аннексий и контрибуций, считают заявление Временного правительства от 27 марта о целях войны первым шагом по пути отказа от империалистических стремлений старого дореволюционного правительства»³³⁰.

На II Всероссийском мусульманском съезде, который проходил с 21 июля по 2 августа 1917 года в Казани, он произнес речь, посвященную созданию мусульманской фракции в Учредительном собрании и единению всех мусульман.

А.Т. Цаликов пользовался большим авторитетом среди мусульманского мира России. Известен факт, что когда Петрограду угрожало корниловское наступление, Ахмед Цаликов подписал обращение Милли Шуро «К воинам-мусульманам армии и флота» от 30 августа 1917 года с призывом не подчиняться Корнилову. Он возглавил делегацию, ездившую для переговоров с туземной дивизией, шедшей на Петроград. Эти переговоры увенчались успехом – наступление на Петроград Корнилова было сорвано³³¹.

22 мая 1918 года Наркомнац РСФСР распустил Милли Шуро, и Ахмед Цаликов возвратился в Осетию.

На 4-ом съезде народов Терека во Владикавказе (июль-август 1918 года) он был избран членом осетинской фракции Терского Народного Совета. 6 ноября 1918 года Ахмед Цаликов, будучи председателем Терского областного Народного Совета, издал постановление о созыве V съезда

трудовых народов Терской области, который начал свою работу 28 ноября 1918 года.

Его оппонентами становились В. И. Ленин, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе и др. В одной из своих многочисленных публичных речей, защищаясь от безосновательных нападок «критиков», А. Цаликов сказал: «...Кто здесь, в Терской области, первый поднял знамя социальной революции?... В борьбе за русскую революцию я отдал лучшие годы российскому пролетариату. В последние годы я встретил загадочный мир Востока. Я хотел понести идеи революции туда. Я хотел взять луч света и понести темным массам Востока... Я не принадлежу к тем людям, которые выдают себя за коммунистов, я социал-интернационалист, идущий рука об руку с рабоче-крестьянской революцией. Я знаю горскую среду, пребывающую в первобытном состоянии, и я говорю, что те, кто утверждает, что коммунизм возможен у нас, они или политические обманщики, или их надо посадить в сумасшедший дом. Коммунизм должен базироваться на объективном положении вещей, но надо подвести под Советскую власть прочный фундамент, чтобы спасти ее от грозной опасности. И горская масса должна быть этим фундаментом»³³².

Общественно-политическую деятельность Ахмед Цаликов успешно сочетал с литературной и издательской работой: издание альманаха «Утро гор» (1910, Баку), газет «Суз» («Слово», 1915–1916, М.), «Вольный горец» (1919–1920, Тифлис), «Ног цард» («Новая жизнь», 1920, на осетинском языке, Тифлис), «Ени Дуния» («Новый мир», 1920, на тюркском языке, Тифлис) и другие.

Его книги «Чаша жизни. Миниатюры», «Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта», «В горах Кавказа. Быль, очерки и легенды» получили известность далеко за пределами Осетии.

В своих произведениях Ахмед Цаликов пишет не только о своей малой родине, но и о положении других народов Северного Кавказа и России. Перу А. Т. Цаликова принадлежит множество литературных и публицистических произведений. Их выгодно отличает одна особенность – всестороннее изучение рассматриваемой проблемы, привлечение дополнительных сведений.

К сожалению, до сих пор не найден его архив и не собраны полностью все его произведения, но по дошедшим до нас работам можно составить представление о наиболее волновавших Цаликова-публициста социально-культурных и социально-политических проблемах. Писал Ахмед Цаликов на совершенно разные темы. Его заботили вопросы, связанные с просвещением населения, общественным положением народов Северного Кавказа, их экономической и юридической беспомощностью, медицинским обслуживанием, обучением в начальной школе на Кавказе на местных языках, сословной борьбой, защитой чести и достоинства человека, правами женщин, гибелью натурального хозяйства и общинно-родового быта горцев в ходе процессов модернизации, губительной политикой царского правительства по отношению к кавказским горцам после окончания Кавказской войны, бедственным положением казачества Терской области из-за неурожаев, культурным развитием мусульман и отрицательным влиянием невежественных мулл на мусульманское население, необходимостью привлечения в административное управление на Северном Кавказе людей коренной национальности, актуальностью реформ административного механизма, введением широкого, построенного на демократических началах земского самоуправления, введением суда присяжных, историей переселения горцев в Турцию и их ролью в общественно-политической жизни Турции и

многие другие. Раскрыть социально-культурную позицию и мотивы общественной деятельности А.Т. Цаликова позволяет его собственное объяснение: «...Я стремился связать Восток с Западом, я говорил, что в революции здесь, в Европе, залог освобождения Востока... Любя Европу, которая дала мне свет знаний, я всегда хотел, чтобы эти знания были принесены и туда, на Восток»³³³.

В 1918 году А.Т. Цаликов возглавил меджлис горских народов Кавказа в Тифлисе. В 1921 году, после окончательного установления Советской власти в Грузии, Ахмед Цаликов эмигрировал сначала в Константинополь, а затем в Чехословакию и Польшу, ставшую его последним приютом.

В процессы социально-культурного развития Осетии были вовлечены все слои и категории населения. Не оставались в стороне и женщины. Революционный подъем, охвативший всю Россию в начале XX века, привел к возникновению тайных марксистских кружков, в работе которых посильное участие принимали осетинские учительницы различных учебных заведений. В осетинском женском приюте таким кружком руководили преподаватели С.Б. Газданова и М.А. Гатуева, являвшиеся членами социал-демократической партии. В активную подпольную работу активно включались и ученицы. Активистки хранили в своих домах нелегальную литературу, оружие, содействовали изготовлению в тайной типографии прокламаций, которые распространяли среди населения. Деятельность эта требовала от женщин большой самоотдачи и жертвенности. Так, к примеру, в результате преследований за свою агитационную деятельность была сослана в ссылку в Сибирь Н. Калоева, а С. Газданова и М. Гатуева были сняты с занимаемых должностей. Результатом их революционной деятельности стала петиция приютянок, в которой выдвигались требования о пересмотре учебных планов приюта³³⁴.

Как было сказано выше, представители формирующейся осетинской интеллигенции проявляли большой интерес к жизни родного народа, жили его чаяниями и своей активной деятельностью внесли немалый вклад в развитие национальной культуры и самосознания, выступали своего рода «двигателями прогресса». Нести свет в массы, быть по-настоящему полезными обществу – стало делом всей их жизни.

Более того, будет справедливым заметить, что в основе всего, чем на сегодняшний день обладает осетинский народ, весь его современный национальный облик – равноправное положение в большой семье российских народов, богатая культура, массовая образованность, высокая нравственность, этнополитическая лояльность, его доброе имя, наконец, – все это, без преувеличения, заслуга и личный подвиг его достойнейших сынов и дочерей, которые, живя в весьма непростой период второй половины XIX – начала XX вв., ставшим для осетин периодом глобальных социально-культурных преобразований, ценой огромных усилий способствовали не только сохранению национальной самобытности, но и приумножению культурного богатства, успешной интеграции Осетии в социально-культурное пространство России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выдающуюся роль в истории Осетии второй половины XIX – начала XX вв. сыграла зарождающаяся национальная интеллигенция.

Предпосылками ее появления стали отделение умственного труда от физического, образование социальных групп, освобожденных от прямого производительного труда и руководящих общественными делами, в том числе государственным управлением, правосудием, хозяйственными работами, занимающихся науками, искусством и т. д.

Интеллигенция, как известно, обладает чертами этнической группы – как бессознательным чувством общности, рождающимся из схожих стереотипов поведения и мышления, способностью к пассионарности, так и осознанием общности судьбы собственной с судьбой народной. Она трансформируется в особый маргинальный субэтнос, стремящийся к реформированию и демократизации устоявшегося общественного порядка. Одним словом, интеллигенция – это передовые люди, составляющие духовную и интеллектуальную элиту социума.

Среди факторов формирования осетинской интеллигенции можно выделить ряд основных, а именно – присоединение Осетии к России, распространение религиозного и светского образования и возникновение Владикавказа, транслирующего ценности городской культуры на всю территорию региона.

Основными задачами, выдвигаемыми представителями молодой осетинской интеллигенции были распространение просвещения в народной среде и содействие

наиболее гармоничной интеграции осетин в модернизирующийся российский социум.

С утверждением капитализма в Осетии начинается собственная история ее национальной интеллигенции, численность которой росла в результате втягивания в общероссийский научно-технический прогресс, укрепления влияния российской администрации, приобщения осетин к ценностям российской (а вместе с ней и западноевропейской) культуры и характеру общественных отношений.

С появлением интеллигенции в Осетии стали выделяться профессиональные социальные группы, представленные духовенством, учителями, военными, медиками, деятелями искусств, учеными, чиновниками, осуществляющими, помимо сугубо профессиональной, активную общественную деятельность, которые своим личным примером подтолкнули молодежь к знаниям, открыли дверь к основам новой просветленной жизни.

Составляя портрет типичного осетинского интеллигента второй половины XIX – начала XX вв., прежде всего, следует отметить такие его качества, как стремление к знаниям, изменение культурных потребностей, открытость к восприятию всего нового, высокая индивидуальная социальная адаптивность, коммуникабельность, бескорыстность, жертвенность, трудолюбие, широта взглядов, многообразие интересов, толерантность, высокая образованность, искреннее уважение и любовь к родному народу и в то же время некая отчужденность от него, обусловленная, как ни парадоксально, его отягощенностью приобретенными знаниями, просветленностью ума.

Однако известные события 1917 года внесли свои коррективы: смысл, вкладываемый в понятие «интеллигенция» был существенно искажен. Изменилось и отношение к интеллигентам. Многие из них, не проникшись аргумен-

тами новой власти и не одоблив ее действий, не сумев предать свои нравственные идеалы и не желая лицемерно подчиниться новому социально-политическому порядку «кто был ничем, тот станет всем», вынужденно эмигрировали или же были репрессированы. В связи с этим можно справедливо утверждать, что в «жерновах истории» был уничтожен цвет нации. На судьбе осетинского народа эта трагедия сказалась гораздо ощутимее, так как процесс восполнения высокоинтеллектуального и высоконравственного потенциала уничтоженных тогда писателей, поэтов, просветителей, ученых, политических и общественных деятелей на долгие годы существенно затруднился в силу его малочисленности.

Трагично и нелепо окончились судьбы многих величайших сынов Отечества, верой и правдой служивших ему всю свою жизнь. Одним из таких людей был священник и просветитель, литератор и переводчик Харлампий Цомаев, в 1914–1916 годах возглавлявший духовный журнал «Христианская жизнь». Более десяти лет прослужил он в селении Беслан, где также с его помощью было построено два больших каменных здания под мужскую и женскую школы. Здесь же он открыл первую библиотеку – читальню. В этот переломный момент он проявил себя как настоящий патриот, оставшись выше противоборствующих политических настроений в обществе. За 15 лет службы в осетинской церкви Рождества Пресвятой Богородицы во Владикавказе (с 1910 г.) он расширил и оборудовал слободскую школу, подготовил и лично определил в разные учебные заведения до 300 учеников. Когда Х. Цомаеву было запрещено заниматься богослужением, он увлекся переводческой деятельностью. Ему принадлежат переводы ряда произведений русской и зарубежной классики – повести Пушкина «Дубровский», романа Лермонтова «Ге-

рой нашего времени», документально-публицистической книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» и др. Всего на осетинский язык им было переведено около 25 книг и брошюр, но большинство из них были утеряны или сожжены в архивах НКВД.

Официальным поводом для привлечения священника к уголовной ответственности стала простая типографская опечатка: при верстке газеты «Растдзинад» от 26 августа 1936 года в обвинительной речи прокурора Вышинского о деятельности троцкистского «террористического» центра, переведенной на осетинский язык, при переносе со второй колонки на третью вместо слова «сусагай» («тайно») прошло «сусай» («хрипло»). В этом был усмотрен злой политический умысел, и 29 декабря 1937 года старший корректор газеты Харламбий Цомаев был расстрелян во Владикавказе в здании НКВД на углу улиц Бутырина и Ленина. Лишь спустя 18 лет Харламбий Цомаев был реабилитирован.

Нелепо и горько закончилась жизнь мужественного Давкуя Медоева, сполна отдавшего свой сыновний долг перед Отечеством, не успевшего скопить состояния в виду своего военного ремесла, но оставшегося при новой власти без льгот и пенсии. Вернувшись в родное Магометановское, он начал жить как обычный крестьянин, не вмешиваясь ни в политику, ни в государственные дела, пользуясь глубоким уважением у соплеменников. Однако ему не суждено было окончить жизнь с почетом, как подобает герою, ни раз рисковавшему своей жизнью во благо Отчизны. В 1930 году он также подвергся репрессиям. Его современник вспоминал: «...Я тоже оглянулся. По центру двое вооруженных всадников – гпэушников конвоировали известного в селе „полного полковника“ – как за глаза звали его сельчане – Медоева Давкуя. По сторонам улицы, ближе к домам, шли родственники и близкие, кто не

боялся в таких случаях показать свое сочувствие. Увидев эту картину, я не пошел в школу, уж очень хотелось узнать, чем все это кончится... Завели Давкуя во двор, где стояла легковая машина черного цвета без верха. Из дома вышел какой-то военный начальник. В его присутствии обыскали Давкуя и надели на него наручники. Потом первым сел на заднее сиденье один из красноармейцев с ручным пулеметом. Рядом с ним сел Давкуй. А левее – второй красноармеец. „Наш полковник“ ростом оказался на целую голову выше охранников. А по своим заслугам перед Отечеством он намного голов был выше всех, в том числе, и самого начальника, который с чувством исполненного долга увозил его.

В толпе послышался тихий плач, женщины запричитали. Тем временем рядом с шофером занял свое место старший конвоя. Завели машину, развернули его и выехали со двора. Проезжая мимо нас, Давкуй громко сказал на родном языке: „Всего доброго тебе, Чикола. Прощай! На этот раз больше не увидимся“. Давкуй был репрессирован и отправлен на поселение в город Камышлов Свердловской области, где он и умер от болезни.

Публично доброе имя Давкуя Дударикоевича Медоева было восстановлено лишь 10 ноября 1990 года в списках безвинных жертв первых массовых репрессий»³³⁵.

Безрадостно окончилась судьба и прославленного Д.К. Абациева, который не смог принять революцию, сокрушившую опору его жизни, строй и идеологию, которые его вырастили. Не понял он и контрреволюции. Вскоре Д.К. Абациев безвозвратно покинул Россию. Известно только, что он жил в Югославии, где в качестве гражданского лица работал в университетской библиотеке. Он был женат на дочери действительного тайного советника Елизавете Эдуардовне Фукс, имел трех дочерей. К сожалению,

так и осталось неизвестным, как жил этот незаурядный, необыкновенный по силе воли и выдержке человек, волею обстоятельств покинувший Родину³³⁶.

Печально сложилась и жизнь городского головы Владикавказа Г.В. Баева, который также волею судьбы оказался в вынужденной эмиграции. Доподлинно известно, что всю оставшуюся жизнь, находясь в эмиграции, Гаппо Васильевич вспоминал об Осетии, надеялся побывать там хотя бы еще раз, мечтал о том, что когда-нибудь восторжествует правда и что кто-то из потомков перевезет в Осетию его «усталые кости», которые «там обретут, наконец, долгожданный покой»³³⁷.

Полной трагизма была и судьба первой профессиональной осетинской балерины Авроры (Алокки) Данииловны Газдановой (1894–1927). На родине, в Осетии, профессиональный выбор Авроры не был одобрен ее близкими, в связи с чем, известной балетной танцовщице приходилось выступать вдали от дома.

Находясь на обучении в одной из московских гимназий, впервые увидев балет, А. Газданова решила стать балериной. Бросив гимназию тайком от родителей, она поступила в балетное училище, где успешно танцевала в паре с выдающимся танцовщиком и хореографом Большого театра Александром Горским. Во время гастролей во Владикавказе, где она выступала под псевдонимом «Троянова», семья Газдановых, строго придерживающаяся национальных канонов, узнав в балерине на сцене свою Алокку, по знаку деда демонстративно покинула зал. С этого дня балерина уже никогда не возвращалась в родной город. Отвергнутая родными, тридцатитрехлетняя танцовщица скончалась в 1927 году в Париже в результате тяжелой болезни.

Свидетелем угасания молодой женщины стал ее двоюродный брат – писатель с мировым именем Гайто (Геор-

гий) Бабпиевич (Иванович) Газданов. Вот как вспоминал об этом он сам: «...Что касается Авроры, моей двоюродной сестры, дочери моего дядюшки Даниила Сергеевича Газданова, то она училась балетному искусству в Москве, где вышла замуж тоже за балетного танцора. Если мне память не изменяет, то ее сценическая фамилия была Горская. Она потом выступала в Афинах, в Константинополе, кажется в Бельгии, затем в Париже, где она заболела горловой чахоткой и умерла в начале 1927-го года. Я в это время был студентом Парижского университета и проводил с ней много времени, т. к. муж ее должен был уехать из Парижа на гастроли в Бельгию. После его возвращения я не был у Авроры дня два, отсыпался дома, и когда я пришел к ней, я нашел только ее труп. Об этом я написал рассказ „Гавайские гитары“»³³⁸.

А вот как оборвалась жизнь близкого родственника этой замечательной балерины, врача Дзыбына (Лаврентия) Газданова. Весной 1935 г. его, как опытного врача, вызвали в Москву в Кремлевскую больницу, где лежал член ВЦИК от Северо-Осетинской автономной области Заурбек Калоев. В дороге, возвращаясь из Москвы, Газданов заболел гриппом, давшим осложнение на ухо. Была необходима срочная операция, однако она не состоялась по двум причинам: во-первых, консилиум врачей не смог своевременно поставить правильный диагноз и определить необходимость немедленной операции со срочным вызовом опытного хирурга из Тифлиса; во-вторых, нужен был самолет, который не был вовремя доставлен³³⁹.

Все революционные и первые советские годы М. А. Мисиков продолжал трудиться в Одессе, пользуясь высоким авторитетом общественности. В 1917–1918 годах он заведовал городскими общественными столовыми, в 1919 году – Санпросветом Одесской губернии и всеми школами по

ликвидации санитарной безграмотности и курсами красных сестер; после гражданской войны выступил организатором народных университетов в городе Одесса и Одесской губернии, в 1924 году – избран председателем научно-технического общества, являлся членом губернского руководства профсоюза научных работников. В 1924 году, вернувшись в Осетию, он занялся врачебной деятельностью, на свои средства приобретая лекарства и раздавая их пациентам, публикуя разъяснительные тексты о распространенных заболеваниях на родном языке. В 1925 году он стал профессором кафедры нормальной анатомии и лечащим врачом Горского педагогического института, членом Совета пединститута от профессорской курии. Годом позже он возглавил кафедру физиологии человека, а в 1927 году стал председателем естественно-исторической предметной комиссии. Далее профессорская карьера М. А. Мисикова также успешно развивалась. Однако все это время некоторые коллеги несколько раз намеревались спровоцировать его на идейно-политический конфликт, но в виду безукоризненной репутации, душевного благородства и мудрости Магомета Асланикоевича сделать это было не так просто. Тем не менее, в мае 1938 года он был арестован. Известно, что причиной ареста стал его отказ в оказании помощи власти в поисках наиболее болезненных видов пыток ³⁴⁰. Последующие четыре месяца М. А. Мисиков сам становился объектом жесточайших пыток, и в сентябре 1938 года этот выдающийся осетинский ученый, да и просто красивый человек, не выдержав очередной суровой пытки, погиб.

Изучая процесс формирования осетинской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX вв., невозможно переоценить ее роль в исторической судьбе народов Осетии. Феноменальность интеллигенции как явления, пре-

жде всего, заключается в самом факте ее появления в среде традиционного общества, в том, как в кратчайшее время изменилось мировоззрение ее представителей как части этого общества, как гармонично переплелись в них две культуры, две картины мира – традиционная осетинская и западноевропейская, пришедшая в Осетию в процессе российско-осетинского взаимодействия. Знакомясь с биографиями первых осетинских интеллигентов, невозможно не восхищаться этими замечательными людьми. Важнейшими их качествами были способность критически осмысливать положение народа, осознавать его проблемы, непоколебимое желание менять то традиционное, что тормозит его развитие, стоит на его пути к счастливой жизни.

История Осетии богата прославленными именами ее выдающихся сыновей и дочерей, трудившихся на ниве просвещения, беззаветно служивших интересам родины. Яркими звездами в этом созвездии светятся имена А. Колиева, Г. Сикоева, М. Коцоева, В. Цораева, С. Жускаева, Х. Цомаева, А. Гассиева, М. Сухиева, В. Рамонова, Г. Кантемирова, И. Абисалова, А. Туганова, Д. Абациева, Э. Мистулова, А. Борукаева, М. Баева, Г. Баева, К. Хетагурова, Е. Бритаева, М. Туганова, Г. Гуриева, Х. Уруймагова, М. Гарданова, А. Ардасенова, В. Гассиева, Б. Датиева, А. Кубалова, И. Канукова, А. Канукова, А. Цаликова, А. Коцоева, Ц. Амбалова, С. Кокиева, А. Аликова, Р. Кочисовой, А. Цаликовой, В. Абациевой-Газдановой, братьев Шанаевых и многих других.

Помнить и чтить эти достойные истинного восхищения и уважения имена – высокая задача и благородная миссия потомков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 8; Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода буржуазно-демократических революций в России. М., 1985. С. 10; Данилов А. Г. Интеллигенция юга России на рубеже XIX–XX веков: штрихи к портрету // Интеллигенция России в истории Северного Кавказа. Материалы Межрегиональной научной конференции (октябрь, 1999). Ставрополь, 2000. С. 57–71.

² Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, 164 с.; Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник док. в 2-х т./Сост. М. М. Блиев. Ред. П. П. Епифанов. Орджоникидзе, 1976. 512 с.

³ Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. 156 с.

⁴ Гатуев А. Христианство в Осетии. Исторический очерк/Сост., ред.: А. А. Горобец. – Владикавказ: Олимп, 2007. 176 с.

⁵ Аксо Колиев/Сост. Л. А. Чибиров – Владикавказ: Алания, 1999. 128 с.

⁶ Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтничного города. Владикавказ в XVIII – начале XXI вв. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007.

⁷ Дзапарова Е. Б. Формирование творческой индивидуальности просветителя Х. Цомаева: диссерт.... кандид. филол. наук. Владикавказ, 2009. 180 с.

⁸ Гостиева Л. К. Из истории этнографического осетиноведения: протоиерей К. Г. Токаев // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. СПб., 2007. С. 275–278; Гостиева Л. К. Миссионерская и просветительская деятельность священника Георгия Сикоева

// Материалы Международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (6–7 октября 2009 г., г. Владикавказ). Владикавказ, 2010. С. 241, Гостиева Л. К. Из истории этнографического осетиноведения: протоиерей Алексей Гатуев // Б. А. Калоев. Проблемы современного кавказоведения. Сб. научн. трудов. Владикавказ, 2006. С. 130–131 и др.

⁹ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. – Пятигорск, 1992.

¹⁰ Сланов И. А. Ардонская духовная семинария. Владикавказ: Проект-Пресс, 1999.

¹¹ Дзагурова Г. Т. Сыны Отечества. Владикавказ: Ир, 2003; Дзагурова Г. Т. Под российскими знаменами. Владикавказ: Ир, 1992; Дзагурова Г. Т. Осетины в Императорском Конвое // Дарьял № 3. 1992. С. 211.

¹² Киреев Ф. С. Герои и подвиги. Владикавказ, 2010. 143 с.

¹³ Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-х – 90-х гг. XIX века. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002; Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа. В XIX веке: Культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003.

¹⁴ Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX – начало XX вв.). Спб: издательство СПб ГУ, 1998.

¹⁵ Магометова В. Д. Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX века // История, этнография и культура народов Северного Кавказа: Сб. статей, Орджоникидзе, 1981; Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993; Газзаева З. А. Школа, просветительская

мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Автореф. дисс.... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004; Дзеранова Р.Ф. Организационно-педагогическая деятельность российской и горской интеллигенции на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв. Автореф. дисс.... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004; Калаева Л.Т. Становление и развитие осетинской национальной школы. Автореф. дис. канд. пед. наук. Владикавказ, 2006; Аппоева Л.М. Становление и развитие женского образования в Терской области (вторая половина XIX – начало XX вв.) Автореф. дисс....канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

¹⁶ Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.) – Владикавказ, 2006. 336 с.; Блейх Н.О. Научно-педагогическая деятельность и педагогические взгляды Г.И. Дзасохова: диссерт....кандид. пед. наук. Владикавказ, 2000. 175 с.; Чеджемова Е.Н. Педагогические воззрения А.Т. Цаликова: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.01 Владикавказ, 2006. 153 с.; Хатаева Р.А. Харитон Уруймагов (1864–1919 гг.) Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008.

¹⁷ Тхостов Д.Р. К истории развития здравоохранения в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971; Грибанов Э.Д. К истории здравоохранения Северной Осетии в первые годы советской власти. Орджоникидзе, 1958.

¹⁸ Аликова З.Р., Гурциев О.Н., Салбиев К.Д. Очерки истории здравоохранения. Владикавказ. 1995.

¹⁹ Гиоев Н.А. На страже здоровья. Орджоникидзе: Ир, 1980.

²⁰ Уадати А.С. Владикавказская городская дума (1875–1917). Автореф....дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

²¹ Тотоев М. Очерки истории культуры и обществен-

ной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе: Госиздат, 1957. 364 с.; Он же. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. 192 с.; Он же. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. 156 с.

²² Хачиров А.К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964.

²³ Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.

²⁴ Хадарцева А.А. История осетинской драмы. В 2 ч. Ч. I. Орджоникидзе, 1983.

²⁵ Фидарова Р.Я. Художественная культура осетинского народа. М.: Наука, 2007. 364 с.

²⁶ Габараев С.Ш., Георгий Цаголов. Сталинир, 1960; Суменова З.Н. Инал Кануков. – Орджоникидзе, 1972.; Дзагурова Г.Т. Общественно-политические и исторические взгляды Г.М. Цаголова. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1973; Джикаев Ш.Ф. Песни скорби и надежды. В кн.: Темирболат Мамсуров. Осетинские песни/Сост. А. Кодзати. – Орджоникидзе: Ир, 1985. 88 с. и др.

²⁷ Семенов Л.П. К вопросу об отношении К.Л. Хетагурова к русской культуре. Орджоникидзе, 1955; Габараев С.Ш. Мировоззрение Коста Хетагурова. М.: Соцэкгиз, 1959. 244 с.; Джусойты Н.Г. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958. Он же. История осетинской литературы. Кн. 1. Тбилиси, 1980; Абаев В.Д. Коста Хетагуров и его время. Тбилиси, 1961; Цховребов З.П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии. М., 1977; Цаллагов В.Н. Публицистика К. Хетагурова. Орджоникидзе, 1983; Кусоева З.К. Художественный опыт К.Л. Хетагурова-драматурга: диссерт....канд. филол. наук: 10.01.02. Владикавказ, 2008. 220 с.

²⁸ Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этноло-

гическое исследование. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 288 с.

²⁹ Туаева Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.

³⁰ Кусов Г. И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1999; Он же. Вокруг Коста. Орджоникидзе: Ир, 1979. 270 с.

³¹ Доморозов Д. И. и Балаев З. В. Кузница железнодорожных кадров. Владикавказ: Ир. 1978; Геворкян О. С. Отец фотонаборной машины. Владикавказ: Алания, 1992; Канунов Н. Д. В. А. Гассиев – создатель фотонаборной машины, М., 1953.

³² Гассиев А. А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992.

³³ Гатиев М. К. Осетины-Бауманцы. М., 2005.

³⁴ М. А. Мисиков. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: арвАсин, 2011. 157 с.

³⁵ Медоев К. Д. Наследие действительного статского советника. Датиев Б. Д. (Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 226 с.

³⁶ Габараев С. Ш. Георгий Цаголов. Цхинвали, 1962. С. 4.

³⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 году. Терская область. Тифлис, 1905. Т. 68.

³⁸ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник/Сост. Л. А. Чибиров. – Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5.

³⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т.5. Орджоникидзе, 1942; Блиев М. М. Присоединение Осетии к России. Орджоникидзе, 1959; Он же. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2; Он же. Кавказ и Средняя Азия в политике России в XVIII–XIX вв.

Москва, 1984; Он же. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к Цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.; Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник док. в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1976–1984/Сост.М. М. Блиев. Ред. Епифанов. – Орджоникидзе: Ир, 1976; Тотоев М.Т. из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. 156 с.

⁴⁰ Нарон. Развитие школ в Осетии // Северный Кавказ. 1901, № 69.

⁴¹ Уруймагов Х. Несколько слов о школах в горах Осетии // Казбек. 1900, № 751.

⁴² ЦГА РСО-А Ф. 224. оп. 1. Д. 23. Л. 11.

⁴³ Материалы по истории осетинского народа. Т.5. Орджоникидзе, 1942. С. 4.

⁴⁴ Беляев И. Русские миссии на окраинах. СПб., 1900. С. 76–77.

⁴⁵ Терские ведомости. 1912. № 185.

⁴⁶ Фарваровский С. Народное образование у осетин // Терек» 1917. № 5705.

⁴⁷ НА СОИГСИ Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

⁴⁸ Народное образование в Северной Осетии // Казбек. 1899. № 633.

⁴⁹ ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 1. Д. 131. Л. 9.

⁵⁰ НА СОИГСИ Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁵¹ ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁵² ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 1. Д. 2.

⁵³ Там же. Д. 10.

⁵⁴ Там же. Д. 11.

⁵⁵ Там же. Д. 12, 23.

⁵⁶ Там же. Д. 14.

⁵⁷ Там же. Д. 15.

⁵⁸ Там же. Д. 17.

⁵⁹ Там же. Д. 24.

- ⁶⁰ Там же. Д. 25.
⁶¹ Там же. Д. 26.
⁶² Там же. Д. 27.
⁶³ Там же. Д. 29.
⁶⁴ Там же. Д. 30.
⁶⁵ Там же. Д. 31.
⁶⁶ Там же. Д. 33.
⁶⁷ Там же. Д. 37.
⁶⁸ Там же. Д. 38.
⁶⁹ Там же. Д. 39.
⁷⁰ Там же. Д. 41.
⁷¹ Там же. Д. 43.
⁷² Там же. Д. 44.
⁷³ Там же. Д. 45.
⁷⁴ Там же. Д. 47.
⁷⁵ Там же. Д. 51.
⁷⁶ Там же. Д. 52.
⁷⁷ Там же. Д. 53.
⁷⁸ Там же. Д. 58.
⁷⁹ Там же. Д. 61.
⁸⁰ Там же. Д. 63.
⁸¹ Там же. Д. 64.
⁸² Там же. Д. 66.
⁸³ Там же. Д. 70.
⁸⁴ Там же. Д. 77.
⁸⁵ Там же. Д. 81.
⁸⁶ Там же. Д. 100.
⁸⁷ Там же. Д. 104.
⁸⁸ Там же. Д. 122, Д. 127.
⁸⁹ Там же. Д. 128.
⁹⁰ Там же. Д. 129.
⁹¹ Там же. Д. 130.
⁹² Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах:

Научно-популярный сборник/Сост. Чибиров Л.А. – Цхинвали: Ирыстон, 1991. Книга 5. С. 32. 412 с.

⁹³ Терские ведомости. 1909, № 4.

⁹⁴ Терек. 1917. № 5705

⁹⁵ Ардасенов А.Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. В. – Н. – Л. Тифлис, 1896. С. 14.

⁹⁶ Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1960. С. 134.

⁹⁷ Кавказ. 1863 год. № 27.

⁹⁸ Ларина В.И. Очерк истории городов Северной Осетии. С. 134.

⁹⁹ ЦГА РСО – А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 118. Л. Л. 1–12.

¹⁰⁰ Владикавказские епархиальные ведомости, 1896. №13. С. 205.

¹⁰¹ Ларина В.И. Указ. соч. С. 68.

¹⁰² Терские ведомости. 1896. № 82.

¹⁰³ Селение Заманкул // Терские ведомости. 1889. № 16.

¹⁰⁴ Кавказ. 1902. № 293.

¹⁰⁵ Г. Цаголов. Просвещение горцев // Терские ведомости. 1898, № 79.

¹⁰⁶ Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии. Владикавказ, 2000. С. 302.

¹⁰⁷ Гаппо Баев. Письма осетина // Казбек. 1905. № 2163.

¹⁰⁸ НА СОИГСИ Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹⁰⁹ Алексей Гатуев, протоиерей. Христианство в Осетии. Исторический очерк/Составл., ред.: А.А. Горобец.-Владикавказ: Олимп, 2007. С. 80.

¹¹⁰ Берозов Б. Социалистическая Осетия. 15 сент., 1990 года, № 213.

¹¹¹ Бирагова Ф.Р. Культурно-просветительская деятельность осетинских священнослужителей // Ритмы истории. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Владикавказ, 2003. С. 134.

¹¹² НА СОИГСИ Ф. Бациева А.С. Оп. 1. Д.84. Л. 18.

¹¹³ Гостиева Л. К. Из истории этнографического осетиноведения: протоиерей К. Г. Токаев // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. С.-Пб., 2007. С. 275–278.

¹¹⁴ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.

¹¹⁵ Засеева Л. С., Мецаев Э. М. Поборник разума и веры из Гизели // Северная Осетия, № 28 (23829), 12 февраля 2003 г.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 1 об.

¹¹⁸ Засеева Л. С., Мецаев Э. М. Поборник разума и веры из Гизели // Северная Осетия, № 28 (23829), 12 февраля 2003 г.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ ЦГА РСО-А Ф. 224. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

¹²¹ Дзапарова Е. Б. Формирование творческой индивидуальности просветителя Х. Цомаева. Автореф. диссерт... канд. филол. наук. Владикавказ. 2004. С. 5.

¹²² Гостиева Л. К. Миссионерская и просветительская деятельность священника Георгия Сикоева // Материалы Международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (6–7 октября 2009 г., г. Владикавказ). Владикавказ, 2010. С. 241.

¹²³ Гатуев Алексей, протоиерей. Христианство в Осетии. Исторический очерк/Составл., ред.: А. А. Горобец.-Владикавказ: Олимп, 2007. С. 11.

¹²⁴ Гостиева Л. К. Из истории этнографического осетиноведения: протоиерей Алексей Гатуев // Б. А. Калоев. Проблемы современного кавказоведения. Сб. научн. трудов. Владикавказ, 2006. С. 130–131.

¹²⁵ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник/Сост. Чибиров Л. А. – Цхинвал, 1991. Книга 5. С. 367.

¹²⁶ Бирагова Ф.Р. Культурно-просветительская деятельность осетинских священнослужителей // Ритмы истории. Сб. научн. трудов. Вып. 1. Владикавказ, 2003. С.133.

¹²⁷ Дзарасов А.А. Ислам на Северном Кавказе и в Осетии в средневековые и современное русло развития вероучения в регионе // Религия в современном обществе. Владикавказ, 2003. С. 42.

¹²⁸ ЦГА РСО-А Ф. 12. Оп. 2. Д. 796. Л. 16.

¹²⁹ Хетагуров К.Л. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. IV. М., 1961. 281 с.

¹³⁰ Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье. М., 1913. 153 с.

¹³¹ Таказов Ф.М. Исламские мотивы в фольклоре осетин. Автореф. диссерт.... канд. филол. наук. Владикавказ, 2004. С. 6. 199 с.

¹³² Уарзиати В.С. Ислам в культуре осетин // Эхо Кавказа. 1993. № 3.

¹³³ Бритаев С. Мусульманская школа // Терек. 1915. № 5377.

¹³⁴ ЦГА РСО-А Ф. 11. оп. 15. Д. 1204. Л. 9 об.

¹³⁵ Там же. Л. 11.

¹³⁶ Там же. Л. 7.

¹³⁷ Там же. Л. 7 об.

¹³⁸ Уарзиати В.С. Указ. раб.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ ЦГА РСО-А Ф. 224. Оп. 1. Д. 23. Л. 11 об.

¹⁴¹ Киреев Ф.С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне – Владикавказ: Ир, 2010. С. 9.

¹⁴² Там же. С. 18.

¹⁴³ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова. Оп. 1. Д. 71. Л. Л. 133–138.

¹⁴⁴ НАСОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–7.

¹⁴⁵ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 285. Л. 3–5.

¹⁴⁶ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 311. Л. 1–12.

¹⁴⁷ Кокаев С.А. Селение Хумалаг. Исторический очерк. Владикавказ, 2003. С. 79.

- ¹⁴⁸ Батыров У. Георгиевский кавалер // Северная Осетия. 25 января 1992 года № 16 (21071). С. 4.
- ¹⁴⁹ НА СОИГСИ Ф. Бациева А. С. Оп. 1. Д. 84. Л. 37.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.
- ¹⁵² НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 3.
- ¹⁵³ Там же. Л. 4.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁵⁵ Дзагурова Г. Т. Адъютант генерала Скобелева // Социалистическая Осетия. 7 июля 1990 года № 153 (20648). С. 3.
- ¹⁵⁶ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 287. Л. 4–8.
- ¹⁵⁷ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Тетр. 1. Л. 1.
- ¹⁵⁸ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Тетр. 2. Л. 15.
- ¹⁵⁹ ЦГА РСО-А Ф. 338 Оп. 1. Д. 14 а. Л. 216.
- ¹⁶⁰ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Тетр. 2. Л. 17.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 19.
- ¹⁶² Там же. Л. 27–29.
- ¹⁶³ Там же. Л. 60–61.
- ¹⁶⁴ ЦГА РСО-А Ф. 293. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- ¹⁶⁵ Стойков Васил. Эстафета мужества и отваги // Социалистическая Осетия. 17 марта 1969 г. № 65.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ НА СОИГСИ Ф. 19 (лит.). Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁶⁹ Баев Г. Письма осетина // Казбек. 1905. № 2163.
- ¹⁷⁰ Сланов И. А. Ардонская духовная семинария. Владикавказ. 1999. С.132.
- ¹⁷¹ Там же. С. 135.
- ¹⁷² НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.
- ¹⁷³ НА СОИГСИ Ф. Гуриева Г. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
- ¹⁷⁴ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова. Оп. 1. Д. 71. Л. 232.
- ¹⁷⁵ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 69. Л. 240.
- ¹⁷⁶ С. Бронштейн. Заветный пакет // Неделя. № 35 (495). 25–31 августа 1969 года. С. 20.

¹⁷⁷ Антология педагогической мысли Северной Осетии/Сост. Э. К. Каргиев, С.Р. Чеджемов. Владикавказ, 1993. С. 271.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 69. Л. 16.

¹⁸⁰ НА СОИГСИ Ф.10. Оп. 1. Д.155. Л. 5.

¹⁸¹ Там же. Л. 21.

¹⁸² ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 1. Д. 8. Л. 83.

¹⁸³ НА СОИГСИ Ф. Гуриева Г. Оп. 1. Д. 32. Л. 7–8.

¹⁸⁴ Бзаров Р.С. Об осетинском родстве Гайто Газданова. К 95-летию писателя//Северная Осетия. 27 ноября 1998 года. № 228 (22784). С. 5.

¹⁸⁵ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник/Сост. Чибиров Л.А. – Цхинвали: Ирыстон, 1991. Книга 5. С. 31. 412 с.

¹⁸⁶ Рамонов А. Доктор Туганов // Северная Осетия. 20 июля 1996 года № 134 (22187). С. 3.

¹⁸⁷ ЦГА РСО-А Ф. 961. Оп. 1. Д. №37. Л. 1.

¹⁸⁸ ЦГА РСО-А Ф. 147. Оп. 2. Д. 111. Л. 14.

¹⁸⁹ Рамонов А. Доктор Туганов Северная Осетия. 20 июля 1996 года № 134 (22187). С. 3.

¹⁹⁰ Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе: Ир, 1979. С. 82.

¹⁹¹ Свидетельство, выданное Л.Б. Газданову Испытательной Комиссией при Университете Св. Владимира 17 октября 1897 г., за № 10721.

¹⁹² ЦГА РСО – А Ф. 11. Оп. 65. Д. 1293.

¹⁹³ Труды первого съезда врачей Терской области во Владикавказе. Владикавказ, 1911.

¹⁹⁴ ЦГА РСО – А Ф. 11. Оп. 1. Д. 863. Л. 68.

¹⁹⁵ Бзаров Р.С. Слово о Гаппо Баеве//Северная Осетия. 12 апреля 1995 г. № 66 (21870) С. 3.

¹⁹⁶ Цабаев В. Юго-Осетинский театр. Цхинвал, 1961. С. 5.

¹⁹⁷ Джикаев Ш. Песни скорби и надежды/В кн.: Мамсуров Т. Осетинские песни. Орджоникидзе, 1985. С. 12. 88 с.

¹⁹⁸ Писатели Северной Осетии. Библиографический справочник. Орджоникидзе, 1973. С. 18.

¹⁹⁹ ЦГА РСО-А ФР. 759. Оп. 1. Д. 71. Л. 48.

²⁰⁰ Ныне с. Коста Хетагурово

²⁰¹ Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1926. Вып. 7. С. 147.

²⁰² Хетагуров К.Л. Произведения/Вступительная статья Н. Джусойты, авт. проекта Ж. Козырева, В. Салбиев. Сост. Т. А. Кокайты. – Владикавказ: Ир, 2009. С. 18.

²⁰³ Там же. С. 27

²⁰⁴ Хетагуров К.Л. Критико-биографический очерк. Стихотворения. Письма и воспоминания. Документы к биографии. Портреты/Издание Г. Дзасохова. – Можайск: Менеджер, 1999. Репринтное издание 1909 г. Ростов-на-Дону. С. 9.

²⁰⁵ Цабаев В. Юго-Осетинский театр. Цхинвал, 1961. С. 7.

²⁰⁶ Там же. С. 8.

²⁰⁷ ЦГА РСО-А Ф. 224. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.

²⁰⁸ Хетагуров К.Л. Произведения/Вступительная статья Н. Джусойты, авт. проекта Ж. Козырева, В. Салбиев. Сост. Т. А. Кокайты. – Владикавказ: Ир, 2009. С. 11.

²⁰⁹ Тотров Б. Из воспоминаний актера. Дзауджикау, 1951. С. 26.

²¹⁰ Джусойты Н. Елбасдуко Бритаев. Цхинвали, 1963. С. 38.

²¹¹ НА СОИГСИ Фонд «Искусство». Оп. 1. Д. 227. Л. 6.

²¹² Калоев Г.З., Х.Н. Ардасенов, Д.А. Гиреев. Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1973. С. 45.

²¹³ ЦГА РСО – А Р. 759. Оп. 1. Д. 129. Л. 105.

²¹⁴ Калоев Г.З., Х.Н. Ардасенов, Д.А. Гиреев. Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1973. С. 82.

²¹⁵ Там же. С. 83.

²¹⁶ Там же. С. 60.

²¹⁷ Восстановленный текст этой пьесы впервые был опубликован в 1950 году в журнале «Мах Дуг» № 2.

- ²¹⁸ Цабаев В. Юго-Осетинский театр. Цхинвал, 1961. С. 17.
- ²¹⁹ Там же. С. 40.
- ²²⁰ Калоев Г.З., Х.Н. Ардасенов, Д.А. Гиреев. Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1973. С. 66.
- ²²¹ Там же. С. 29.
- ²²² Габараев С. Ш. Георгий Цаголов (творчество и мировоззрение). Цхинвали, 1962. С 8.
- ²²³ Терские ведомости. 1915. №/№. 72–123.
- ²²⁴ Габараев С. Ш. Георгий Цаголов (творчество и мировоззрение). Цхинвали, 1962. С 11.
- ²²⁵ Кануков И. Сочинения. Орджоникидзе, 1963. С. 64.
- ²²⁶ Суменова З.Н. И. Д. Кануков (1850–1898)/В кн. Инал Кануков. В осетинском ауле. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 4.
- ²²⁷ НА СОИГСИ Ф. 19 (Алборов Б.А.). Оп. 1. Д. 58. Л. 26.
- ²²⁸ Кануков И. Сочинения. Орджоникидзе, 1963. С. 64.
- ²²⁹ НА СОИГСИ Ф. 55. (Мамсуров Д.) (лит.). Оп. 1. Д. 112. Л. 1.
- ²³⁰ Калоев З. Г., Ардасенов Х. Н., Гиреев Д. А. Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1973. С. 39.
- ²³¹ НА СОИГСИ Ф.59. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.
- ²³² НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 190. Л. 5.
- ²³³ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 70. Л. 190, 191.
- ²³⁴ Миллер Вс.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь/Под ред. А.А. Фреймана. Ленинград. Изд.-во Ак.Н. СССР, 1927.
- ²³⁵ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 70. Л. 18.
- ²³⁶ Там же. Л. 10.
- ²³⁷ Памятники народного творчества осетин. Вып. 3. Владикавказ, 1928. С. 1–2.
- ²³⁸ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.
- ²³⁹ Там же. Л. 3.
- ²⁴⁰ НА СОИГСИ Фонд «Искусство». Оп.1. Д. 107 а. Л. 6.
- ²⁴¹ Габараев С. Ш. Мировоззрение Коста Хетагурова. Мо-

сква: Изд.-во социально-экономической литературы, 1959. С. 19. 244 с.

²⁴² Тедтоев А. А. Основоположник живописи в Осетии // Известия Северо-осетинского научно-исследовательского института. Том. 9. Орджоникидзе, 1946. С. 74.

²⁴³ Там же. С. 78.

²⁴⁴ Там же. С. 86.

²⁴⁵ Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977. С. 28.

²⁴⁶ Дзантиев А. А. Махарбек Туганов – народный художник/В кн.: «Вопросы осетинского искусства», Орджоникидзе, 1983. С. 114.

²⁴⁷ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 71. С. 175.

²⁴⁸ Туганов М. Как я работал над картинами «Нартских сказаний» // Мах дуг. 1947. № 7. С. 40.

²⁴⁹ Владикавказские Епархиальные Ведомости. 1910. 1 октября, № 19.

²⁵⁰ Гассиев А. А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992. С. 4. 440 с.

²⁵¹ Айларова С. А. Коран и прогресс: исламоведческие исследования А. А. Гассиева // Материалы научной конференции «Религия в современном обществе», 25–27 февраля 2003 г. Владикавказ, 2003. С. 48.

²⁵² Гассиев А. А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992. С. 355. 440 с.

²⁵³ Там же. С. 380–381.

²⁵⁴ Там же. С. 11.

²⁵⁵ Там же. С. С. 345–347.

²⁵⁶ Там же. С. 23.

²⁵⁷ Бзаров Р. С. О профессоре М. А. Мисикове/В кн.: Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. С. 12.

²⁵⁸ Мисиков М. А. Материалы для антропологии осетин.

Диссертация на степень доктора медицины. Одесса 1916. С. 264.

²⁵⁹ Там же. С. 206.

²⁶⁰ Бзаров Р.С. О профессоре М. А. Мисикове/В кн.: Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. С. 15.

²⁶¹ Артанян Э. «Генерал Земли» // Тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию А.Г. Ардасенова. Владикавказ: Издательство «Горский агроуниверситет», 2002. С. 5.

²⁶² Тезисы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию А.Г. Ардасенова. Владикавказ: Издательство «Горский агроуниверситет», 2002. С. 1.

²⁶³ Ардасенов Н. Кто он – «В. Н. Л.»? // Северная Осетия. 28 сентября. 1996 г. № 184 (22237). С. 3.

²⁶⁴ НА СОИГСИ Ф. Черджиева Х.С. Оп. 1. Д. 115. Л. 54.

²⁶⁵ Баев Г. Памяти борца за свободу (Алексея Гавриловича Ардасенова) // Терек. 14 мая. 1917 года.

²⁶⁶ Наследие действительного советника. Датиев Бей.Д. (Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 46. – 226 с.

²⁶⁷ Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе: Ир, 1979. С. 129. 270 с.

²⁶⁸ Терские ведомости. 1899. № 120.

²⁶⁹ ЦГА РСО – А Ф. 12. Оп.4. Д. 110. Л. 7

²⁷⁰ Дзагурова Г.Т. Сыны Отечества. Владикавказ, 2003. С. 41.

²⁷¹ НА СОИГСИ Ф. Бациева А. оп. 1. Д. 84. Л. 20.

²⁷² ЦГА РСО-А Ф. 224. Оп. 1. Д. 261. Л. 66–67.

²⁷³ НА СОИГСИ Ф. 19 (Алборов Б.А.). Оп. 1. Д. 58. Л. 21.

²⁷⁴ ЦГА РСО – А Ф. 12. Оп. 7. Д. 206. Л. 141–142.

²⁷⁵ НА СОИГСИ Ф. 19 (Алборов Б. А.). Оп. 1. Д. 58. Л. 21.

²⁷⁶ ЦГА РСО-А Ф. 138. Оп. 1. Д. 14. Л. 6 об.

²⁷⁷ ЦГА РСО-А Ф. 123. Оп. 1. Д. 165. Л. 59–64.

²⁷⁸ Айларова С. А. Этнокультурные интересы северокавказской интеллигенции 60–70-х гг. XX в. // Б. А. Алборов и проблемы современного кавказоведения. Сб. научн. трудов. Владикавказ, 2006. С. 106.

²⁷⁹ Бзаров Р. С. Слово о Гаппо Баеве // Северная Осетия. 12 апреля 1995 г. № 66 (21870) С. 3.

²⁸⁰ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России: Сб.ст. 1909–1910. – М.: 1991. С. 382

²⁸¹ Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи; Интеллигенция в России: Сб.ст. 1909–1910. М.: 1991. С. 233

²⁸² Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: Сб.ст. 1909–1910. – М.: 1991, Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т.1. – М., 1993, Милюков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. – Ростов-на-Дону, 1905 и др.

²⁸³ Баев Г. Письма осетина // Казбек. 1905, № 2163.

²⁸⁴ Антология педагогической мысли Северной Осетии/Сост. Э. К. Каргиев, С. Р. Чеджемов. – Владикавказ: Ир, 1993. С. 7. 416 с.

²⁸⁵ ЦГА РСО – А Ф. 224. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

²⁸⁶ НА СОИГСИ Ф. Бациева А. С. Оп. 1. Д. 84. Л. 28.

²⁸⁷ НА СОИГСИ Ф. 19. Оп. 1. Д. 217. Л. 7.

²⁸⁸ НА СОИГСИ Ф. Гуриева Гагуза. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

²⁸⁹ НА СОИГСИ Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

²⁹⁰ «Казбек». № 862. 3 октября 1900 г.

²⁹¹ «Казбек», № 875. 18 октября 1900 г.

²⁹² Хетагуров К. Л. Критико-биографический очерк. Сти-

хотворения. Письма и воспоминания. Документы к биографии. Портреты/Издание Г. Дзасохова. – Можайск: Менеджер, 1999. Репринтное издание 1909 г. Ростов-на-Дону. С.7.

²⁹³ Фидарова Р.Я. Философия культуры К.Л. Хетагурова // Вопросы литературы и фольклора. Сборник научных статей. Владикавказ, 2011. Вып.V. С. 112–114.

²⁹⁴ Там же. С. 120.

²⁹⁵ Бзаров Р.С. Об осетинском родстве Гайто Газданова. К 95-летию писателя//Северная Осетия. 27 ноября 1998 года. № 228 (22784). С. 5.

²⁹⁶ История ВКП (б). Том 1, вып. 1 / Сост.Ем. Ярославский, Г. Крамольников. Н. Эльвов, И. Римский. Госиздат. Москва – 1926 – Ленинград. Листы 1 и 2.

²⁹⁷ Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979. С.130.

²⁹⁸ ЦГА РСО – А Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

²⁹⁹ ЦГА РСО – А Ф. 199. Оп. 1. Д. 179. Л. 4.

³⁰⁰ ЦГА РСО – А Ф. 297. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

³⁰¹ ЦГА РСО – А Ф. 297. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

³⁰² Беседина Л. Воин, просветитель, интеллигент... (к 165-летию со дня рождения Индриса Шанаева)/Северная Осетия. 29 мая 2004 года. № 99 (24147). С. 8.

³⁰³ Шанаева Е. Сквозь годы и века: Родословная Шанаевых. Владикавказ, 2006. С. 98.

³⁰⁴ НА СОИГСИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

³⁰⁵ Там же. Л. 8.

³⁰⁶ Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1992. С. 4

³⁰⁷ НА СОИГСИ Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 4–5.

³⁰⁸ Шанаева Е. Сквозь годы и века: Родословная Шанаевых. Владикавказ, 2006. С. 136.

³⁰⁹ ЦГА РСО-А Ф. 138. Оп. 1. Д. 14. Л. 5–5 об.

³¹⁰ НА СОИГСИ Фонд Шанаева Э.Оп. 1. Д. 1. Л. 15–18.

³¹¹ ЦГА РСО – А Ф. 11. Оп. 52. Д. 1339. Л. 54–55.

³¹² НА СОИГСИ Ф. Бациева. Оп. 1. Д. 84. Л. 18.

³¹³ ЦГА РСО – А Ф. 138. Оп. 1. Д. 23. Л. 7–8 об.

³¹⁴ НА СОИГСИ. Ф. Бациева. Оп. 1. Д. 84. Л. 18.

³¹⁵ ЦГА РСО-А Ф. 759. Оп. 1. Д. 71.

³¹⁶ Пфафф В. Народное право осетин. Сборник сведений о Кавказе. Т. II. Тифлис, 1871. С. 304.

³¹⁷ Чочиев Г.В. Кавказский лидер на службе Султанского правительства: ожидания и разочарования генерала М. Кундухова в Османской империи (некоторые факты и документы) // Б. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Сб. научных трудов. Владикавказ, 2006. С. 270.

³¹⁸ Там же. С. 271.

³¹⁹ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925. С. 18.

³²⁰ Там же. С. 35.

³²¹ ЦГА РСО-А Р. 759. Оп. 1. Д. 71. С. 52.

³²² Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925. С. 33.

³²³ Протокол общего собрания Осетинского историко-филологического общества от 6 март 1921 года № 11 «Причины переселения осетин в Турцию».

³²⁴ Чочиев Г.В. Кавказский лидер на службе Султанского правительства: ожидания и разочарования генерала М. Кундухова в Османской империи (некоторые факты и документы) // Б. Калоев и проблемы современного кавказоведения. Сб. научных трудов. Владикавказ, 2006. С. 271.

³²⁵ Кусов Г.И. Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979. С. 97.

³²⁶ Газета выходила в 1906 г., вышло всего 9 номеров.

³²⁷ Губади Дзагурти. Доктор Дзыбын Газданов // Дарьял № 4.

³²⁸ Медоев К.Д. Наследие действительного советника. Датиев Бей.Д. (Практические указания для удешевления эксплуатации и постройки железных дорог). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 62.

³²⁹ Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речи, произнесённые на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. П., 1917. С. 24–25.

³³⁰ Цаликов А. Мусульмане России и война. Речи, произнесённые на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. ГЦ 1917. С. 15.

³³¹ Салагаева З. Ахмед Цаликов/Авт. ст. в кн.: «Цаликов Ахмед. Избранное». Владикавказ: Ир, 2002. С. 418.

³³² Съезды народов Терека. 1918 г. Сборник документов и материалов в 2-х томах. Том II. Орджоникидзе, 1978. С. 202.

³³³ Там же. С. 182.

³³⁴ НА СОИГСИ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

³³⁵ Батыров У. Георгиевский кавалер. Северная Осетия. 25 января 1992 года № 16 (21071). С. 4.

³³⁶ Дзагурова Г.Т. Адъютант генерала Скобелева // Социалистическая Осетия. 7 июля 1990 года № 153 (20648). С. 3

³³⁷ Бекмурзов А. Нравственный эталон осетинского народа. Памяти Гаппо Баева // Северная Осетия, 1995, 11 апреля.

³³⁸ НА СОИГСИ Ф. Хадарцевой. Оп. 1. Д. 50. Л. 8 об.

³³⁹ Губади Дзагурти. Доктор Дзыбын Газданов // Дарьял № 4. 1993. С. 173.

³⁴⁰ Бзаров Р.С. О профессоре М.А. Мисикове/В кн.: Мисиков М.А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: арвАсин, 2011. С. 22–26.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Воспоминания об Алексее Гавриловиче Ардасенове его супруги Нины Алексеевны, составленные дочерью, Татьяной Алексеевной Ардасеновой¹

Нина Арсеньевна, находясь в преклонных годах, не имеет возможности сама составить воспоминания о своем муже Алексее Гавриловиче Ардасенове и о своей с ним совместной жизни в супружестве. Пишу с ее слов, стараясь восстановить в ее тускнеющей памяти картины прошлого.

Итак, Нина Арсеньевна была одной из дочерей генерала артиллерии Таучелова Арсения Алексеевича и его супруги Марфы Петровны Таировой. Арсений Алексеевич получил образование в Петербурге. После покорения Кавказа, его, как и многих кавказских мальчиков, отобрали по распоряжению царского правительства и направили в Петербург для получения военного образования за счет казны. Арсений Алексеевич сначала учился в кадетском корпусе, а затем в высшей военной школе. Генерал Таучелов участвовал в русско-турецкой войне и за сражение на Шипке был награжден золотым оружием и Георгиевской лентой. Всего прослужил он в армии 37 лет.

Марфа Петровна не имела образования, но обладая природным умом, сама научилась грамоте и овладела фортепиано. В семье было 9 человек детей. Двое скончались в малолетстве. Остались: Люба, Надежда, Петр, Нина, Вера, Софья и Тамара. Всем им было дано образование.

¹ Ф. Черджиева Х.С. Оп. 1. Д. 115. Л. Л. 26–47.

Здравствуют по ныне: Нина, Софья и Тамара.

Нина и Вера учились в Тифлисе, в институте благородных девиц. Знакомство А.Г. с Н. Ар. состоялось в 1897 г. В том же году состоялась и их свадьба.

Произошло это так: Ал. Гаврилович в то время служил в Боржомском имении управляющим. В Боржоме же служил двоюродный брат Марфы – Петр Гайтов. Он был знаком с Ал. Гавриловичем и знал, что он не прочь жениться на образованной осетинке. Знал он, что было уже два сватовства, но неудачных. Ал. Гаврилович был помолвлен с дочерью генерала Дударова, они уже обменялись кольцами. Ал. Гаврилович работал тогда в Кутаисской губернии. И вот когда он собрался ехать на свадьбу, его попросили и поручили его заботам одну девушку еврейской национальности, т. к. дороги были не безопасны. В дороге лошади их экипажа чего-то испугались и понесли. Отец выскочил из экипажа и повис на постомках. Лошади его подняли, но остановились. Девушка была спасена, но отца в тяжелом состоянии пришлось отвезти в Тифлис. Там жил его близкий друг, лесной ревизор Кобиев. Он и жена его Феодосия Пименовна, взяли на себя заботу о Ал. Гавриловиче и выходили его. Феодосия Пименовна была известной в то время в Тифлисе акушеркой и моей крестной матерью в последствии.

Девушка, которую Алексей Гаврилович сопровождал, очарованная им и его подвигом, полюбила его и помнила о нем всю свою жизнь.

Невеста же его, не разобравшись в обстоятельствах, оскорбленная тем, что Алексей Гаврилович не приехал на свадьбу, прислала ему письмо с отказом и вернула кольцо.

Еще одну осетинскую невесту предлагали Ал. Гавриловичу. Двоюродную сестру Нины Ар. – Раису Гайтову, но Ал. Гавриловичу она не понравилась.

Дядя Гайтов, бывая в Тифлисе всегда посещал своих

племянниц Нину и Веру. У них близился торжественный день выпуска. Их фотографировали группой и отдельно. Я знаю эти фото. Снялась Н. Ар. одна и с Верой Ар. Нина Ар. была тогда очень красива. Стройная, высокая и тонкая, с правильными чертами, чистого и открытого юного лица, с открытым и глубоким взглядом больших глаз. Дядя Гайтов выпросил у Н. Ар. фотографию и, вернувшись в Боржом, показал ее Алексею Гавриловичу. Нина Ар. произвела на Ал. Гавриловича большое и сильное впечатление. Он попросил дядю Гайтова познакомить его с семьей Таучеловых. В то время семья Арсения Алексеевича Таучелова жила во Владикавказе в собственном доме, на углу Осетинской ул. (дом стоит и поныне, но принадлежит другому владельцу). Марфа Петровна должна была приехать за дочерьми в Тифлис. Договорились, что дядя Гайтов уговорит М. П. на обратном пути заехать в Боржом. Генерал Таучелов к этому времени был уже в отставке, содержание и устройство такой большой семьи, состоящей в основном из девиц на выданье, было делом сложным.

Поэтому когда дядя Гайтов посвятил М. П. в свои планы, она дала свое согласие и, забрав из института Нину и Веру, закончивших институт с отличием, а Нина так с золотой медалью, она приехала с ними в Боржом, как бы для того, чтобы показать им курорт. Остановились они в гостинице, т. к. дядя Гайтов жил на холостом положении и не мог им оказать гостеприимства.

На другой же день, по их приезде, Алексей Гаврилович явился к ним с визитом и был представлен Марфе Петровне. Ал. Гаврилович был очень любезен и им же заявил, что разрешает им только ночевать в гостинице. Все остальное их время он берется заполнить. Приглашает их в свой гостеприимный дом и покажет им все достопримечательности курорта и его окрестностей.

Пять дней, проведенных в Боржоми, пролетели как сон. Нина Арсеньевна все больше и больше нравилась Алексею Гавриловичу. Накануне их отъезда, когда они были у него в гостях, он сделал Нине Арсеньевне предложение. Как рассказывает Нина Арсеньевна, произошло это так. Они стояли с Алексеем Гавриловичем и смотрели на чудесные цветы в цветнике, и Ал. Г. сказал: «Как был бы я счастлив, если бы молодая осетиночка согласилась бы стать моей женой!» И моя мать ответила: «Стучитесь и отворят Вам!» На другой же день Ал. Гаврилович сделал официальное предложение М. П. и получил согласие. В то время моему отцу было за сорок лет, а матери семнадцать. Но Нина Арсеньевна говорит. Что Ал.Г. был настолько обаятелен и интересен, что произвел на нее большое впечатление и она охотно вступила с ним в брак. Таучеловы уехали во Владикавказ. Перед отъездом жених и невеста условились писать друг другу, свадьбу же назначили на август месяц во Владикавказе.

В августе Ал. Г. взял отпуск и приехал во Владикавказ. 20-го августа 1897 года во Владикавказе в осетинской церкви состоялось бракосочетание Нины Арсеньевны и Алексея Гавриловича. Было подано шампанское в доме Таучеловых и тут же в экипаже молодые уехали в Боржом. Так началась их супружеская жизнь.

Революционное прошлое Ал.Г., тюрьма, каторга и ссылка отняли около 20-ти лет из молодой жизни отца. Только в 40 лет он создал себе семью.

Девятилетним мальчиком он был оторван старшим братом от родного села и послан в Москву, учиться в сельскохозяйственную школу...

В Петербурге... «Народная воля», «Кружок чайковцев». Арест в Москве, куда он был послан по заданию – затем тюрьма и Сибирь. К сожалению, в нашей семье не сохра-

нился архив Ал. Г., и мы очень мало знаем о его жизни в ссылке и тюрьме. ...Когда А. Г. был освобожден по амнистии, его выслали на родину в сел. Эльхотово, без права выезда, под надзор полиции. Материальное положение было трудное. В ссылке он научился делать бочки и начал заниматься этим, чтоб заработать на хлеб. Но братьям его это занятие и вынужденное безделье не понравилось. Они говорили: «Разве мы учили тебя для того, чтоб ты бочки делал»? Помогли старшие друзья. Кто именно, трудно сказать. Нина Арсеньевна не помнит, но несколько имен все же можно назвать, это: Сохиев – лесной ревизор из Занчезури, друг отца в течении всей последующей жизни, лесной ревизор Кобиев и генерал Кусов. В общем, друзья помогли и устроили Ал. Гавриловича в Тифлисе в сельскохозяйственной школе учителем. Затем он работал лесником в Кутаисской губернии. А когда в Боржоме срочно потребовался управляющий, то некто Медведев, начальник Управления зем. и гос. им. Тифлисской губернии, рекомендовал Ал. Гавриловича, которого хорошо знал, очень уважал и ценил по работе.

Проработав в Боржоме два года, Ал. Гаврилович наконец решил устроить свою личную жизнь.

В Боржоме родились Нина в 1899 г. и Георгий в 1901 г. Проработав в Боржоме 6 лет Алексей Гаврилович уволился. Ушел он сознательно и на худшее положение, его озлобили обстановка и среда, а может быть и какие-то личные соображения, о которых мы не знаем, связанные с его прошлым. Перешел он работать в Воронеж, лесным ревизором. Здесь родилась Ирина в 1902 году. Здесь же тяжело заболела воспалением легких Н. Ар. Врачи рекомендовали перемену климата, и наша уже сильно разросшаяся семья переехала в Закавказье, в урочище Дилижан, где А. Г. получил место лесного ревизора. Здесь родилась я, Татьяна, в

1904 г. Затем последовал перевод с повышением в г. Элизаветполь, помощником управляющего лесного хозяйства. Здесь родилась Русуданна в 1906 году. Здесь же наша семья пережила ужасы армяно-татарской резни. Были такие острые моменты и такие сильные перестрелки, что населению приходилось укрываться в военных казармах. Нина Арсеньевна бесстрашно прятала в своем доме от верной смерти несколько армянских семей. Здесь с ней произошел случай, попавший на страницы газет. Дело было так. Однажды, в момент объявления перемирия, Нина Арсеньевна со своей приятельницей Питецкой, учительницей французского языка, собралась на почту, которая находилась в Татарской части. Река разъединяла Армянскую и Татарскую части города. Нина Арсеньевна перешла мост и подошла к почте, тут она заметила, и обратила на это внимание Питецкой, что в переулке у почты, стоит фаэтон с двумя вооруженными до зубов татарами. Из-за угла выглядывал еще один подозрительный тип. Нине Арсеньевне показалось это подозрительным. Она поняла, что они готовят на кого-то покушение. И точно. В ту же минуту на пороге почты показался директор городской больницы, армянин по национальности. Как только он поравнялся с фаэтоном, татары на него накинулись, скрутили, втащили в экипаж и умчались. На улице никого не было, Питецкая в ужасе разрыдалась, но Нина Арсеньевна не потеряла присутствия духа. Она вбежала на почту и сообщила начальнику почты и охране о случившемся. Татары, находящиеся на почте уверяли, что этого не может быть. Перемирие и тому подобное. Но Нина Арсеньевна настояла на том, чтоб немедленно дали знать военному губернатору. Им был в то время некто Флейшер. Когда он узнал о случившемся, он отдал распоряжение по татарской части о том, что если немедленно директор не будет найден и возвращен, он

превратит татарскую часть в руины. Поиски тут же увенчались успехом, но говорят, что когда несчастного нашли, он уже был раздет донага, и над ним уже были занесены кинжалы.

По тому делу, Нину Арсеньевну посетил прокурор, и она не уклонилась от дачи показаний.

Как-то на улице Нина Арсеньевна встретила со спасенным ею армянином. Бедный человек, преисполненный благодарности, упал перед нею на колени и стал целовать ее руки. В 1907 году Ал. Гавриловича выдвинули на пост начальника Управления земл. и гос. имуществом в городе Эривань, и наша семья переехала туда. В то время город Эривань был в основном городом глинобитных домов, с не мощными пыльными улицами. Хорошие каменные дома можно было пересчитать по пальцам. Нам удалось нанять квартиру в только отстроенном двухэтажном доме на Губернской ул. д. 48 у татарина Багирбекова. В нем мы и прожили 11 лет до 1918 года. В доме было 5 комнат с водопроводом и канализацией. Материально жить стало легче, так как оклад у отца увеличился. К этому времени на руках у родителей было пять человек детей, няня младшей Русуданны, Пэпо, и еще взятая в дом гувернантка француженка из Парижа госпожа, мадмуазель Маргарит Мазо. Никакой роскоши в нашем доме не было. Самая необходимая и весьма скромная обстановка. Единственной роскошью был Бекеровский рояль, да ковры, которые в то время не представляли особой ценности, и на Кавказе были в доме у каждого. Мать тоже подчеркивает неподкупную честность Ал. Гавриловича. Она вспоминает такой случай: однажды какой-то человек, принес Ал. Гавриловичу курицу, когда он работал лесничим в Куб. губернии. Ал. Гаврилович повесил ее ему на шею и отослал обратно, сказав, что так будет со всяким. Кто будет ему предлагать

взятки. В Эривани, он распорядился категорически оплачивать все фрукты, которые там имели обыкновение приносить прямо в дом.

Нина Арсеньевна неукоснительно и во всем выполняла это распоряжение. Все покупалось, ничего в подарок не принималось.

К своим сотрудникам по управлению Ал. Гаврилович относился строго, но справедливо. Старался улучшить их быт. Как выразилась Н. Ар., «на совесть». Оценивал он людей по их работе. Н. Ар. рассказала несколько эпизодов из жизни А. Гавриловича в ссылке, которые он ей рассказал. Когда его везли по этапу, он тяжело заболел. Простудился, у него была очень высокая температура. Его завернули в овчину, положили в возок и поехали. По дороге на одном из ухабов его выбросило из саней прямо в снег. Ни ямщик, ни сопровождающий жандарм этого не заметили. Только на остановке обнаружилась пропажа. Хорошо, что хоть и с проклятьями, но они вернулись и нашли больного Ал. Гавриловича. Много раз смерть подстерегала Ал. Гавриловича. Однажды, это было на Лене, Ал. Г. отправился куда-то на лодке по Лене, когда он возвращался и был уже близко к дому, лодка перевернулась и он стал тонуть. Он кричал, но напрасно, в это время в избе, где он жил с другими политзаключенными, его большой друг и товарищ, больной туберкулезом, лежал при смерти, и он-то своим обостренным болезнью и любовью к Ал. Гавриловичу слухом, услышал его еле доносившийся крик. Он заметался, закричал: «Скорей, скорей. Помогите, наш Алексей тонет! Я слышу его крики!» Охрана не шевелилась. Товарищи заплатили охранникам, они вышли к реке и вытащили Алексея Гавриловича.

По дороге в Сибирь у Ал. Гавриловича произошла встреча с писателем Короленко, о которой тот упомина-

ет в своей «Истории моего современника». В последствии А. Г. поддерживал с Короленко связь, у них была переписка и однажды в один из своих приездов в Петербург из Эривани, Ал. Г. с Н. Арс. были у Короленко в гостях. Нина Арсеньевна рассказывает, что когда они пришли, писатель стоял у мольберта и писал картину, что все стены были увешаны картинами и у стен их стояло много. Короленко показывал их, писал он маслом. Не знаю, был ли художником Короленко. Возможно, что Н.А. перепутала посещения. За достоверность я не ручаюсь. За чайным столом, говорит она, сидели две дамы, одну из которых писатель представил как свою жену. В ту встречу он долго беседовал с А.Г. Содержание беседы Н. Арс. не известно. Известно, что в ссылке и тюрьме Ал. Г. много читал и занимался. В частности, самоучкой овладел французским языком, вел путевые дневники. Все это пропало. Одна книжечка из скверной бумаги небольшого размера, но плотная, прошитая – скрепленная нитками, каким-то чудом сохранилась у меня, я ее тщательно сохраняла, и вот в последние годы, она исчезла бесследно. Я до сих пор занимаюсь ее поиском, но безрезультатно, пропажа непростительная. Н.Арс. утверждает, что когда началась 2-я империалистическая война, Ал. Г. упаковал весь свой архив и отвез его во Владикавказ, оставив на хранение у Залихан Ардасеновой. Весь этот архив пропал. По-видимому, Ал. Г. придавал ему большое значение, если, боясь вооружения турок, он, прежде всего, позаботился о нем. В 1918 году Н. Арс. вышла во второй раз замуж, и с мужем уехала из Эривани, при отъезде да еще в такое тревожное время, в переполненных поездах никто и не думал о книгах и бумагах, можно было предположить, что многое осталось просто брошенным на произвол судьбы. Как объяснить иначе, что мне, 10-летнему ребенку, удалось увезти книгу А.К. Толстого «Князь серебряный»

с дарственной надписью отца и тот дневник. Н. Арс. рассказывает, что Ал. Г. в молодости был статным и красивым. Будто в бытность его студентом, курсистки в медальонах носили его портреты. Любил он охоту. Смело выходил один на один на медведя. В нашем доме в Эривани висели его трофеи, оленьи панты и лежали шкуры двух медведей и одного леопарда. Февральскую революцию 1917 года он воспринял с буйной радостью, как освобождение из мрака, как свершение всех своих чаяний. Надежда на будущее у него была светлая, и было энергичное, молодое желание уйти с головой в строительство нового мира. Смерть не дала осуществиться этим надеждам.

Т. Ардасенова 16 декабря 1966 г. Москва

Приложение 2

Воспоминания дочери лесника П. А. Доцоева²

В 1909 или в 1910 г., точно не помню, отец мой Доцоев Петр Акбертович 1876 года рождения, перевелся из г. Ардаган, в поселок Посхов-Дамавали, что расположен на реке Посховчай, Карской области и находится в 25 километрах от гор. Ахалцихи б. Тифлисской губернии.

Отец числился лесничим Посховского лесничества. Он окончил в 1907 году лесной – сельскохозяйственный – институт в Польше в г. Ново-Александрия Люблинской губернии, получив звание ученого лесоведа. Специализировался по хвойным и плодовым деревьям. Иначе говоря, был ученым дендрологом.

В Посхове – Дамавалии было намечено разбить и насадить большой питомник с тем, чтобы далее получать семена высокосортных плодов, из которых выращивать саженцы для пересадки.

К моменту приезда отца, на месте был фруктовый сад небольшой, запущенный – тенистый и старый деревянный дом – одноэтажный – на 3 комнаты.

По заданию Эриванского управления земледелия и землеустройства, начальником которого был Ардасенов Алексей Гаврилович, был создан большой питомник фруктовых деревьев (яблони, груши, сливы). И построена сушилка для получения хвойных семян. Был также построен дом из голубого и розового гранита, в котором проживал лесничий и находилась канцелярия лесничества.

Участок для питомника был выровнен, тщательно обработан, строго распланирован. К нему было подвезено удобрение. После этого, все было засажено саженцами.

Участок для питомника был выровнен, тщательно обра-

² НА СОИГСИ Ф. Черджиева Х.С. Оп. 1. Д. 115. Л. Л. 40–49.

ботан, строго распланирован. К нему было подвезено удобрение. После этого, все было засажено саженцами.

Сажены дички: яблоки, груши, сливы, привозили из леса и затем делали им прививки черенками высокосортных фруктовых деревьев. Откуда получали эти черенки я не знаю, но только помню, что их тщательно оберегали, как большую ценность. Кроме саженцев для питомника в лесу еще собирали дикие яблоки, груши, сливы, выдерживали их в специальных деревянных корытах с водой, когда они размягчались (плоды), их отмывали, мякоть отделяли от семян, семена высушивали в соответствующих условиях и, в специальных мешочках, рассылали во все лесничества Ереванского управления, для посева и выращивания саженцев будущих питомников.

Помимо плодовых семян, лесничество заготавливало и хвойные семена, которые получали, как я уже упоминала, в специальной сушилке. Для этого было построено здание 2-х этажное. Внизу находилась кочегарка, которая отапливалась использованными шишками, т. е. без семян, а на втором этаже, где было очень жарко, были прикреплены горизонтально 3 больших барабана из проволоки с отверстиями. Барабаны загружались хвойными шишками, под барабанами расстилались парусиновые полотна. По мере того, как шишки подсыхали и от жара лопались, семена из них высыпались через отверстия в барабанах и падали на парусину. Семена собирали, расфасовывали в маленькие мешочки и рассылали по лесничествам управления, для выращивания саженцев хвойных деревьев. Работа на участке начиналась с раннего утра и длилась до вечера с перерывом на обед – Шабаш, как тогда называли. Часто к нам в Посхов – Дамавалию приезжал Ардасенов А.Г. и тогда, что называется, все ходило ходуном. Он не терпел неполадок, срывов сроков и прочего.

Про него говорили, что он сам много работает с большим усердием и того же требует от своих подопечных. Говорили, что он человек строгих правил, принципиальный и большой новатор, относились к нему с большим уважением.

В 1914 г. питомник уже начал понемногу плодоносить. Но начавшаяся война, вначале с Германией, а затем с Турцией, отторгала территорию Посхов – Дамвалия. Позже говорили, что турки все уничтожили.

Так пропал титанический труд работников, которыми руководил А.Г. Ардасенов.

Отец с 1917 г. работал лесничим Владикавказского лесничества и на этом посту умер в 1922 году.

В 1917 году мы узнали о печальной участи А.Г. Ардасенова, трагически погибшего.

Еще много полезного сделал бы этот энергичный, эрудированный, неугомонный человек.

А. Доцоева (инженер-химик)

Приложение 3

Воспоминания Фатимы Кануковой об отце Алмахсиде Канукове³

Каким неугасимым, немеркнувшим светом мигают в памяти дни далекого прошлого, связанного с колыбелью осетинского букваря «Райдиан чиныг» картинки, хранящие образ отца моего.

Низенькая комнатка, топча, кровать и стол с лампой, освещающей самый заветный клочок на столе – множество листов с наклеенными картинками и пишущего без конца Алмахсида Канукова.

Временами, отрываясь от письма, он спрашивает слова на осетинском языке, допытываясь правильности их то у мамы, то у тети Пригаз.

Меня очень занимает эта интересная работа отца (мне 5 лет), но тетя не разрешает трогать эти занятные картинки с надписям: «карк, сасир» и т.д., поясняя мне, что это отец пишет книгу для осетинских детей, таких, как я.

Постепенно это воспоминание сменяется уже чтением наклепленных на листки картинок. Листы растут в объеме и тут же обсуждаются друзьями, в числе которых Коста Хетагуров.

А в это время с появлением рукописи Коста «Ирон Фандыр», тетя напевает мне песенку «Гино, гино, гис» и т. д.

Была спешная и мучительная работа отца над созданием своего букваря для родной Осетии, где в это же время создавались великие строки Коста. Надо было их издавать в печатном виде и как можно скорее.

Мечта и любовь к родному языку и грамоте особенно была острой в силу странно сложившейся судьбы отца, с раннего детства разлученного со своим родным языком

³ НА СОИГСИ Ф. к/х Оп. 1. Д. 360. п. 11. Л. 1–5.

(г. Нальчик), а позже росла и крепла любовь к родному языку, при общении с такими лучезарными людьми, как Коста. Отец мой ощущал на себе гонение царской власти уже в молодые годы и общение с революционно настроенными умами лихорадочно теснило наболевшую грудь от гнета и стона.

Любимым поэтом отца был Лермонтов («Мцыри»), Добролюбов, Чернышевский, Некрасов, Максим Горький.

С появлением на свет брата моего младшего, которому дали имя Коста, дружба его с отцом стала теснее. Между ними был решен вопрос уже тогда, кому чем заниматься, и отцу, в силу такой договоренности, возможно скорее надо было издать букварь, на что нужны были средства. А где их брать? И вот тогда, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, иногда бывают же чудеса!

Отцу моему приближаться к городу было запрещено, ввиду приезда царя. Отец, скитаясь в Даргавском ущелье, обнаружил руду и сделал заявку на нее. Полученные деньги от Бельгийского общества за заявку на эту руду, он использовал для печатания букваря в типографии Шувалова (гор. Владикавказ). И, наконец, наступило радостное для нашей семьи время: букварь с картинкой играющих детей на обложке, новенький, с запахом типографской краски, переходит из рук в руки. Тетя, прыгая говорила, что больше всех рад был напечатанному букварю наш дорогой и близкий нашей семье Коста Хетагуров.

Одновременно отец был занят созданием пьесы «Ханифа», но работа все откладывалась из-за недостатка времени и закончить ее не удалось. В это время, помню, было много шумных разговоров в домах друзей отца о Ясной поляне и жизни Льва Толстого. В это же время отцу преподнесли бронзовый барельеф Льва Толстого. Тогда же, помню, обсуждается уже выпуск журнала в этой же типо-

графии Шувалова, который решили назвать «Зонд». Редактор у нас, дома царит оживление.

Появляются рукописи, как помню, Кочисовой, Кубалова, Шанаева-поэта, и после оживленного долгого ожидания, папа радостный и сияющий приносит большой журнал «Зонд» в желтой обложке. Но очень взволнованно и с интересом все ждут следующего № 2. И вот почему-то все обрывается, а мне тетя Пригаз по секрету сообщает: «Царь запретил это издание». В доме оцепенение, тишина, а папы не видно, он скрылся неизвестно куда.

Несмотря на безнадежную растерянность, никто не плачет.

Прошло горьких два года и папа появляется живой, да еще с подарком для меня: два детских браслета от И. Канукова. И вновь начинается работа над переизданием букваря, кое-что переделывается, и в конце появляются тексты на мусульманском и христианском языках. Конечно, опять та же работа за полночь, проснувшись, я наблюдаю за ним, засыпаю под скрип его пера. Отец очень занят проникновением грамотности в гущу масс и хлопочет о распространении в Осетии грамоты на родном языке.

Добились посылки учительницы, только что окончившей Ольгинскую гимназию с правом учительствовать, Тамары Казбек, в Брут для обучения ребят в школе осетинской грамоте, по букварю отца.

Тогда же в доме появляется Бритаев (жена его Ольга, уроженка Казбек – близкий друг детства тети Пригаз). Пьеса «Дыууæ хойы» впервые ставится в грузинской школе в исполнении Ольги (жены Бритаева) и Тамары Казбек – первой учительницы осетинского языка в селе Брут, в роли Асиат. В это же время у отца нелегальные связи, поездки в Тбилиси, Кутаиси, в целях усовершенствования шрифта – разговоров об этом много (все приурочивается к удоб-

ству лучшего произношения на любимых и дорогих сердцу слов осетинского языка).

Уже идет новая работа над созданием книги «Родная речь». Опять оживление у нас с обсуждением профиля и вида нового учебника – появляется множество новых пословиц и рукописей – маленьких рассказов на осетинском языке. В доме нашем помнятся педагоги: Гуриев, Дзасохов, Сека Гадиев и др.

Эта работа опять спешно протекает ночами (за глубокую полночь), а днем у папы другая работа – он занят судебскими делами, у нас несменные гости: с ночи это клиенты отца из глубоких ущелий, за которых он хлопочет переселить на плоскость и закрепить за ними наделы в обществах, например, Беслан, Дзуарикау и т. д., причем, несмотря на почти круглосуточную работу. А дома все натягиваем экономию во всем, так как вечная нехватка денег, то и дело слышны реплики отца – денег нет, я их не кую. Как потом довелось узнать, клиентура его была не доходна, но, несмотря на большое беспокойство, он вел эти дела больше в порядке общественной бесплатности или почти так. Иллюстрируются в памяти два курьеза: 1. с Черджиевым, 2. – разговор с мамой о наделе в Беслане.

От нескончаемо напряженной работы мозга, отец переутомлен так сильно, что врач Туганов, имевший частную лечебницу, его почти силой укладывает в свою лечебницу, причем, окружая заботой, уложил его в изолированную комнату и лишает его полной возможности работать карандашом и пером, заказав медперсоналу строго наблюдать за ним, причем не взяв с него денег в уплату за лечение.

Заветная мечта отца: просвещенная, свободная Осетия, чтобы отдаленные ущелья, как Згид, где он скитался в ссылке, были наравне с городом. Его собственные усилия

и труды о проникновении грамоты и письменности и вообще культуры в дебри родных гор разбивались все о то же ненавистное самодержавие.

В суд его устроил работать Шредерс, муж Варвары Ф., которая так же была другом нашего дома, как просветитель и распространитель грамоты. Бывая у нас в гостях, они подолгу обсуждали все те же вопросы о создании и распространении нашей родной грамоты. Находясь на работе в суде, отец имеет большие возможности общаться с беднотой родной земли. Он то и дело вытягивает на плоскость даже отдельные фамилии, например, Черджиевых, Гутновых и т. д.

Соприкасаясь с гнетущим самодержавием, всю жизнь его он находит кое-какие пути облегчения судьбы, хотя бы в расширении самосознания этой бедноты в правовом отношении...

Не имея возможности окончания юридического факультета Харьковского университета, откуда он был изгнан, он добивается права «частного поверенного», но и это его не уняло. Он считается специалистом по земельным вопросам со слов тов. Егикова, его современника, ныне председателя товарищеского суда Промышленного района.

Свою публицистическую работу отец ведет после светлых и незабываемых счастливых дней революционного переворота.

Точно не помню дня, но ранней весной, когда вернулась я из гимназии, то уже со двора, не входя в дом, я слышала сплошное ликование в нашем доме – точно солнце со двора вместе со мной вкатилось в квартиру. При взгляде на отца я не узнала его, светящегося насквозь, с сияющими глазами, охваченного состоянием невесомости.

Первая фраза, которой я была встречена им, была: «Ну,

теперь свобода, и в гимназии вашей не будет портрета царя, и молитв вам петь больше не придется». А мать моя и тетя Пригаз твердили одно: «Царя нет и больше не будет»... А дальше началась работа отца в Совпед в юридической секции, куда и меня сейчас же он устроил машинисткой, конечно, бесплатно, а потому и «взятки были гладки». Какая уж я была машинистка? Но спрос на меня появился. Раз запыхавшись прибежал отец, сообщил мне: «Иди к Маркусу в отделение внешкольного образования, там будешь настоящей машинисткой. Он тебя принимает».

Дома у нас тоже была машинка, я много печатала статей отца, которые он отсылал с запиской через брата, Сергея, в редакцию к С. М. Кирову.

В это же время собирается наша молодежь и среди них я, а папа занят организацией городского клуба, где вскоре пришлось, по просьбе отца, регистрировать мандаты делегатов наших горских племен, съехавшихся со всего Кавказа на съезд...

Продолжалось это месяца два, а дальше нашествие белых банд, спешное бегство нашей семьи среди ночи окружным путем через села в Беслан, так как железная дорога перестала работать. Вся интересная вокруг жизнь сразу оборвалась – мы в Беслане, и немного времени спустя, папу назначают народным судьей в Михайловской колонке. Он заболевает в дороге, в ежедневных поездках в холодном вагоне на работу испанкой и в течение 2-х дней его не стало.

Последние дни свои и минуты он был верен себе – когда родственники пригласили к нему муллу, он отверг его и не подпустил к себе, и, как мать говорила, умер со словами «Интернационала» на устах 11 ноября 1918 года, а мать в его честь состояла делегаткой селения Тулатово, да и я ушла в работу ячейку комсомола селения Тулатово.

Приложение 4

Воспоминания учителя, автора
сборника дигорских народных сказаний
М.К. Гарданова об осетинском народном поэте
К.Л. Хетагурове (от 3 авг. 1939 г.)⁴

...Лично я питал к К.Л. Хетагурову неизмеримую любовь, которая переходила к его обоготворению. Еще в 90-х годах (1890-х), когда я еще был учеником осетинского духовного училища, я решился совершить паломничество и пойти к нему в г. Владикавказ, (ныне Орджоникидзе) познакомиться с ним и начать дело Хетагурова – освобождение Осетии из-под ненавистного колониального положения русского царизма.

Было это осенью в 1892 учебном году в октябре месяце в день нашего школьного храмового праздника Покрова Богоматери. Я получил отпуск в город и отправился пешком через Архонскую станицу. Мне тогда было 18 лет. 2-го октября 1899 г. Я с помощью знакомых разыскал квартиру К.Л. Хетагурова, постучал к нему; хозяйка дома вышла ко мне и сказала, что он (Хетагуров) отсутствует и указала мне точное время (15 часов дня), когда он всегда бывает дома. С нетерпением и каким-то чувством глубокого благоговения я ждал наступления 15 часов дня. Вот наступил 15 час, я у крыльца К.Л. Хетагурова стою и думаю, «Ну что я ему скажу? Я дерзкий юноша, а он знатный поэт, осетин. А в Осетии стыдно без согласия старших говорить с ним». И решил вернуться обратно. Вдруг из комнаты слышались чьи-то легкие шаги. Это Коста, ходит у себя в квартире; моя правая рука инстинктивно стучит в двери. Через минуту двери слегка растворились, и вышел, слегка прихрамывая, в одной белой блузе, без шапки, в туфлях, гладко причесан-

⁴ НАСОИГСИ Ф. Черджиева Х. С. Оп. 1. Д. 27. Тетрадь 6.

ные черные волосы и на подобие крыла ласточки черные усы. Я оробел слегка, стою, а говорить не смею. Коста сразу понял меня, одним взглядом охватил меня с ног до головы и спросил меня по-осетински «Кай агурыс, чи да хъауы?» (Кого ищите, кого Вам надо?) Я робко ответил ему – мне нужно видеть Коста. «Коста ищите... Идите за мною. Я Вас поведу к нему». Я ободрился и пошел в след за ним. Первые двери у парадного входа налево были двери Коста. Мой незнакомый путеводитель открыл эти двери, вошел в комнату, оставив двери открытыми, говорит мне – следуй за мной. Я вошел в первую комнату и остановился, а Коста ушел во вторую комнату. Комната, в которой я стоял, – это была комната-художественная мастерская. В этой комнате у стен стояли большие картины на полотне... Вскоре вышел Коста и наблюдал за мною, а я совсем забыл о Коста. Когда я пришел в себя, то оглянулся и мой вожатый около меня – «Пойдемте к Коста, это его мастерская...» Мы зашли в небольшую комнату с двумя окнами, обращенными на запад, к улице, и незнакомец предложил мне стул у овального стола, крытого разноцветным тоненьким персидским ковром, а сам занял место против меня и говорит: «Вот это я Коста». Я покраснел и встал. «Не волнуйтесь, сидите и расскажите, зачем Вы пришли ко мне, что Вам нужно».

Я рассказал ему, что он интересуется меня как писатель осетин и пришел познакомиться с Вами и получать от Вас указания, как работать. Коста встал с места, подошел ко мне. Я тоже вскочил по адату. Он снова усадил меня на стул, протянул ко мне руку, пожал крепко мою руку и сказал – итак, мы знакомы, а как Вас зовут. Я Михаил Гарданов, сын Кайтука. Мы опять усадились. Потом Коста повел меня в мастерскую и спросил меня, какая картина меня больше интересует. Я указал на горца-мальчика, говоря: «Коста, мне вот этого мальчика жаль, а вот они и хорошо одеты,

и обувь, и по сей день курят они фимиам, а вот этот горец мальчик и голодный, и нагой, и босой, и о нем никто не думает, Коста, кроме тебя...» Коста обнял меня... Потом дрожащим голосом я сказал ему: «Коста, я написал небольшую басню „Дуб и орешник“...» Я достал его из кармана и там же стал его читать. «Скажите, что Вы хотели этим сказать?» «Мощные люди, попы, князья и властвующие у нас из России – это могучий и ветвистый дуб, кустарник – маленькие народности Кавказа. В лесу дуб не дает прямо расти маленьким деревцам, кустарнику, орешнику, а в стране особо у нас, ардонские монахи не дают нам видеть света солнца, цвести и расти нормально, – они калечат нас... Правда, правда, мой друг, Михал. Вот теперь мы с Вами не только друзья, а родные братья, будем бороться против этого произвола, мы оба болеем одной болезнью, стонем одним горем».

Мы распрощались. Я оставил у Коста свое первое стихотворение «Дуб и орешник» и пошел к себе в Ардон.

В 1893 г. Я окончил Ардонское духовное училище, стал сотрудничать в газетах «Кавказ», «Терек», «Эхо Кавказа», «Северный Кавказ». Эта работа меня связала особо сильно с Коста, который был главным сотрудником газеты «Северный Кавказ».

В газете «Северный Кавказ» статьи, характеризовавшие социально-экономическое положение Дигории и подписанные большей частью «Народ», принадлежат мне. Коста подписывал их своим псевдонимом, чтобы отвлечь от меня внимание сильных мира сего и тем сохранить меня для Дигории.

Всю жизнь свою Коста проводил в ссылке и только изредка он появлялся на родине конспиративно. На его такие приезды народ составил следующую остроумную, полную иронии легенду:

«На осетинской земле Коста было запрещено ходить, и он (Коста) купил у персидского шаха земли-почвы 2 кулька, и держал их один под ногами, другой под сиденьем. Раз он таким образом проезжал на извозчике по Александровскому проспекту. Вдруг на встречу ему начальник области. Он остановил извозчика Коста и говорит последнему – «Тебе приказано не являться на моей земле, а ты опять здесь. Снимите его и высылайте его с этой земли в Бессарабию». «Нет, я не на твоей земле и не на земле русского царя. Я сижу на земле (почве) персидского шейха, и ноги мои стоят на ней же». При этих словах Коста привстал и указал на кулек чернозема на сидении и на другой кулек под ногами, а сам продолжил: «Если ты не разрешишь своим извозчикам ездить по своей земле, то издавай другой приказ и я больше не буду ездить по Осетии на извозчике». И Коста тронулся на извозчике дальше.

Начальник области сказал вслед ему: „Смотри мне, не волнуй народ“».

Приложение 5

Из диссертации на степень доктора медицины М. А. Мисикова «Антропология для антропологии осетин»⁵

Даргавские и Санибанские могильники относятся к отдаленнейшей эпохе жизни осетинского народа и причисляется к типу надземных могильников. В таком устройстве могильников археология видит влияние древних персов, у которых земля считалась священной, а труп – нечистым предметом, могущим осквернить землю в случае зарывания в нее тела умершего.

Могильники близ сел Даргавс и Саниба в виде цементированных многоугольных пирамидальных построек из дикого камня разбросаны на склонах гор. На боковых стенах, на разных высотах, там и сям, виднеются четырехугольные окошечки. Внутри могильники во всю ширь уставлены деревянными полками, на которых лежат покойники.

Как моим предшественникам Р.Ф. Фон-Эректу, Шантру, Малиеву, В.Ф. Миллеру, А.П. Богданову и пр. черепа мне достались с большим трудом и в два приема.

Первый раз в 1904 году, будучи в горах со студентом А. Тхостовым, в сопровождении нашего родственника Магомета Мисикова, мы захватили 5 черепов тайком от остальных осетин при содействии названного родственника. Могильник, из которого мы добыли первые пять черепов, стоял несколько поодаль от других могильников, на северной стороне, имел одно окошечко около аршина в высоту и столько же в ширину. Окно было настолько низко, что стоя, можно было разглядеть через него содержимое могильника. На полу валялось много черепов, кое-где

⁵ Мисиков М.А. Материалы для антропологии осетин. Одеса, 1916. С. С. 7–9.

в стене были следы от сгнивших деревянных полок. После долгой просьбы с нашей стороны и наших уверений в том, что это вовсе не грешно, Магомет согласился залезть во внутрь могильника; всунул голову в узкое окошечко и, протискиваясь туловищем, закрыл единственный источник света и могила внутри сразу потемнела... взглянув внутрь, он в ужасе застыл, но мы его успокоили, приободрили и он из уважения к нам все-таки влез... сделал несколько шагов по земляному рыхлому полу могильника... мелкие, сухие человеческие кости хрустели под ногами. Опять странное явление: со всех сторон слышались какие-то странные и непонятные на первый момент свистки... мы сообразили в чем дело и разъяснили нашему спутнику, что это, во всяком случае, не имеет никакой связи с покойниками... но Магомет все же долго время обращался к душам покойников, прося у них извинения за несвоевольное осквернение их останков... Мы, улыбаясь, успокаивали его... Мы с А. Тхостовым преподнесли черепа в подарок музею института нормальной анатомии Императорского Новороссийского Университета. В это же время основатель музея и заведующий им, многоуважаемый наш учитель, профессор Николай Александрович Батуев, предложил мне написать работу, при чем рекомендовал для этой цели достать еще, по крайней мере, 10 черепов.

В 1910 году, с помощью своего другого родственника Бейбулата Мисикова, человека самоотверженного, мне удалось достать еще 14 черепов, из которых один оказался негодным вследствие больших дефектов и не был измерен. Много трудов стоило, чтобы доставить черепа через селения суевенных соотечественников к ближайшей железнодорожной станции. Прodelали это так: сперва, ночью свезли к опушке леса, ближе к станции, сложили их в ящик с сеном, забили и таким образом доставили до

станции. Для большего удобства в своих измерениях я сохранил черепа для музея под теми же номерами, под которыми они хранятся в шкапу. Что касается тех черепов, которые были измерены в 1913 г., то они обозначены по порядку измерения под № 1, 2, 3 и т. д.

Измерения производились по схеме, выработанной в 1906 году на Монакском Международном антропологическом конгрессе.

Список научных трудов А. А. Гассиева⁶

Журнальные статьи:

1. Симон волхв и его время. Труды Киевской духовной академии 1868–1869 гг.
2. Коран, его происхождение и образование. Там же, декабрь 1870 г. и январь 1872 г.
3. Анализ Корана, догматики и морали/Кавказские епархиальные ведомости, 1875 г. С. 456–759.
4. Новейший философский реализм об основах религии и нравственности/Христианское чтение, 1876.
5. Основы религии и нравственности, по учению философа Гербарта и его школы. Там же, 1876.
6. О коренных недостатках нынешнего обучения по Закону Божию. Там же, 1877.

Отдельные издания:

1. К древней нумизматике. Описание объяснительное древнегреческих и римских монет, собранных в Закавказье в 1879–1889 гг. с хронологическими и историческими сведениями. Тифлис, 1890.
2. Учебник начальной русской грамматики, новым методом составленный. Тифлис, 1890.
3. Методическое пособие к учебнику. Тифлис, 1890.
4. Этимология русская, изложенная отдельно и сравнительно с славянскою, с обзором особенностей славянского синтаксиса. Высший курс. Тифлис, 1891 г.
5. Земельно-экономическое положение горцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1908.

⁶ Составлен В. А. Гассиевым, сыном А. А. Гассиева: НА СОИГСИ Ф. 19 (лит.). Оп. 1 (Алборов Б. А.). Д. 34. Л. 78.

6. Описание редких и неизданных древних монет из коллекции Гассиева. 1909. (брошюрка)

Рукописи, приготовленные к печати:

1. Осетинская грамматика, критически и сравнительно обработанная.

2. Этимологический словарь осетинского языка, с по-
словицами, идиомами и сравнительно-филологическими
замечаниями.

3. Военные добычи и денежное обращение в древней
Персии и Армении.

4. Задачи устройства быта сельского населения на Кав-
казе.

Газетные статьи:

1. О горских школах и частном обучении и пр./Тиф-
лисский Вестник, 1877 г, №№ 35, 41, 212, 23, 233, 238, 239 и
1878 г. №№ 20, 23, 24.

2. По части книжных древностей (Критический разбор
сочинения «Природа и люди на Кавказе», «Надеждина») //
«Кавказ». 1872 г. № 149, 1873 г. №№ 33, 35, 36, 37.

3. Отношение исламизма к конституции. Тифлисский
Вестник, 1877 г.. №№ 51, 213.

4. Вераования кавказских горцев.

5. Эриванские письма/Новое обозрение. 1884 г. №№
96, 103, 122, 133

6. Раскольники на Кавказе.

7. Секта езидов.

8. Педагогическое значение истории // Руководство
для сельских пастырей за 1868–1869 гг.

9. Мир мусульманский в политическом отношении //
Церковный Вестник. 1876 г.

10. Положение горской женщины-мусульманки/Тиф-
лисский Вестник.

11. Поправки к хронологическому указателю Кавказского календаря // Тифлисский лист. 1892, №№ 42, 43, 44.

12. Когда и где стали чеканить первые деньги // Там же. 1893 г. № 102.

13. К вопросу о водворении русских переселенцев на Кавказе// Тифлисский листок. 1906, №№ 197, 109.

14. Поземельное устройство государственных крестьян Закавказья// Тифлисский лист. 1906, № 129.

15. Мусульманские законы о землевладении// Тифлисский лист. 1906, № 147, безыменно напечатано.

Приложение 7

**Записи об А.А. Цаликовой
(сведения сообщены Бойковой Софьей Васильевной
(урожденной Цаликовой) и Анной (Ханифой)
Николаевной Гуриевой (урожденной Дзаховой),
лично знавшими А.А. Цаликову и ее семью)⁷**

Мать А.А. Цаликовой, кн. Тусиева, грузинка по национальности, умерла, когда Анне было около 3-4 лет. Отец Анны Цаликовой был священником в осетинской церкви (о. Александр). Второй раз он не женился (не позволял сан). Анна Александровна окончила гимназию. И до 1893 года учительствовала в церковно-приходской школе осетинской церкви. Существовала и воскресная школа для взрослых, которую организовала Варвара Григорьевна Шредер. Кроме грамоты, Анна Александровна вела уроки закона Божия, человек с тонким чувством юмора, Анна Александровна нередко, воспроизводя ответы своих учеников, доставляла немало веселых минут знавшим ее, однако смех этот не носил характера насмешки...

Знакомство Анны Александровны с К. Хетагуровым произошло следующим образом. В 1885 году, исключенный из Академии художеств в Петербурге, К. Хетагуров прибыл во Владикавказ. Здесь он поселился у Цаликовых, которые в это время в связи с ремонтом их собственного дома арендовали дом генерала Коченова, бывшего в отъезде. Как известно, мачеха Коста была урожденной Сухиевой, сестрой священника Сухиева, который, в свою очередь, был женат на родной сестре матери Анны Александровны Цаликовой, кн. Тусиевой. Св. Сухиев и рекомендовал молодого поэта Цаликовым. С этого времени началась дружба между семьей Цаликовых и К.Л. Хетагуровым.

В 1891 году произошел небезызвестный скандал в свя-

⁷ Научный архив СОИГСИ Ф. 11. к/х. Оп. 1. Д. 339. п. 11. Дзахов И.М. Л. 1-3.

зи с тем, что правительство хотело закрыть Осетинский женский приют... Тогда же священник А.Н. Цаликов был переведен в Пятигорск... В Пятигорске Цаликовы жили, как говорится, при открытых дверях. Все бывшие здесь осетины считали своим долгом бывать в доме Цаликовых. Поэтому неудивительно, что молодой блестящий офицер Осетинского дивизиона Мама Дзахсоров тоже был частым гостем в их семье.

Учитывая его отношение к Анне Александровне эти посещения более, чем объяснимы. По воспоминаниям современников, Дзахсоров был человеком незаурядной внешности и красоты. Родители его были простыми крестьянами. Отец, участник русско-турецкой войны, Георгиевский кавалер. Окончив реальное училище, он (Мама) поступил в военное училище и служил в осетинском дивизионе, расквартированном в Пятигорске. В конце 90-х годов он сделал предложение Анне Александровне. Она ответила шуткой, что, мол, он и себя не прокормит, а уж двоих и подавно. Это был не более, чем отказ в такой шутиливой форме, т. к. материально Цаликовы были вполне обеспечены. При этом Анна Цаликова, как человек, не могла материальное благополучие выставлять на первый план. Да она и сама работала.

Обиженный Дзахсоров уехал во Владикавказ и здесь сделал предложение Сона Колиевой. Перед самой свадьбой под аккомпанемент проклятий и призывов опомниться, Дзахсоров уехал назад в Пятигорск добиваться руки Анны Александровны. По дороге в Пятигорск он простудился. Воспаление легких перешло в скоротечную чахотку и через 3-4 месяца после болезни... он скончался. После этого Анна Александровна отвергала все предложения своих поклонников. (Присяжный поверенный Александр Кубалов 8 раз делал предложения Анне Александровне...).

Анна Александровна нередко выступала в любитель-

ских спектаклях. Она была 1-й исполнительницей роли Дуни. Она вела большую общественную работу. На имя ее отца приходили бандероли с Ленинской газетой «Искра». Анна Александровна распространяла газету среди подписчиков. После окончания срока ссылки К. Хетагуров прибыл в Пятигорск и некоторое время жил в доме Цаликовых.

В доме Цаликовых нередко устраивались встречи осетинской интеллигенции. Хетагуров, признанный тамада, блестящий импровизатор был всегда в центре внимания. Он неплохо танцевал (несмотря на хромоту) лезгинку и даже мазурку.

Большими гостями в доме Цаликовых были не только представители интеллигенции. Об этом свидетельствует следующий факт. В 1905 году группа осетинских бедняков отправилась в Пятигорск на заработки. Случайно встретив их на улице, Анна Александровна пригласила их домой. Цаликовы устроили кувд. А в память об этой встрече Анна Александровна, большой любитель всего нового и интересного, сфотографировала их и впоследствии разослала снимки всем запечатленным на фотографии. Один экземпляр этой фотографии сохранился. На обороте ее рукой написано: «Полка М. от любительницы фотографии Анны Цаликовой». Полка М, вероятно, Полка Метиев, изображенный на фотографии...

Анна Александровна кроме фотографии очень интересовалась искусством. Да и не могло быть иначе. Она отлично владела французским языком. Неоднократно во время своего отпуска она бывала за границей в Италии, Германии, Франции и Финляндии. Заботясь о просвещении, она и организовала в 1911-1912 гг. подготовительное училище. Но болезнь и смерть (в 1914 г Анна Александровна умерла от операции (камни в почках) в Петербурге) не дали в полную силу развернуться ее педагогическому таланту (ей было 40 лет).

Воспоминания Лидии Георгиевны Паршиной об Анне Александровной Цаликовой⁸

...Анна Александровна была моей первой учительницей. Будучи 10 лет я попала в осетинскую школу, которой заведовала Анна Александровна, тогда еще совсем молоденькая девушка. Она была в этой школе единственной учительницей, а закон Божий преподавал ее отец священник Александр. Школа эта была в ограде Осетинской церкви. Теперь в этой ограде, т.е. на этом месте, похоронили Коста Хетагурова. Там месте, где ученики Анны Александровны играли в перемены под ее наблюдением... такое совпадение... Сейчас мне 78 лет, но я хорошо помню все, что тогда было и очень радуюсь, что это место увековечно могилой Коста Хетагурова.

Ученики очень любили Анну Александровну, да ее и нельзя было не любить. Она тоже всех нас любила, заботилась о нас, интересовалась нашей жизнью и помогала, чем могла. Она обладала исключительно неотразимым обаянием: светлая, добрая, ласковая, сердечная... Всем около нее было тепло, как под солнышком, а голос мягкий задушевный утешал все наши печали. Особенны были ее глаза лучезарные, ясные... Она была еще к тому же очень музыкальна и организовала в школе хор. Я и ученик Ногаев оказались музыкально одаренными и хорошо пели. Она обратила на нас внимание, приглашала нас к себе на дом и обучала пению. У них в доме было пианино, на котором она играла. Семья их состояла тогда из отца и трех сестер. Все три сестры были народные учительницы. Еще у них было трое воспитанников – дети брата отца... В доме у них была стеклянная галерея, где сестры летом занимались со

⁸ Научный архив СОИГСИ Ф. к/х. Оп. 1. Д. 336. п. 11. Л. 11-13.

своими «летними» учениками. Анна Александровна особенно полюбила меня и заинтересовалась моей жизнью. Она стала меня расспрашивать и говорить, что мне надо обязательно в гимназии учиться. Хочу написать об этом, т. к. в этом деле выступает ярко ее интеллект. Я не могла и мечтать о гимназии тогда по своим домашним обстоятельствам, и мать моя уже решила отдать меня по окончании школы в ученицы шляпного магазина, где по ее мнению я бы скоро стала зарабатывать деньги, став, таким образом, помощницей нашей семьи, где была старшей из четверых ее детей. Я все это сообщила Анне Александровне. Кроме того, мать моя говорила, что в гимназию надо платить за правоучение и что туда принимают только дворян. Анна Александровна велела мне передать матери, что в этом (1894) году вышел приказ принимать в гимназии детей всех сословий и незаконнорожденных. Что касается платы за правоучение, она сама ее внесет за первое полугодие, а потом меня будут освобождать от платы, т. к. по ее мнению я буду идти первой ученицей. В то время хорошо учившихся бедных учениц в гимназии освобождали от платы. Что касается заработка, то я со 2 класса уже смогу зарабатывать, занимаясь грамотой с малышами, а потом репетируя отстающих в учебе учениц. Но моя мать колебалась и не шла на это. Тогда Анна Александровна очень рассердилась и сказала: «Если так, я тебя усыновлю, будешь моей дочкой и будешь учиться в гимназии! Хочешь быть моей дочкой?» Я сказала, что хочу. Когда я это передала матери, она разрешила мне поступить в гимназию. Все лето я ходила к Цаликовым на дом и Анна Александровна готовила меня к экзамену в 1 класс. А 20 августа повела меня к экзамену в гимназию. Я хорошо сдала его и была принята. Анна Александровна внесла плату за первое полугодие, справила мне форму (одежду), купила учебники, сумку и отвела в

гимназию. В дальнейшем все вышло так, как она и предполагала. Я окончила гимназию весной 1901 г. на казенный счет, как тогда говорили. Ну конечно я пела и в церковном хоре, и в осетинской церкви, и в гимназии.

Летом я набрала уроков, заработала некоторую сумму денег и уехала в Петербург, мечтая поступить в консерваторию учиться пению. Вот какая была Анна Александровна!

...В 1903 году я на лето приехала в Пятигорск, где в то время жили Цаликовы. Каждый вечер я была у них. Все они были очень гостеприимны. Анна Александровна весь вечер аккомпанировала певцам, которые приходили к ним, а сестры угощали чаем, следя за столом с гостями. Около Анны Александровны пели дуэты, трио и другие чудесные вещи... Я тогда уже хорошо могла петь некоторые арии из опер... Анна Александровна очень радовалась такому окружению, и всем тогда было около Цаликовых тепло, светло и радостно.

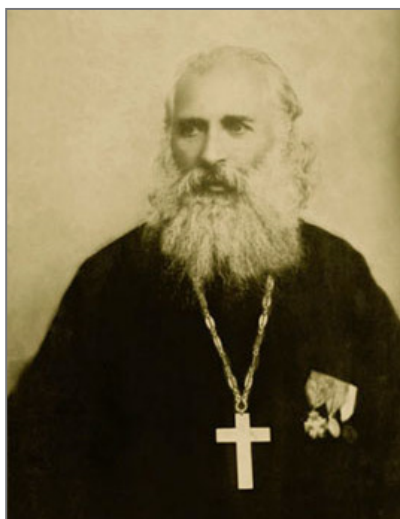
Приложение 9⁹

Батырбек Кубатиев

Мосей Коцоев

Алексий Гатуев

Харлампий (Хазрет) Цомаев

⁹ Фотоматериал предоставлен Научным архивом СОИГСИ им. В.И. Абаева.

Аврора Газданова

Аврора Газданова с коллегами по русской балетной труппе, 1925 г.

Ахмед Цаликов

А. Цаликов с сотрудниками газеты

Мусса Кундухов

*Эльмурза Мистулов - 1-й справа
(с братом и племянником)*

Асламурза Есиев

*Асламбек и Хамби
Тугановы*

Николай (Дудар) Караев

Инал Кусов

Дзамболат Абацев

Асланбек Тебиев

Ганно Баев

*Ганно Баев в должности
городского головы*

Бей-Булат и Кавдын Датиевы

Алихан Ардасенов на фоне своего питомника

Алихан Ардасенов

Ефим (Кургок) Газданов

Георгий Цаголов

Цоцко Амбалов

Ахполат Аликов

Роза Кочисова

Борис Томров

Афанасий Гассиев

Инал Кануков

Алмахсид Кануков (сидит)

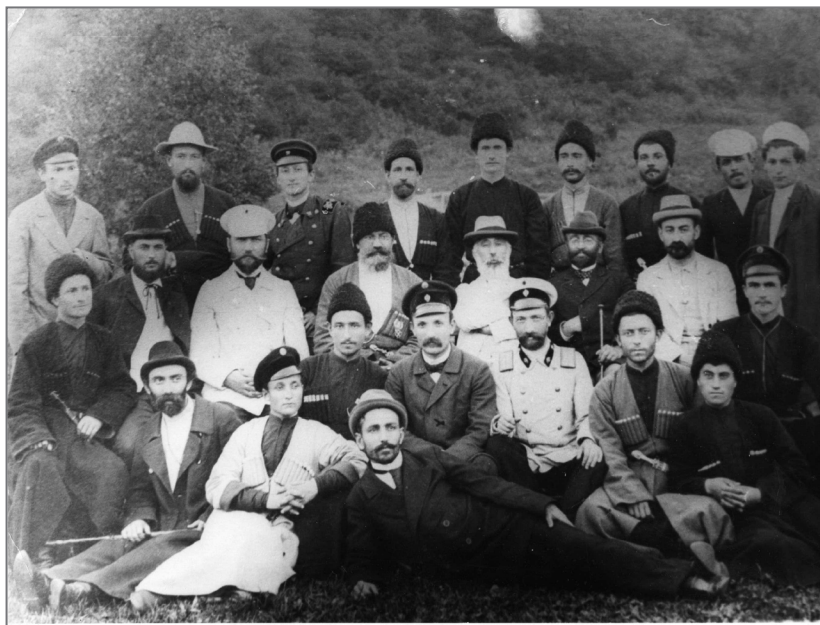
*Хусина Баев
(автор К.Л. Хетагуров)*

*Анна Александровна
Цаликова (слева)*

Махарбек Туганов

К.Л. Хетагуров и представители осетинской интеллигенции

Анна (Ханифа) Гуриева

*Воспитанники Александровской духовной Семинарии. 1903 г.
Среди них осетины: Г. Бараков (2-й ряд, 3-й слева);
А. Дзадзиев (2-й ряд, 2-й справа); Т. Габуев (3-й ряд, 1-й слева);
Кесаев (3-й ряд, 2-й слева); Эристов (3-й ряд, 4-й слева);
Теджиев (3-й ряд, 3-й справа)*

Гагудз Гуриев (2-й ряд, 4-й слева)

*Сидят (слева направо): И. Собиев, Ц. Амбалов, Ф. Фрейман,
М. Гарданов; стоят: М. Мисиков, Г. Бекоев, Г. Дзагуров, Г. Гуриев*

Научное издание

ДЗАЛАЕВА Камила Руслановна

ОСЕТИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Второе издание, переработанное

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор *Е. Н. Маслов*
Оформление обложки *Е. Н. Макарова*
Компьютерная верстка *С. А. Булацева*

Подписано в печать 28.08.12. Формат бумаги 60×84 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура шрифта “Myriad”. Печать цифровая. Усл. п. л. 17,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 136.

ИПО СОИГСИ им.В.И.Абаева
362040, г.Владикавказ, пр.Мира, 10

Тел.: 8(901) 491-31-77
E-mail: rio-soigsi@mail.ru